

Татьяна
Костандогло

ПЯТЫЙ ВОЗДУХ

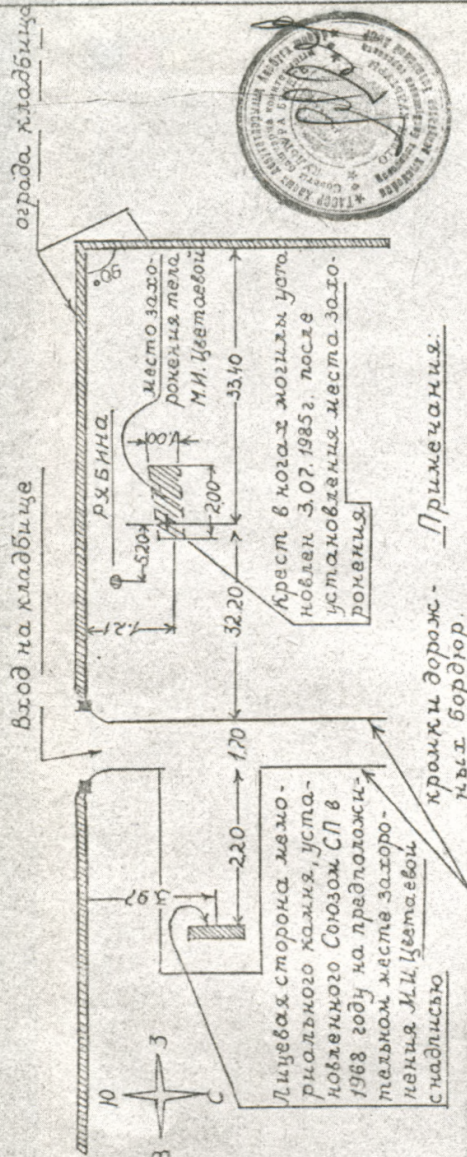
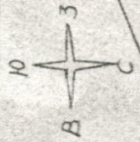
ВЕРСИЯ УБИЙСТВА
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Татьяна
Костандогло

ПЯТЫЙ ВОЗДУХ

ВЕРСИЯ УБИЙСТВА
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Проверка и привязку произвели
схему - приложенную к указанным
протоколам-выполнения: Березкин С.В.

огорода, кладбище

Вход на кладбище

Р.Х.БИНА

Место захоронения тела
М.И. Цветаевой

Крест в когач могилы убитой
3.07.1985г. после
установления места захоронения

Крест у автомашины в точке, куда три похоронки был вкопан пасынок телеграфного столба снадписью: М.И. Цветаева. Пасынок был взят со строящейся рядом телеграфной линии (см. протокол опроса и свидетельский показаний Чурбановой Марии Ивановны от 2 июля 1985г, составленного жур-нальстом П.-воваровой Т.С. и заверенный тогда же Испылконом г. Елабуга).

Примежания:

Лицевая сторона мемориального камня, установленного Союзом СП в 1968 году на предполагаемом месте захоронения М.И. Цветаевой снадписью

Крест у автомашины в точке, куда три похоронки был вкопан пасынок телеграфного столба снадписью: М.И. Цветаева. Пасынок был взят со строящейся рядом телеграфной линии (см. протокол опроса и свидетельский показаний Чурбановой Марии Ивановны от 2 июля 1985г, составленного жур-нальстом П.-воваровой Т.С. и заверенный тогда же Испылконом г. Елабуга).

Координатная схема привязки места захоронения тела Марины Ивановны Цветаевой на кладбище города Елабуга, установленного свидетелем клямы покаяния. См. 2 протокола от 1 и 2 VII 85г заверенных Испылконом 2. VII-85г.

2. Поэтому, установленный крест прикият от правую точку при привязке на местности координата захоронения.

С.В. Березкин

Татьяна
Костандогло

ПЯТЫЙ ВОЗДУХ

*ГОЛОС ПРАВДЫ
НЕБЕСНОЙ
ПРОТИВ ПРАВДЫ
ЗЕМНОЙ*

**ВЕРСИЯ УБИЙСТВА
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Москва

ББК 84
К72

Костандогло Т.

К72 Пятый воздух // Версия убийства Марины Цветаевой. – М., 2010. – 216 с.

ISBN 978-5-88898-429-1

Книга «Пятый Воздух. Версия убийства Марины Цветаевой» – документальная. Все факты и действующие лица подлинные. События происходят летом 1985 года в Елабуге и Казани, городах Татарской АССР. Первая часть книги «Пятый Воздух» – воспоминания автора о событиях, связанных с поиском последнего земного пристанища Поэта М. И. Цветаевой по поручению семьи. Во второй части – впервые публикуются журналистское расследование и личные письма А. Б. Цветасва-Трухачёва в государственные органы. Он не раз пробовал решать важные для семьи вопросы, но увы – безрезультатно. Третью часть книги – поэтический сборник «Без словаря» автор посвящает своему Учителю, Поэту Марине Цветаевой. Любители поэзии узнают стихи, ставшие свидетелями минувших событий.

Татьяна Костандогло начинала литературную деятельность, будучи в составе Литфонда СССР. В настоящее время – член Союза писателей РФ. Она автор поэтических сборников: «Я прикоснулась к тайне бытия», «Тебе – достойному по Духу», «Не разлуки страшны, а встречи», «Над колыбелью с дышащим огнём». «Очередь в туалет или философия успеха», «Без словаря». Готовится к печати новая поэтическая книга «Аутодафе».

Автор выражает сердечную признательность Алексею Станиславовичу Меркулову, благодаря которому книга «Пятый Воздух» вышла в свет (Посвящение – на стр. 203).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Пятый Воздух» должна была родиться четверть века назад. Однако по причинам, о которых читатель узнает из повествования, книга выходит в свет только сегодня. Молодому поколению трудно представить себе, что происходило в стране семьдесят лет назад, трудно понять ушедшее время, но тем важнее знать о нём – история, увы, любит повторяться. Задумал книгу Андрей Борисович Цветаев-Трухачёв, племянник Марины Цветаевой, сын её родной сестры – Анастасии. Время распорядилось по-своему, но я считаю книгу «Пятый Воздух» нашим совместным с Андреем трудом.

Андрей, несмотря на свой возраст... Нет! Правильнее будет сказать, не смотрел на свой возраст, а ещё точнее – не имел его. Я звала его Андреем, ему так нравилось. Наша встреча имеет свою историю, загадочную и печальную. Скажу одно – встретившись, мы не расстались. Андрей стал крёстным отцом моей дочери Елены и другом нашей семьи. Для многих, кто его знал, Андрей остался незабываемым человеком. Личность. Аристократ. Блестящий эрудит. Порядочность, верность, обязательность – его отличительные черты. По профессии Андрей архитектор. Потрясающий рассказчик, владеющий молниеносным чувством юмора и умением мгновенно располагать к себе людей. Одним словом, Человек-Порода, общение с которым – редкое счастье!..

Дед Андрея, дворянин Иван Владимирович Цветаев, отец Марины и Анастасии Цветаевых – российский учёный-историк. Археолог, филолог, искусствовед. Член-корреспондент Петербургской Академии наук, доцент Императорского Варшавского университета и Киевского университета имени святого Владимира. Почётный член Болонского университета. В Московском университете Цветаев преподавал латинский язык на кафедре римской словесности. Научные труды Ивана Владимировича посвящены античной филологии, изучению италийских языков, искусству культурной жизни древних народов. Иван Владимирович Цветаев – создатель, основатель и единоличный собиратель первого в России Музея изящных искусств. Сегодня Музей – одна из главных достопримечательностей нашей страны. Он получил мировую известность – Музей изобразительных искусств имени... Александра Сергеевича Пушкина.

Дочь Ивана Владимировича Цветаева – Марина Цветаева. Поэт милостью божьей. Она трагически закончила свой земной путь в Елабуге, в августе 1941-го. Официально по многим литературным источникам место её захоронения по сей день считается неизвестным. Попытки найти могилу родственники не раз предпринимали, но – безуспешно. Всякий раз слово поиск теряло свой смысл. Почему – читатель узнает, познакомившись с событиями, о которых и пойдёт речь.

В книге представлена моя версия о том, что Поэт Марина Цветаева не уходила из жизни сама. Я не одинока в своём предположении. Будет ли с Марины Цветаевой снято клеймо самоубийцы?

Книга «Пятый Воздух» – иск времени, попытка восстановить историческую справедливость по отношению к семье Цветаевых – истинным патриотам земли российской, заплатившим за право ими быть и делами, и жизнью своей.

Поэт Татьяна Костандогло

**Я ИСПОЛНЮ
ВОЛЮ ТВОЮ,
АНДРЕЙ**

Анастасия Ивановна Цветаева с сыном Андреем Трухачёвым. 1979 г.

Анастасия Ивановна в своей квартире. 1989г.

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*

.....
*Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлёт раба,
И тут кончается искусство...*

И начинается судьба.

Борис Пастернак

ВАМ ОТКРЫТ ПУТЬ

Когда ко мне впервые пришла мысль искать последнее земное пристанище Поэта Марины Цветаевой? С этим связано событие, своего рода трамплин. Да, да, – именно там, в гостях у Владимира Ивановича Сафонова, книгами которого «Нить Ариадны» и «Нечто» зачитывались в то время многие. К автору у меня были вопросы, а Андрей хорошо знал Сафонова. Он договаривается о встрече и мы получаем любезное приглашение.

...Владимир Иванович – человек-магнит. Увлекательный рассказ о новейших научных открытиях, имеющих дело с необъяснимыми явлениями природы, покоряет всех. Среди слушателей Павел Глоба, тогда ещё широко не известный. Он подходит ко мне и пугающим шёпотом спрашивает:

- *Вы знаете, сколько Вам лет?*
- Нет, – отвечаю тоже шёпотом.
- *Сказать?*
- Скажите!

Присев рядом, Глоба серьёзно говорит:

- *Вам 450 миллионов, представьте себе!*

Все смеются, а я охотно соглашаюсь:

- Приличный возраст, не возражаю! Спасибо, буду знать.

С тех пор на вопрос, сколько мне лет, ответ был всегда один:

«450 миллионов!» Причём, говорилось это чаще серьёзно, редко с улыбкой. Как правило, по реакции человека можно было безошибочно понять, с кем имеешь дело.

Физик Геннадий Ахангельский из Калуги, демонстрирует действие рамки, отвечающей на любые вопросы. Сегодня этой рамкой вряд ли кого удивишь, а тогда это было новшеством, по крайней мере, для меня. Все гости сразу становятся детьми и предаются увлекательной игре – прячут предметы, которые Геннадий безошибочно находит. После того, как моя записная книжка трижды нашлась в самых невероятных местах, неожиданно для себя, волнуясь, спрашиваю:

– А можно ли таким способом найти место захоронения Марины?

Все знают о том, что Андрей племянник Цветаевой. Ответ, от которого у меня мороз по коже:

– *Давайте план кладбища, определим, не выходя на место.* Глоба в упор смотрит на меня и очень тихо произносит в полной тишине:

– *Татьяна, Вам открыт путь – действуйте.*

Мне не по себе. Расходимся поздно. В метро молчим, но мысли об одном. Прощаясь, Андрей говорит: «Завтра с утра – к маме, вечером – к тебе. Геннадий тоже обещал быть». Долго не могу уснуть. Приходят строки, от которых голова кругом.

– Глупая, ку-да?
Не твоя беда...
Я – себя – дотла,
Ночь – светла.
Не смотри! Уй-ди!
Фавн вы-у-дит!
В стенах ужаса
Пепел кружится...

– Здравствуй,
Звёздная! Здра...

Стих пьянит с утра.
Где твой нынче кров?
Не сыскать следов?
Строки – выведут!
Рифмы – в мостики!
Вот он, божий суд –
Стынут просеки...
Из земной петли,
И – не невзначай:
Хватит – иссекли.
Выходи. Встречай.

23 июня 1985

Решение принято. Лишний раз убеждаюсь в том, что каждая случайность – неосознанная закономерность. На следующий день, ближе к вечеру, приезжают Андрей с Геннадием. Анастасия подробно описала словами ту часть кладбища, где установлен мемориальный камень. Андрей вычертил с её слов схему на бумаге. Ему не составило труда разобраться в том, что необходимо Геннадию. Неужели сейчас, в эту самую минуту, будет определено место, которое сорок четыре года не могли найти?

– Это здесь, – говорит Гена, – делая отметку на чертеже, – приблизительно в сорока метрах от мемориального камня. Андрей, глядя на меня, спрашивает:

– Ты готова?

Смотрю на мужа. Вместо ответа – вопрос:

– Когда едешь?

В среду, 26 июня 1985 года, с письмом Анастасии Ивановны Цветаевой на имя председателя горисполкома, я отправляюсь в Елабугу. На вокзал Андрей привозит две горсточки земли с могилки родственников и просит передать их Марине. Я знаю, что земля живая, умеет говорить, способна действовать. Но разве в обычной жизни мы это замечаем? Ходим по ней, да и только... Если вдуматься, *земля* – единственная драгоценность в нашем мире. Как её ласково зовут? Земелька, земелюшка...

Поезд набирает скорость. Напротив меня девчушка лет десяти, в руках у неё маленький поэтический сборник. Интересно, чьи стихи. Показывает – Сергей Есенин. ...Вспоминаю себя приблизительно в таком же возрасте. Поезд «Ташкент – Ленинград». Мы с мамой едем к бабушке. На столике чей-то сборник стихов в голубой обложке. Открываю, читаю один стих, второй, третий и громко выношу «приговор»:

– Кто такая Марина Цветаева? Разве это стихи? Ерунда какая-то! Бред!

Мама в ужасе:

– Что ты себе позволяешь, Таня? Сначала дорасти до Цветаевой, а потом – оценивай!

...Так было, да – так было! Сколько раз в своей жизни я вымаливала прощение у Марины, у мамы, у пассажиров, невольных свидетелей разговора... Мне и сейчас хочется кричать на весь мир: – Прости, Марина! Прости дуру!

ЕЛАБУГА. МАРИНА УЖЕ ЖДЁТ... ВСЕ МЫ НЕ ОТ МИРА СЕГО!

Елабуга встречает проливным дождём. По ночному небу мечутся молнии, гром сходит с ума. Андрей забронировал место в гостинице. Время позднее – 22 часа. Прошу администратора объяснить, как добраться до кладбища. Та в ужасе:

– Вы нормальная? Ночью, в грозу, одна? Транспорт туда не ходит, это далеко!

И всё же на вопрос отвечает. А я даже себе не могу объяснить, почему именно сейчас *там* необходимо быть. Это можно только чувствовать сердцем, которое не признаёт ни дней, ни ночей, ни часов, ни веков, ни расстояний. Оно готово, вырвавшись из груди, катиться мячиком в гору немислимым образом...

Скорей, скорей! Искрится мысль летя,
 Легко пронзая заржавелый воздух,
 Благослови, Творец! Твоё дитя
 Переступило жизненную прозу.

Иду пешим ходом. Только бы никого не встретить, только бы ни с кем не заговорить, только бы не растерять состояния радости необъяснимой – Марина уже ждёт... Страшно? Да. Но когда идёшь навстречу страху – он улечивается. Молнии и гром замолкают. Дождь останавливается. Успокаиваюсь. Рассыпаю землю с Ваганьковского – горстку у входа, где камень установлен, а горстку... Дальше пробираюсь наугад, ориентируюсь на пометки Гены. Но здесь – ничего, ни дороги, ни даже тропинки. Какие-то нагромождения, что это? Непонятно. А чуть дальше... О, боже! Огромная рябина? И ещё... Кажется, тополя, да так много! С деревьев капает вода – ум понимает, что это ветер раскачивает мокрые ветки, но воображение рисует слёзы – деревья плачут... В голове всплывают строки из письма Марины к Анне Тесковой в Прагу: «Пусть люди не любят меня, но пусть деревья любят...» Неужели – здесь?! Рука разжимается сама, и горстка земли московской падает по выбору своему – я ей доверяю... Стою, прислонившись к дереву. Приятное чувство – я пришла к ней сразу, как душа просила. Слушаю тишину. Сердце на месте. Бог знает, сколько я здесь стою? Что происходит – не понять. Состояние нерасказуемое.

А вот теперь можно и в гостиницу. Под ногами неожиданно появляется узкая тропа, она ведёт бережно, заботливо. С Мариной не прощаюсь – вернусь сегодня. Выхожу за ворота кладбища, вижу машину. Свет фар бьёт в глаза. Меня встречают. Ну, конечно, милиция! Пожилой лейтенант, вежливо здороваясь, добродушно шутит:

– Вы, девушка, не от мира сего?

В тон ему отвечаю:

– Все мы не от мира сего, забыли?

Едем молча. В машине нас четверо. Водитель, откашлявшись, задаёт вопрос:

– На кладбище, всё-таки, зачем ходили?

– За стихами, дорогой, за стихами!

Всерьёз изумляется:

– За какими ещё стихами?

– Да за обыкновенными!

Чувствую – не понимают. Переключаюсь на язык собеседников. Рассказываю о московском поэте Алексее Маркове, которого ночью, подвыпившего, доставив в милицию, как водится, избили. Потом стали составлять акт... И когда на вопрос, где он работает, Марков ответил – *поэт*, под дружный хохот подсунули ему бумагу с ручкой:

– А ну, давай *поэт*! Сочини что-нибудь!

И Алексей Яковлевич за секунды выдал то, после чего перепуганные милиционеры, не переставая извиняться, с почестями отвезли его домой:

Маяковский не прав!

Маяковский лжёт!

Моя милиция!

Меня не бережет!

– Теперь понятно, что такое стихи? – спрашиваю своих сопровождающих.

– Теперь понятно! – отвечают хором.

Старший, помогая мне выйти из машины возле гостиницы, отдаёт честь:

– У нас в милиции не бьют!

– Я это подтверждаю, товарищ лейтенант! – и... смеюсь.

Сегодня – пятница. Начнутся хождения по государственным домам. Сна нет, стихи не дают – поток... До утра – три часа. Стихи, остановитесь!

МЫ С ВАМИ ОБА ИЗ КНЯЖЕСКОГО РОДА...

Биктимир Гизатуллович Мурясов, председатель Елабужского горисполкома, о моём приезде предупреждён. Встречает дружелюбно, но чувствуется – насторожен. После обмена любезностями знакомится с письмом Анастасии Ивановны Цветаевой. В нём краткая история, связанная с поиском места захоронения сестры и убедительная просьба содействовать мне, журналисту Тульского гостелерадиокомитета, в моём поиске. Задача – определить не приблизительное, а точное место захоронения её родной сестры – поэтессы Марины Ивановны Цветаевой. Прочитав письмо, Биктимир Гизатуллович вздыхает и доверительно-заговорчески обращается ко мне:

– Столько лет прошло! Ну, скажите – зачем эти поиски? Что они дадут?

Понимающе улыбаюсь, но глядя ему в глаза, отвечаю вопросом на вопрос:

– Простите, у Вас есть дети? Не дай бог, с Вами нечто подобное произойдёт – все мы смертные, правда? Вам хотелось бы, чтобы дети Вашу могилу нашли?

Биктимир Гизатуллович хмурится и через паузу выдаёт философскую фразу:

– Со мной этого никогда не произойдёт, я ведь не поэт!

– Неважно. Вы – человек. А стихи не обязательно сочинять – их можно чувствовать, будучи читателем, и тогда Вы – поэт! Кстати, у Вас творческая внешность, Биктимир Гизатуллович, Вы – интересный мужчина! (Он действительно рослый, вальяжный, лицо мужественное). Смутился начальник города... Засмеялся довольно... Глянул в окно и перевёл разговор в рабочее русло. Принялся доброжелательно разъяснять, что кроме него есть горком партии, соответствующие инстанции в Казани, где должны **об этом** знать. И... «что они скажут – то мы и будем делать». Предупредил о том, что без его ведома я ничего самостоятельно предпринимать не должна. Как бы невзначай поинте-

ресовался, зачем ночью на кладбище ходила. То, что прозвучало в ответ, меня потрясло – об этом я и понятия не имела, но... вслух произнесла:

– Знала раньше, что мусульманские кладбища не запираются на ночь. У русских ведь запираются, а мусульмане – молодцы! Не спалось, вот и пошла проверить.

Помолчал Биктимир... Постучал карандашом по столу... Спросил, с кем встречаться собираюсь. Ответила – с людьми. Пойду в газету, в музей краеведческий. Познакомлюсь с теми, кто за культуру отвечает и вместе работать начнём.

– Это Вы правильно решили. С Марьям Лариной в редакции поговорите. С горкомом партии я сам всё согласую, а вот с Министерством Культуры пусть Москва разбирается. В Казань придётся ехать. Будем ждать указаний.

Охотно соглашаюсь. Прощаемся тепло. Биктимир провожает меня до дверей. Вспомнив о чём-то, просит показать правую руку. Сгибает её и считает, сколько на запястье полосок. Доволен. Показывает свою руку, многозначительно и важно произносит:

– Мы с Вами оба из княжеского рода...

Заговорчески улыбаюсь:

– Значит, придётся говорить на одном языке! Вы всё-таки поэт, товарищ князь!

ОНА ЛЮБИТ МАРИНУ. ГОСПОДИ, КАКОЕ СЧАСТЬЕ!

В редакции Елабужской газеты «Новая Кама» встречают тепло. Угощают чаем. Дают домашний адрес Лариной Марьям, которая «у нас стихами и Цветаевой занимается». Предупреждают:

– Сейчас Марьям срочный материал готовит. Только поздно вечером сможете застать её.

На всякий случай прихожу днём, вдруг дома работает? Нет... Совсем поздно, после десяти, опять стучу в калитку. Наконец-то! Здесь, в полуподвальном помещении, семья Лариных снимает комнату. Меня встречает муж Марьям, добродушный молодой человек:

– Проходите. Осторожно, здесь низкий потолок, – осторожно!

Посреди крошечной комнаты диван, вплотную стол, детская кроватка. Марьям спешно набрасывает на себя халатик. Удивлённо спрашивает, почти поёт:

– Мне сказали, что ко мне кто-то из Москвы приехал... Вы приходили днём, да?

Голос – горный ручеёк, переливается солнечными зайчиками, приветливо журчит и журчит... Необычный голос. Глаза огромные, сама хрупкая, маленькая. Совсем девочка.

– А я всё думаю-гадаю, – кто может ко мне приехать из Москвы? – продолжает Марьям безоблачно, – да Вы садитесь, садитесь!

– Спасибо. Да, я приходила к Вам днём. Я по делам Марины Цветаевой, от её сестры Анастасии Ивановны. Была вчера в горисполкоме, у Биктимира Гизатулловича... Мы с ним решили, что Вы посоветуете, с кем из людей нужно будет встретиться... Я говорю, но она не слышит меня! Всплеснув руками и слегка отшатнувшись, Марьям переходит на шёпот:

– Марина... Цветаева? Вы... по делам... Марины Цветаевой??!

И вдруг бросается к дивану, приподнимает, нет – срывает подушку – одну, вторую, а там... О, господи! Под подушками – тоненькие томики стихов, журналы с закладками, исписанные убористым почерком листы со стихами!.. Догадываюсь стремительно – Маринино?! Часть листов и книг летит на пол, в разные стороны. Фейерверк! Мы обе бросаемся их собирать... Вот так встреча! Она любит Марину! Господи, какое счастье – она любит Марину!!! Успокаивает Володя, он смеётся:

– Нашли друг друга! Марьям ни днём, ни ночью с её стихами не расстанется!

– Я тоже, – говорю радостно, и достаю из сумочки томик стихов, – без неё никуда...

Чуть позже, придя в себя, пьём зелёный чай. И читаем по очереди Мариныны стихи. Проснулась маленькая Дина, дочка Марьям. Она не удивляется. Садится в кроватке, слушает, раскачиваясь в такт строчкам... Какое счастье, Марина! Здесь твой дом! Здесь тебя любят! Но от разговоров о главном Марьям уходит. Чувствую – не просто так. Я не тороплю.

Провожая меня, уже на улице, она неожиданно говорит:

– Татьяна, мы снимаем жильё у Чурбановой. Попробуй с ней завтра вечером встретиться, по воскресеньям она уезжает к родным. Мне кажется, баба Маня многое знает, но не любит об этом вспоминать. А утром навести Дунаева, запомни его адрес. И запиши мой телефон, я с утра в редакции.

**«ОТОРВАТЬСЯ ОТ РОДИНЫ
ВЕЩЬ НЕОБЫЧНАЯ,
А ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД –
ЭТО СВЕРХПОДВИГ!»**

Дождь льёт как из ведра, не переставая. На улице ни души. Высокий забор, за которым дом Владимира Николаевича Дунаева. Долго барабаню в калитку, в окна – никого. Тревожная тишина. Минут через пять из соседних ворот выходит женщина.

– Да, несколько дней старика не видно. Недавно похоронил жену. Дети? Сын. Бывает часто. Адрес сына? Нет, не знаю. Разрешает от неё позвонить в редакцию газеты. Слава богу, Марьям на месте. Дожидаюсь её. Принимаем решение. Просим сына соседки перелезть через забор и открыть калитку изнутри, что он и делает. Ухоженный дворик, виноградные беседки. Идём

по тропинке, ведущей к дому. За поворотом страшная картина – благообразный старец лежит под проливным дождём, глядя в небо. Присев на корточки и взяв его за руку, тихо спрашиваю:

– Владимир Николаевич, сколько времени Вы здесь лежите?

– Второй день. Сегодня второй день.

– А когда Вы упали, помните?

– Помню, вчера вечером. Сын приходил. Пошёл его провозить, а на обратном пути упал.

– А какое сегодня число, Владимир Николаевич?

– Сегодня 30 июня, воскресенье, – говорит и улыбается, на меня глядя...

Марьям бежит вызывать «Скорую», а мы переносим старика в дом. Ближняя к веранде комната – огромная библиотека. На книжных полках не только русская классика. Много книг на немецком, английском, китайском, японском (!) языках.

– Вы это всё читаете? – удивляюсь, с разрешения хозяина перебирая книги.

– Да, я свободно владею пятью языками, – отвечает, морщась от боли.

Память у 95-летнего Дунаева отменная. Рассказывает о том, что похоронил жену. Сын зовёт к себе, но родной дом не отпускает. Юрий приходит часто. Владимир Николаевич говорит и стонет – мучает боль. Приезжает «Скорая». Беглый осмотр. Брать в больницу отказываются:

– Мы таких не берём, поймите. Возраст! У него просто ушиб, пусть дома лежит.

(Забегая вперёд, скажу, что умрёт Дунаев через семнадцать дней) «Скорую» не отпускаю, звоню главному врачу, обещаю громкий разговор на страницах столичной прессы. Срабатывает – отвозим старика в больницу, где...

– Мойте его сами, у нас нет санитарок!

Делаем всё необходимое, после чего переодетого в белую рубашку Дунаева устраивают в двухместную палату.

На следующий день, утром, Владимир Николаевич в присутствии сына Юрия, сотрудников больницы и члена горисполкома даёт свидетельские показания. Светлейший ум, чёткая,

внятная речь. Рассказывает о встрече с Мариной волнуясь, с такой детской радостью, словно ждал разговора о ней и, слава богу, дождался! Так люди выполняют свой человеческий долг, не догадываясь о том, что это – долг. Он любит её стихи! Он знал о ней до встречи! Он разговаривал с ней! Он носил цветы на её могилу... Вспоминает, прикрыв глаза:

– Моя жена, помню, говорила о Марине Ивановне: «Оторваться от родины – вещь необычная, а вернуться назад – это сверхподвиг!»

Говорить Владимиру Николаевичу трудно. Стараюсь не мучить его вопросами. Прощаясь, обнимаю старика, а он мне на ухо шепчет:

– Будьте осторожны. Вас встретят двое, это люди в штатском. Помните, защита – пепел...

С горечью отмечаю про себя, что старик не так уж и здоров... Чуть не плача, говорю об этом Марьям, которая пришла меня встретить.

– Старость, – отвечает она, – что поделаешь, старость! (Откуда мне было знать, что это моя первая и последняя встреча с уникальным человеком, умеющим читать прошлое и будущее! Тогда я ещё не верила в то, что это возможно. В следующий раз я принесу Владимиру Николаевичу цветы на его могилу и расскажу ему историю про двух людей в штатском...)

В гостинице меня действительно встречают!.. Один – приятный молодой человек высокого роста, другой – чуть постарше, с цепкими холодными глазами. Оба в светло-серых костюмах, при галстуках. Представляются сотрудниками общества охраны памятников. Хотят поговорить. Старшего куда-то срочно вызывают по гостиничному телефону. Молодой идёт за мной в номер без приглашения. Идёт по-хозяйски, несмотря на мои слова о том, что мне придётся сейчас же уйти – ждут люди. Входит в комнату, следом за мной:

– Я ненадолго, подожду. Вместе и пойдём. Что здесь? – бесцеремонно спрашивает, подходя к столу и протягивая руку к большой стеклянной пепельнице. В ней утренние черновики. Рвать бумагу не люблю – сжигаю. Смотреть на огонь – старая

привычка. Успеваю пепельницу перехватить. В памяти резко всплывают слова Дунаева: «Защита – пепел». Прямо, детектив какой-то! Гость, глупо улыбаясь, быстро снимает пиджак, галстук и торопливо расстёгивает рубашку. Сбрасывает её с себя, при этом цинично, угрожающе-грубо произносит:

– Не вздумай ломаться, сразу предупреждаю!

– Урод, – кричу, – пошёл вон, гад!

Пепельница летит в гостя. Ударившись об грудь, падает на пол и разбивается. Руки мои в пепле. Отталкиваю голого штатского от себя. Он свирепеет:

– Это я гад? Я – урод?.. Да кто ты такая? Кого ты из себя корчишь?

Стук в дверь прерывает обмен любезностями. Штатский бросается к окну и, распахнув его, прыгает вниз. Первый этаж спасает репутацию общества охраны памятников. Вышвыриваю вслед гостю белую рубашку и пиджак, перепачканные пеплом:

– Держи, придурок! И чтобы духа твоего не было!

Открываю дверь. Горничная пришла узнать, что за крики.

– Всё в порядке, – отвечаю, – не волнуйтесь. «Памятник» ушёл в окно.

...В этот же день, вечером, встречаемся с Марией Ивановной Чурбановой. Она в сороковые годы работала почтальоном, поэтому многих знала. Радушная, милейшая женщина. Бывают же такие люди – изнутри добром светится! Мария Ивановна охотно рассказывает всё, что ей известно. На кладбище идёт со мной на следующий день рано утром – место показать. То самое, где семь тополей и рябина выросли. Рядом могилы её родных – родителей и детей. Ещё показывает, где копать, чтобы остаток столбика добыть, если сохранился. В то время, когда Цветаеву хоронили, вдоль кладбищенской ограды тянули телеграфную линию. Вместо креста установили так называемый пасынок от телеграфного столба, на котором молодой парень Вадим Сикорский написал одно слово – Цветаева. Всё это Мария Ивановна знает от сторожа кладбища дяди Серёжи. Да, это то место, о котором и Дунаев говорил – близко от забора, между белым и красным камнем стены кладбища...

ОГРОМНАЯ РЯБИНА И СЕМЬ ТОПОЛЕЙ

С Андреем созваниваемся каждый день, держу его в курсе событий. К тому, что место захоронения известно и что его не надо искать, никто не готов. Андрей в растерянности, Анастасия Ивановна Цветаева не верит:

– Как это так? Поехали и сразу нашли?

Вспоминает тех, кто ездил – никто не нашёл! Ну, были предположения, разночтения... Но чтобы вот так – быстро? Как это – знают? Быть того не может! А я диву даюсь – два свидетеля одно и то же место показывают, его и Геннадий ещё в Москве определил. Радоваться надо бы... Непонятно, в чём дело? Но не станем забегать вперёд.

На кладбище бываем каждый день. Володя, муж Марьям, изготовил деревянный крест – новый, праздничный, светлый – друзья помогли сделать. Однако, устанавливать крест нельзя – предполагаемая могила захлавлена, она вблизи кладбищенской ограды, приблизительно в сорока метрах от того места, где установлен мемориальный камень. Здравый смысл за то, что надо вывозить мусор. Место, где должен был стоять столбик, расчищаем аккуратно. Володя со своими друзьями тщательно, слой за слоем, снимают утрамбованную землю. Много камней, с ними переплелись корни деревьев. Не верю своим глазам, когда на свет появляется дряхлый остаток подпоры телеграфного столба, а в нём – большой ржавый гвоздь. Неужели этот столбик хранит память о страшных событиях тех дней?

Вспоминаю рассказ Марии Ивановны Чурбановой о том, что в холодную зиму сорок первого года нечем было топить печи, и люди согревали свои жилища кладбищенскими крестами. Спиливали крест, а чтобы откреститься от покойника (старое народное поверье) забивали в остаток креста, оставшийся в земле, большой гвоздь. Чьи-то слова возвращают к действительности:

– Могилу и территорию вокруг неё чистить надо, кто это будет делать? Здесь своими силами не обойтись!

Да, это проблема. Надо действовать... Надо установить крест... Надо, надо, надо... Иду в горисполком просить помощи. Биктимир Гизатуллович всерьёз недоумеваает (или делает вид?):

– Как нашли место?! Мы сейчас мусор вывезем, а потом окажется, что это не та могила? Кто Вам показания давал? Будем всё проверять! Я же просил Вас, очень просил – ничего без моего ведома не предпринимать! Просил? И – уже раздраженно:

– Вы приехали-уехали, а нам тут жить! Это наш город, а не Москва! Знаете пословицу: «Если едешь в арбе Ивана – надо петь песни Ивана»?! Мы не будем *ничего* делать без разрешения Казани!

Кажется, схожу с ума – всё очевидно, но – замкнутый круг! Почему? Как действовать? Отказываюсь понимать, что на самом деле происходит. Да, я не проинформировала Мурясова о своих встречах с Дунаевым, Чурбановой – к чему? Некогда было, да и его от дел отрывать не смела. Он любезно предоставил мне транспорт, спасибо... Но не отчитываться же за каждый шаг? На сей раз решение приходит само. Уже сознательно ни с кем не согласовывая свои действия, записываюсь на приём к заместителю председателя горисполкома по хозяйственной части. Что за человек Изиль Губайдуллин? Ничего не знаю о нём, кроме того, что он строил Камаз. Марьям сказала – его любят люди. Жду своей очереди больше двух часов. Захожу в кабинет. Встреча прохладная.

– А, это Вы из Москвы... И – глубокий вздох. Даже не предлагает присесть... (Москва виновата?) Устраиваюсь в кресле без приглашения. Включаю Марину. Образно. Я так стала называть ситуации, в которых теряюсь, не зная, как себя вести. Просто разрешаю Марине через себя действовать. Её же это дела в конце концов! С Изилем выстраивается интересный диалог. Как бы со стороны я наблюдаю за тем, что происходит:

– Изиль, Вы с творчеством Марины Цветаевой знакомы?

– Извините, мне некогда стихи читать. Работы много. Видели, какая очередь в приёмной? И так каждый день – просьбы, живые люди... Не до стихов, извините.

– Понятно. Но Вы не станете возражать, если с моей помощью немного отдохнёте от своих дел? Позвольте Вас в кафе пригласить на рюмочку... кофе?

Изиль оценил шутку – усталость на лице уступает место приятной улыбке.

– В кафе, извините, тоже ходить некогда, а вместо кофе мы сейчас зелёный чай пить будем. Не возражаете? Через пять минут обеденный перерыв начнётся.

Я молча киваю головой и сдержанно улыбаюсь в ответ.

– Прочтите какой-нибудь свой стих, – вдруг просит Изиль, – не Цветаевой, нет! Ваш стих!

– А... откуда Вы знаете, что я – поэт? – спрашиваю, растерявшись от неожиданной просьбы.

– Как откуда? Город маленький, разведка донесла. И по доброму смеётся.

– Хорошо, с удовольствием!

Уговаривать меня не надо. Что-что, а стихами говорить – праздник. Неважно, большая аудитория тебя слушает или один человек. В людях просыпается нечто таинственное, в глазах появляется блеск, неопикуемый восторг – поэзия завораживает. Если человек не реагирует – увы, таких людей тоже много, перевожу разговор на другую тему, чувствуя себя ненужной. Сейчас, откликнувшись на просьбу Изилья, охотно читаю первое, что приходит в голову – посвящение Омару Хайяму, первому моему Учителю:

Я прикоснулась к тайне бытия –
Ликует мысль, закованная в цепи...
Не ты, не мы, не вы, не он, не я
Ей не дадим раздольного звучанья,
Но от того, как метко попаданье –
Страдает мысль, свободою звеня!

1981

Как всегда, Стих помогает растопить лёд. Изиль, оказывается, тоже любит Хайяма. Секретарь приносит чай. Я рассказываю о жизни Марины, и это уже не я рассказываю, а сама Мари-

на... Потом (она же!) спешит проговорить свой Стих «Тоска по родине!» Привожу его полностью. Он ярко передаёт самочувствие Поэта. Стих – свидетель безумной любви к родине. Любви, которая не могла была взаимной.

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц ошетиливаться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной непременно –

В себя, в единоличье чувств
Камчатским медведём без льдины,
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,

Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты, как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина...

1934

Боль красит липкой краской воздух, сдавливает горло. Давно остыл чай. Изиль не смотрит на меня. После затянувшейся паузы, не поднимая головы, он – глухо, сам себе:

Отказываюсь – быть
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Изиль бормочет Маринины стихи, не слыша телефонного звонка, забыв о моём присутствии. Молчание висит в больном воздухе минуты. Забыл? Нет. С трудом договаривает:

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

1939

И тут же, не давая строкам остыть, скороговоркой (я ли, Марина – уже не понять):

– Изиль, представляете, огромная рябина выросла рядом, сама! Её никто не сажал! На кладбище больше нет рябин... Семь тополей – прямо на могиле... Выросли сами! Но всё завалено мусором... горы мусора почти в человеческий рост... Мы не можем установить крест... Нужно срочно вывезти мусор! Биктимир Гизатуллович – против...

Изиль резко встаёт, выходит из-за стола. Медленно произносит, с усилием выталкивая из себя слова:

– Татьяна, мы едем на кладбище.

Сколько раз в своей жизни я убеждалась в скрытых, вулканических возможностях **слова**! Как мощно работают энергия стиха, голоса, интонации! Каким фантастическим образом спаяны ритм и смысл, взаимодействие чувств с внешним миром и сознанием человека. **Слово** – удочка, (корень – **лов!**). Марина называла Стих – вещью. Для меня Стих – шаровая молния, огненное существо, живущее не на бумаге, а в просторе нутра человеческого, сумевшее через поэта отозваться:

О, ты опять заговорило
И задышало чрез меня...
Но кто ты – тьма или светило,
Дарующее плеск огня?

Не ведаю и не гадаю,
Не любопытствую – беру

Твой дар бесценнейший
И... таю,
Живьём сгорая во миру.

1979

Жаль одно – Стихи, как и Музыку, не все люди слышат. Нет, не так – люди слышат. А те, кто не слышат – другие люди? Как они живут, чем? Станный вывод делаю я – не чувствуя боль, нельзя быть счастливым.

ТРИ МАШИНЫ МУСОРА И СОРОК БУТЫЛОК ВОДКИ

Ранним утром следующего дня на месте, где природа вырастила свой памятник – рябину и семь тополей, мусор вывозят три грузовика. Насыпается холм земли. Устанавливается крест, к нему прибивается табличка с именем Марины и даты её жизни.

– Всё, – говорит Изиль, – больше мне здесь не работать, Биктимир этого никогда не простит.

– Изиль, будем надеяться на лучшее! Марина счастлива – первый раз за сорок четыре года полной грудью вздохнула... И это тебе благодаря, Изиль...

По русскому обычаю поминаем светлую память Поэта и поливаем возрождённый холм водкой. Я человек не пьющий, но накануне купила сорок бутылок, сделав то, что душа просила. Андрей одобрил и даже прислал деньги на покупку огненной водички. Символически сорок дней перекликались с сорока четырьмя годами пребывания останков в земле. Марина ушла из жизни, когда ей, без одного месяца, было сорок девять лет. Семьжды семь – сорок девять...

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей
Семижды семь!

1921

Она предвидела многое – стихи ей об этом нашёптывали. А ещё раньше, в 1916-ом, восьмого июля, в стихах о Москве, к Цветаевой придут строки:

Семь холмов, как семь колоколов,
На семи колоколах – колокольни,
Всех счётом: сорок сороков, –
Колокольное семихолмие!

8 июля 1916

И сегодня, сорок четыре года спустя, восьмое июля. Совпадение? Блестящее совпадение! Воистину, каждая случайность – неосознанная закономерность.

УСПОКОЙТЕСЬ, БИКТИМИР... У МЕНЯ ПРЕКРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ!

Не успеваю войти в гостиницу – для меня информация. Администратор говорит строго и громко, чтобы не только я, но и все присутствующие в холле слышали:

– Вас срочно вызывает товарищ Мурясов! Три раза его секретарь звонила, быстро к нему! Торопитесь!!! Вас давно ждут! Так же громко, на той же волне, ей отвечаю:

– Спасибо! Вы прекрасно работаете! Прекрасно!!!

Спешу. Догадываюсь, что Биктимир уже обо всём знает, но... всё ещё счастливая, переступаю порог кабинета начальника города.

– Кто разрешил безобразию на кладбище устраивать? Что Вы там водкой поливали? – не сдерживая гнева, почти кричит Мурясов, поднимаясь из-за стола. Выдерживаю паузу. Блаженно улыбаюсь. (Марина работает отменно – в руках у меня её ржавый гвоздь, завернутый в белый холщёвый отрезок ткани.) Сажусь без приглашения, нога на ногу. Достаяю из пачки сигарету. Грозный Биктимир вынужден поднести зажигалку, как-никак... князь. А мне интересно – что наша Марина на сей раз выдаст?

– Будет Вам, Биктимир, успокойтесь. У меня прекрасное настроение! Да сядьте Вы, наконец! Не понимаю, в чём дело? Да, вывезли мусор. По русскому обычаю помянули покойницу. Не её же вина, что она в татарской земле лежит? Успокойтесь, Биктимир...

Мурясов всё ещё раздражён. Однако, садится за стол. Тяжело дышит:

– Вы самовольничаете! У нас это не принято! Я же просил Вас каждый шаг со мной согласовывать! Просил?

– Да, просили! А знаете, почему я не подчинилась? У меня очень веская причина была, поверьте, Биктимир Гизатуллович!

И наклонившись к столу, почти перегнувшись через него, перехожу на загадочный шёпот:

– Представьте себе, снится мне вчера ночью сон... Впрочем, Вам ведь это неинтересно, правда?

– Правда, – устало вздыхает председатель, – давайте так договоримся. Вы едете в Казань, и все вопросы решаете теперь только через наше Министерство Культуры.

– Считайте – договорились. Но с Вами я не прощаюсь, до скорой встречи!

Протягиваю руку. Биктимир, примирительно вздыхая, отвечает на рукопожатие.

– Я же для Вас как лучше хочу, поймите! Мне не нужны звонки из горкома партии!

Из последних сил улыбаюсь, сдерживая слёзы. Расстаёмся холодно, но вежливо. Мне кажется, Биктимир сочувствует Марине. Или мне это только кажется? На его столе – раскрытый сборник Марининых стихов...

Три дня назад из Москвы прилетел Юра Кацман. Его прислал Андрей. Я уже знаю Юру по рассказам Дунаева и Чурбановой. В прошлом году десятиклассник решил сам искать место захоронения Марины. Что удивительно – год спустя, я прошла по его следам, не подозревая об этом! Юра пишет стихи, прозу – талантливый юноша. Интересный собеседник. Жаль, мало общались – заболел. Пришлось срочно отправлять его домой.

«Я БУДУ ИДТИ ДО КОНЦА». ДОВЕРЕННОСТЬ. В СТИХАХ – ОТВЕТЫ

Через три дня я уезжаю в Москву. Везу с собой вещественные доказательства – остаток подпоры телеграфного столба, ранее сданный в музей истории города. Получила его под расписку. Ещё – протоколы разговоров со свидетелями, заверенные подписями и печатью горисполкома. Первые ласточки. Убедительные. Почему же раньше, по стопам Кацмана никто не пошёл? Почему только сейчас Андрей узнал об этом? Начинаю догадываться – есть неизвестные мне причины. У Андрея – свои планы. Он сказал мне по телефону о намерении действовать самостоятельно: «У Аси серьёзный повод устраниваться от поиска, а я буду идти до конца, и книгу о Марине мы с тобой напишем вместе», –

его слова. В поезде предаюсь размышлениям, пытаюсь вникнуть в существующий механизм работы власти. Каждый шаг подчинён контролю вышестоящих инстанций. Что же это за городские комитеты, если они *ни-че-го* не могут самостоятельно решить! Мусор вывезти, например? И сама себе отвечаю – так ведь исполнительные комитеты! *Исполнительные!* А кто же хозяин? Почему не на месте? Какое счастье, что я исполняю свою волю, и ничью больше. Но тут же обрываю себя: разве *поэт* – профессия?!

Меня встречает Андрей. Не виделись чуть больше трёх недель, а, кажется, прошла вечность. Сразу же начинаем обсуждать события... Несмотря на то, что он в курсе всех подробностей (созванивались каждый день), говорим, говорим, говорим... Я под впечатлением воспоминаний:

– Ты представляешь? Хожу по городу, а мысли об одном – вот этот дом помнит её взгляд, а эта улица – её шаги... Ты представляешь?!

– Так совпало, что Наталья Сергеевна, архитектор из Ленинградского художественного фонда... Да, та, которая со мной в одном номере жила, я тебе говорила... Так вот... Она для местного исторического музея делает бюст Марины! Представляешь, как здорово? Нет, не сама делает, с ней скульптор!

– Погода? Всё время дожди! Один только день дождя не было, когда мусор вывозили, ты представляешь? Да, как по заказу!

– Стихи? Есть. Но о них – позже, я их наизусть ещё не знаю!

Взахлёб рассказываю о Марьям, Дунаеве, Чурбановой, об Изиле, князе Биктимире... О тех, с кем судьба свела меня в краю, где довелось Марине закончить своё пребывание на земле. Андрей настроен решительно. Уже подготовил письма – в Президиум Верховного Совета Татарстана, Министру Культуры, в Союз писателей Татарской АССР, Всероссийскому обществу охраны памятников культуры и несколько личных писем. На моё имя он решил сделать нотариальную доверенность, без неё не обойтись: визиты серьёзные, документ может понадобиться. Вечером приезжают наши друзья. Читаем елабужские стихи. Обсуж-

даем новости, строим планы. Пенёчек наш отправляется в надёжные руки на экспертизу. А через две недели, с доверенностью на руках, я лечу в Казань. Настроение рабочее. Всё просто, зачем усложнять? Они не могут не дать разрешение – надо довести дело до конца, суть очевидна. А... вдруг?

Нет, этого не будет! В стихах – ответы. Они – живая переключка. Верю Марине.

**ТАТАРСТАН.
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ.
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА**

Останавливаюсь в гостинице «Совет». Как прекрасна Казань! Наслаждаюсь видом из окна, он необычен. Жаль, что знакомлюсь с городом на ходу, бегло – дни мелькают один за другим, как кадры документального кинофильма. Визит в Министерство Культуры больше чем удивляет. Я предполагала, что здесь уже кое-что знают, но не в таких же подробностях! И про вывоз кладбищенского мусора, и про сорок бутылок водки, и даже про перепачканного пеплом мерзавца – всё всем известно... (фирма веники вяжет!) Секретарь, улыбаясь, спрашивает:

– Вы та самая Татьяна из Москвы, которая... И – хохочет... Смеюсь в ответ, подтверждаю факты. Что остаётся? Раздаётся звонок.

– Вас приглашают!

Вхожу в огромный кабинет министра. Таишев Марсель Мазгарович говорит по телефону. Профиль выразительный. Похож на тигра. Возраст – сорок с небольшим. Стою. «Культура» в мою сторону не смотрит. Приходится устраиваться, не дожидаясь любезностей – сколько же стоять? Закончив телефон-

ный разговор, министр медленно разворачивается и молча рассматривает меня с ног до головы. Как себя вести? Не приветствовать же его, вскакивая и стоя навытяжку? По обыкновению «включаю» Марину – срочно работать! Она принимается за дело с нескрываемым удовольствием и, не торопясь, приглушённым голосом произносит то, что даже меня, привыкшую к её непредсказуемости, бросает в трепет:

– Какое у Вас редкое и красивое имя – Ма-арсель... Если не секрет, кто Вас так назвал, Ма-арсель, а? – вопрошаю нараспев, любуясь гласными звуками, играя ими, перебирая их, как бусинки невидимого ожерелья. У министра брови ползут вверх, но маленький мальчик, живущий в нём, с гордостью отвечает:

– Мой дед... Он дал мне это имя!

– Прекрасное имя! Простите, а почему у Вас картина висит криво? Вам никто об этом не говорил, Ма-арсель Мазгарович?

Министр переводит взгляд на стену. (Я – тоже... вслед за ним...) Живописное полотно, изображающее природу, действительно чуть искривлено влево. Удивляется:

– Нет, никто не говорил... Спасибо, что заметили... (Я – заметила?) И вдруг... Марсель Мазгарович приходит в себя! Величественно-горько звучит его поучительная речь:

– Зачем проявили ненужную инициативу? Надо было сначала в Казань, а потом уже в Елабугу, так принято...

Ненадолго замолкает, изучая мою реакцию...(А я в эту минуту вижу, как Марина, покачивая одновременно ногой и головой в такт его интонации, внимательно исследует объект...)

– Нашумели Вы в Елабуге, зачем? – продолжает министр, повышая голос, – зачем нужно было торопиться? Мусор вывозить? Рабочих водкой поить?

Какой вежливый допрос... Говорит монотонно, главное его кредо – «осторожно!» Нет, с Марселем кашу не сварить... Министр настойчиво пытается ставить под сомнение сам факт того, что найдена могила:

– Сестра ездила? Не нашла! Мы камень мемориальный поставили? Поставили! Сборник стихотворений издал? Издали! А могилу пусть родные ищут, мы здесь при чём?

– Так ведь родные и ищут, – отвечаю. Вот доверенность. Вот письмо племянника Марины Ивановны Цветаевой, сына Анастасии Ивановны. Андрей Борисович Вам лично письмо адресовал! Семья просит любезно разрешить доделать дело, начатое в Елабуге. Вот свидетельства людей о том, что место, которое мы ищем, известно. Что дальше будем делать, Марсель Мазгарович?

А дальше меня очень театрально провожают до дверей и... отправляют в Союз писателей Татарской АССР. Там, оказывается, создана специальная комиссия, которая ждёт указаний из... Москвы. Хорошо, что Андрей и это предусмотрел!

...Председатель Союза писателей Татарстана Туфан Абдуллович Миннулин, человек средних лет, подвижный, эмоциональный. Голова его тонет в живописных курчавых колечках. Но печать организатора на нём прочная. В суть не вникает. Оптимистическим тоном рассуждает на отвлечённые темы, перебирая авторитетные писательские имена, их заслуги перед страной, в которых «мы, мы, мы» – главное действующее лицо. «Я» – отсутствует. И этот человек на себя ответственность не возьмёт... И вдруг, в упор глядя на меня, Минуллин злорадно спрашивает:

– А Вы знаете, что у нас письмо от Анастасии Ивановны Цветаевой? Она закрывает дело!

От неожиданности на меня нападает смех, и отвечаю уже не я, а опять же, она, Марина, через меня:

– Конечно, знаю! Но у меня доверенность от Андрея Борисовича, сына Анастасии Ивановны. Ей 92 года! Сын, учитывая преклонный возраст матери и состояние её здоровья, все хлопоты берёт на себя. И он, кстати, пишет об этом поиске свою книгу, а я помогаю ему собирать материал. Вот его телефон. Звоните. Можете у Андрея Борисовича сами всё узнать! Святая правда. Протягиваю доверенность. К такому повороту событий Туфан Абдуллович не готов. Анастасия Ивановна... закрывает дело, а её сын – открывает?..

– Это меняет наше решение, – говорит Туфан Абдуллович задумчиво, несколько раз внимательно перечитав доверенность.

Мы всё сделаем для сына Цветаевой, не сомневайтесь! Пусть комиссия работает.

(Молодец Андрей! Он предупредил меня о настроениях мамы, сказав, что сам доведёт дело до конца. Хорошо, что я об этом знала.)

...В Президиуме Верховного Совета товарищ Багаутдинов встречает меня, идя навстречу и громко читая: «Поэт, не дорожи любовью народной» Я – в ответ: «Услышишь суд глупца и смех толпы холодной». Высокий чин на весёлой волне. Он знает Пушкина, слава тебе, господи! Смеёмся. Хорошее начало!

– Что же Вы сразу ко мне не пришли, Татьяна Сергеевна?

– Анвар Бадретдинович, а Вы разве не послали бы меня... по своим служебным лестницам? Вот я и рискнула снизу – вверх, чтобы время не терять.

Анвар Бадретдинович улыбается:

– Да Вы не только поэт, Вы ещё и философ!

– А разве бывают поэты... не философы? – спрашиваю.

– Бывают, бывают! Ещё как бывают! Ваш Биктимир Гизатуллович – прекрасный человек, хороший администратор, в душе – поэт, но не философ... Не заметили?

И Анвар Бадретдинович просит секретаря соединить его с Елабужским горкомом партии. Деловым тоном, исключаящим любые другие мнения, вежливо диктует:

– Отнесите с пониманием к событиям в вашем городе – дайте возможность журналисту из Москвы работать по её усмотрению. Не мешайте товарищу! С Москвой мы договоримся. Спасибо.

Всё – чётко. Прощаемся тепло. Анвар Бадретдинович напоминает:

– Если что, Вы мой телефон знаете. Во всём помогу, обещаю.

...Последние дни работы в Казани насыщены – знакомства, встречи с коллегами. Программа выполнена. Люди интересные. С удовольствием вспоминаю некоторых из них. Обрадовал меня писатель Рафаэль Мустафин. Он ещё в 1966-ом году опубликовал лирический очерк в четырёх частях о елабужских днях Марины. Человек приятнейший, распахнутый настежь, щедрый.

Принёс мне свою переписку с дочерью Марины – Ариадной Сергеевной. Читаю всю ночь. Живой, трепетный язык общения! Оказывается, Ариадна Сергеевна тоже занималась поиском могилы. И... тоже безрезультатно. Интересная переписка!

...Появляется «засекреченный» человек. Журналист. Навестил меня в гостинице без предупреждения. Стал уговаривать бросить всё, поехать отдохнуть в санаторий. Путёвку достанет бесплатную. Дескать, выгляжу я неважно. Спросила его прямо: «С Вами кто-то говорил? Или сами заботу проявили?» Клянётся, сам. Дескать, наслышан, хочет быть полезным. Не верю ему – глаза бегают по сторонам, равнодушные глаза, пустые. Плохо работают ребята, я научилась их чувствовать. Хотя... наверняка, и приличные люди на службе состоят, без этого, понятно, нельзя. Кто-то, помню, хорошо сказал: «Наши люди есть везде!»

...Запомнилась встреча с Римзилом Валеевым. Много интересного рассказал о любимом городе. Наизусть читает Маринины Стихи, вселяя в меня праздник. Римзиль дарит мне большую фотографию, на обратной стороне которой делает надпись: «Голубые глаза Казани и одинокая ресница – красная». На фоне красавицы Казани – русский храм, величественный, устремлённый в небеса, напоминающий космический корабль. До сих пор это фото живёт над моим письменным столом, а рядом – редкая фотография Марины, подаренная Галочкой Заморевой, музыкальным работником и экскурсоводом из Елабуги.

...Огромное удовольствие получаю от общения с профессором Альфредом Хасановичем Халиковым. От Андрея ему личное письмо. Альфред Хасанович, член Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры. Он высказал интересную мысль о создании единого комплекса, в который войдёт и мемориальный камень, установленный на кладбище, и памятник Цветаевой. Таким образом, будет увековечена история многолетнего поиска места захоронения Поэта:

– Это украсит будущую парковую зону города, куда по предварительным сведениям будет включена и территория ныне закрытого кладбища, – говорит Альфред Хасанович.

– Здоровая мысль, – отвечаю, – хорошо бы идее осуществиться. За неё побороться придётся, дорогой Альфред Хасанович!

Мудро соглашается:

– За всё в этой жизни бороться приходится, особенно за здравые идеи. Большой мир по понятным причинам их отвергает.

...В Казань я приеду ещё раз в сентябре этого года. И в государственном архиве по просьбе Андрея заберу копию письма Марины Цветаевой на имя товарища Имамординова и копию Акта о её смерти.

...А У НАС ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ – ЦЕПИ ОТ ПАМЯТНИКА ЛЕНИНА НА МОГИЛУ ЦВЕТАЕВОЙ ПЕРЕНЕСЛИ!

На сей раз я в Елабуге официально, по разрешению Казани. В горисполкоме, в отделе культуры, меня встречают радостно:

– А у нас приятные новости – цепи от памятника Ленина на могилу Цветаевой перенесли! Первый зам. секретаря горкома партии сама цветы ездит поливать на кладбище, через день ездит!

(Марина, ты слышишь? Цепи!.. От памятника Ленина!..) Как читать знак? Запрет на надежду?

...Новые встречи. Дважды улетаю в Москву и снова возвращаюсь в Елабугу. И опять новости – Изилья Губайдуллина сняли с должности. Собираюсь звонить Анвару Бадретдиновичу, но Изиль категорически против:

– Ни в коем случае! Не переживай, Татьяна, я не пропаду. Зато теперь есть время стихи читать!

(Мудрый мой Изиль! Через десять лет я узнаю о твоей смерти. Но ты навсегда останешься жить в стихах и в памяти моей.)

ИЗ И Л Ю

*Если едешь в арбе Ивана –
надо петь песни Ивана*
(татарская пословица)

Мне цветы на её могилу
Надо несть ото всех тайком...
Как же песня арбы постыла –
Заплетающимся языком
Попугай-ничьи глотки хора,
Одеянье на всех – одно!
Кражи нет, а беднягу вора
На могильное, да на дно...
Тишина и покой. Благодать.
Стану вора при всех целовать.
Укради меня из арбы!
Погляди – у твоей рабы
Не цветы в руках, а зола,
Ни двора у рабы, ни кола.
Будем вместе и не-тайком
В гости к ней ходить вечерком.
Засидимся и... ляжем спать,
На могильную, на кровать!

30 августа 1985

Эти стихи родились накануне очередного дня памяти Марины Цветаевой. В Елабуге начали отмечать так называемые «Цветаевские Чтения». В этот раз, 31 августа 1985 года, Биктимир взял с меня слово, что я на кладбище буду молчать – ни слова о поиске, о второй могиле, и всё в таком духе. Пришлось обещать, потому как перед этим он просил меня вообще на кладбище не присутствовать. Срабатывало вечное – как бы чего не вышло!.. Вежливо воспротивилась. Накануне мы с Изилем отнесли огромные охапки белых и светло-сиреневых хризантем, укрыв цветами старую и новую Маринины могилы. И всё же си-

туация неожиданно выходит из-под контроля. Приехавшие из Коктебеля почитатели творчества Поэта Марины Цветаевой настойчиво требуют рассказать о найденной могиле. Положение спасает директор краеведческого музея Галина Николаевна, кратко поведав о предполагаемом месте захоронения. Огромная толпа людей идёт в указанном направлении. Хорошо, что там были цветы! Я остаюсь на своём месте. Биктимир тоже. Он в десяти метрах от меня, с кем-то разговаривает. На меня поглядывает укоризненно. Честно молчу, красноречиво пожимая плечами. Мы с ним друг друга прекрасно понимаем...

«ВОШЛИ В КАЛИТКУ, А ВЫШЛИ... ЧЕРЕЗ ОКНО!»

Тот памятный день на кладбище был насыщен событиями. Перед тем, как люди начали расходиться, ко мне решительно направляется женщина преклонных лет. Просит отойти в сторонку. Оказывается, живёт рядом с домом Бродельщиковых, где произошла трагедия. Сразу оговаривается:

– Подписывать ничего не буду. Ни о чём не спрашивайте. Вы наш город не знаете! Но я решила грех с души снять. Видела я своими глазами, как в тот день двое мужчин к Бродельщиковым вошли в калитку, а вышли... через окно! Ещё подумала – не воры ли? Но сама себя утешила – мол, кто же воровать идёт в костюмах? Они там долго были...

Я цепенею, не в силах оценить сказанное и сообразить, что это? Кто-то подослал? Обман? Проверка моей реакции? Женщина плачет и повторяет одно и то же:

– Жалко несчастную... Не самоубивица она, нет... Убили человека, – тихо причитает испуганным шёпотом, оглядываясь по сторонам. И – плачет...

Для окружающих ничего подозрительного не происходит – людей много, и многие из них во время чтения Марининых Стихов плакали. Я всё же пытаюсь бессвязно о чём-то спрашивать, но она машет головой:

– Ничего не спрашивайте. Да, вот ещё! Бродельщиковы из дома никогда вдвоём не уходили, потому что с ними внучек маленький жил, Павлик. А в тот день никого в доме не было...

И снова – слёзы. В нашу сторону уже идёт Биктимир, интуиция сработала. Громко говорю одеревеневшим голосом:

– Я тоже плачу, когда её стихи читаю. Ну, успокойтесь, пожалуйста. Успокойтесь. Спасибо Вам за память о Марине!

Женщина отходит, не прощаясь и не глядя на Биктимира. Товарищ Мурясов просит меня в понедельник утром быть у него в горисполкоме.

– Что-нибудь опять случилось, Биктимир Гизатуллович?

– Ничего особенного, нам надо кое-что решить. Вы всё близко к сердцу принимаете – вон бледная какая! Идите уже, отдыхайте. Вас подвезти до гостиницы?

Отказываюсь, поблагодарив. Направляюсь к Изилию, он давно меня ждёт. Ноги ватные, слушаются плохо. В руках у Изилия томик стихов Марины – небольшой сборник, изданный в Казани. Сбивчиво рассказываю о том, что произошло. Изиль не удивляется:

– Ты теперь понимаешь, почему люди уходят от этих разговоров? Особенно с приезжими. Я эту женщину знаю, она уважаемый человек. Слышал и я об **этом**, но молчал, твою реакцию предвидел...

– Как?! Как – слышал? И – молчал? Почему?! Кто ещё знал? **Кто**???

– Тише. Нельзя так. Возьми себя в руки, на нас смотрят...успокойся. Или я больше ничего не скажу! **Этого** не докажешь, пойми! **Это** было и останется версией!

– **Но почему? За что?** Ты – знаешь?

– Лет пять назад приезжал ко мне знакомый со своей женой из Казани. Он в органах работает, жена – учительница. Ну, выпили... Зашёл разговор... Вроде всё из-за Эфрона, мужа Марины. Его расстреляли тоже в августе, только раньше. Она об этом не знала. Ну, и... у них это называется чисткой.

– Изиль, но это же... убийство!

– Нет, Татьяна. Это всего лишь предположение. Запомни. Никто никогда ничего не докажет. И никто не знает, как на самом деле было.

Молчу. Теперь понятно, почему **никому** не нужен поиск настоящей могилы... В себя прихожу с трудом. Хорошо, что завтра воскресенье. Не хочу никого видеть, ни с кем говорить, дико болит голова.

– Изиль, не обижайся, хочу побыть одна. Сейчас позвоню Андрею. Так надо.

– Одну я тебя не оставлю. Сейчас мы вместе позвоним Андрею, я сам буду с ним говорить.

(Добрый мой Изиль! Как я благодарна тебе за всё, что ты для Марины сделал!) Разговор с Андреем Изиль передаёт коротко:

– Есть новости, тема не телефонная. Андрей просит срочно вернуться в Москву. Я дал ему слово проводить тебя в аэропорт.

ПРОРОЧУ, ВЕРЬТЕ МНЕ – МАРИНА БУДЕТ КОРМИТЬ ВАШ ГОРОД!

Утром иду в горисполком – обещала. Встреча с Биктимиром окончательно выбивает почву из-под ног. Оказывается, Анастасия Ивановна Цветаева запретила искать место захоронения своей сестры, разослав об этом официальные письма во все инстанции.

– Дело закрыто, – облегчённо вздыхает Биктимир и довольнo улыбается.

– Баба с возу – кобыле легче, – натянуто отвечаю. Кстати, Биктимир Гизатуллович, Вы помните имя Бродельщиковой, хозяйки дома, где жила Цветаева?

Биктимир хмурится. Барабанит пальцами по столу. Качает головой и задумчиво произносит:

– Помню, конечно, Бродельщикова... Анастасия Ивановна. И – что?

– Какое сов-падение! Сестра родная... Знак? Может быть, Аллах по-своему распорядился? Как думаете, Биктимир Гизатуллович?

(Раньше я не обращала на это внимания. Сейчас – как током ударило.)

– Никак не думаю. Говорил я Вам, не стоит этим вопросом заниматься. Предупреждал? Не услышали... А знаете что? – продолжает уже утешительно, – приезжайте-ка к нам в гости просто так. Мы Вам всегда будем рады!

– Ну, разве что за стихами, Биктимир Гизатуллович! Вот Вам на память елабужские стихи. И... вот ещё что... Тогда, в августе сорок первого, Марина на работу устроиться не могла, помните? Хлебной карточки её лишили, помните? А ведь придёт время, и оно не за горами, когда Марина будет кормить Ваш город! Вот увидите, пророчу. Верьте мне.

Биктимир растерянно молчит, опустив голову.

Перед отъездом еду на кладбище. Таксист торопит – спешит. Надо же, не обходится без приключений. Встречаю двух штатских – тех, которые пепельный визит мне в гостиницу нанесли. Улыбаются, как ни в чём не бывало, оба навеселе. На новой могиле ждут. На газете закуска и недопитая бутылка водки. Вежливо предлагают присоединиться. Молодой пытается рассказать анекдот про покойника, сбежавшего с того света назад. Дарю в ответ красноречивое молчание. Оставляю цветы, хочу уйти. «Памятник» загораживает дорогу:

– Стоять, – сказал, – глухая, что ли?

Свирепая морда цепного пса Цербера багровеет от злости. Хватает меня за руку. Я вырываюсь:

– Ах ты, тварь! А на тот свет не пора ли, покойничек? – и со всего размаха отвешиваю красавцу пощёчину. От неожиданности «мой» штатский, схватившись за щёку, делает шаг в сторону и, зацепившись за что-то, падает. Раздаётся тупой смех второго. Он, стоя в стороне, рычит:

– Оставь её! Пусть идёт, не трогай!

Ухожу, не оборачиваясь. Потом мне будет не по себе, но это – потом... Изиль будет смеяться: «Опять скомпрометировать себя не дала! Пожалела бы ребят!»

...Сейчас, когда прошло столько лет, когда я пишу эти строки, меня не покидает мысль: они когда-нибудь кончатся, эти печальные российские «традиции» – преследовать Поэта при жизни и после смерти его? Старый вывод утешает – нас боится власть. Приведу блестящее высказывание Поэта Иосифа Александровича Бродского, высоко ценившего Цветаеву: **«Не читая и не слушая поэтов, общество приговаривает себя к низшим видам артикуляции, таким, как у политика, торговца или шарлатана... Другими словами, оно лишается своего собственного эволюционного потенциала. Ибо то, что отличает нас от остального животного мира, это именно дар речи... Поэзия – не форма развлечения и, в определенном смысле, даже не вид искусства, а наша антропологическая, генетическая цепь, наш эволюционный лингвистический маяк».**

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? ТИШИНА ВОИСТИНУ ГРОВОВАЯ!

Перебираю документы, полученные в Казанском государственном архиве. В письме Марины Цветаевой на имя товарища Имамординова **не указан год**, указана только дата – 16 августа. Почему при регистрации документа не указан год? **Поставим вопрос точнее, почему и кем год уничтожен?** Автор книги «Быт и бытие Марины Цветасвой» Виктория Швейцер так вспоминает о письме Марины Имамординову: «Письмо Цветаевой хранится в архиве Союза писателей Татарстана. Поперёк него – резолю-

ция: «*К делу*». К какому делу?» На копии, которую получила я, резолюция «*К делу*» уже отсутствует... Почему её уничтожили так же, как и год? Нет человека и нет дела – ясно. Но когда дела подчищаются – всё яснее ясного.

...Интересные совпадения. Число «16» – роковое число в нашей истории. Марина писала письмо 16-го числа. Я получаю копию письма 16-го числа. В тот день, когда Марина писала письмо, был расстрелян её муж Сергей Эфрон, а именно – 16 августа 1941-го (по данным Википедии). В книге «Быт и бытие Марины Цветаевой» Виктория Швейцер, проживающая сегодня в США, упоминает о том, что Сергей Эфрон был расстрелян в октябре 1941 года. Почему у многих авторов разные даты? Случайная неточность? В неё даже с трудом не верится! Один сценарий на все века... «Классика»!

...В 1922-ом Марина сказала о смерти, видя её! зная! чувствуя! Вот её безответная любовь к Родине, к Москве. Дальше – плата. Не чем-нибудь. Жизнью.

В сиром воздухе загробном –
Перелётный рейс...
Сирой проволоки вздрогги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром мороке две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мороке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

Но вернёмся к прозе жизни. На бланке Акта о смерти М. И. Цветаевой, выданного 1 сентября 1941 года, адрес проживания указан по улице **Ворошилова, дом 10**. Кто-то пишет о том, что по этому адресу Марина не проживала вообще. Кто-то пишет – проживала там три дня. Толком не ясно. Жила же Марина Цветаева по улице **Жданова, дом 20**. Почему два адреса? **Изначально задумано? Если да – для чего?**

Из этого же документа следует, что Георгий Эфрон обязан был расписаться при получении документа. **Почему нет подписи Георгия? Почему не указаны фамилии должностных лиц – заведующей отделом (бюро) загса и делопроизводителя? Умышленная осторожность?**

...Где медицинское заключение о смерти? Опять неувязка – вскрытия не было? Георгий в своём дневнике пишет: **«В тот же день был в больнице, взял свидетельство о смерти, разрешение на похороны (в загсе). М. И. была в полном здравии к моменту самоубийства»** (Запомним – **М. Ц. была в полном здравии!**) Но почему Георгия не было на кладбище? Друг его, Вадим Сикорский, был. Какой вывод можно сделать? Сын сам... не захотел? Не будем спешить...

...Никто не видел и трёх прощальных записок, хотя разговоров о них много. Где экспертиза почерка? Тишина воистину гробовая! Вернёмся к дневнику Георгия: **«...Я пошёл в милицию(к вечеру) и с большим трудом забрал письма... Милиция не хотела мне отдавать письма, кроме тех, копий. «Причина самоубийства должна остаться у нас». Но я всё-таки настоял на своём»**. А запись в дневнике Георгия начинается со слов: **«Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося её «освободить». И кончила с собой. Оставила три письма: мне, Асееву и эвакуированным»**. Дальше – полное содержание трёх писем... Не случайно сын сделал эту запись! **И про то, что М. И. была в полном здравии не намекнул, а сказал внятно и громко**. Но тут же (!) он **вынужденно** упоминает якобы о частых разговорах про самоубийство, хотя до этого в дневнике – ни слова... Запугали мальчишку? Не иначе. (Вряд ли Марина часто говорила о самоубийстве сыну, которого безумно любила. Она активно ищет работу до самого последнего дня!) К слову, Анастасия Ивановна об-

винила Георгия в самоубийстве сестры. Вопрос – почему? Ответ – отвести подозрения от убийц. По их же требованию?..

Идём дальше. Вспомним важные детали из статьи Эльмиры Яковлевой «Последний приют Марины Цветаевой» в еженедельной городской газете «Вечерние Челны» от 24 ноября 2004 года. Читаем внимательно. **Оказывается, Цветаевой предлагали работу в НКВД в качестве переводчицы с немецкого языка... (подробности см. в статье)** Об этом в своём дневнике упоминает и Георгий. Есть предположения о том, что её пытались завербовать. **Она – отказалась. Почему? Это не трусость! Марина не променяла совесть на сытый паёк, она осталась верна себе. И это – поступок.**

Сведения о других предложениях, связанных с работой, упоминаются уже бегло. Привожу интересную выдержку из той же статьи о том, что удержало Марину от поездки в Чистополь: **«Другие предложения о работе оказались неподходящими и Марина Ивановна решила съездить в Чистополь... На 30 августа был назначен день отъезда. Но накануне вечером к Цветаевой пришли две знакомые женщины и предложили: «Не уезжайте, мы собираемся организовать среди эвакуированных курсы французского языка. А сейчас есть возможность поработать в совхозе...»**

Как же всё «хорошо» складывалось!.. Кроме должности посудомойки в Литфонде было много других вариантов? Марина верит предложению. В Чистополь **не уезжает**. Но 30 августа **«произошло что-то решающее»** (из той же статьи Яковлевой). **Что именно произошло – неизвестно...** И последний день августа 1941-го становится последним днём в её жизни. Но то, что в этот день все ушли из дома, даже хозяин с маленьким внуком – совпадением уже не кажется. Кстати, Яковлева в этой же статье упоминает о том, что **«Сергея Эфрона расстреляли через три дня после смерти Марины Цветаевой...»**. **Последовательная неточность? Или... договориться со всеми не смогли?**

Давайте вспомним, о чём пишет Анна Саакянц: **«Марина Ивановна съездила туда, получила согласие на прописку... обнадёженная, 28-го она вернулась в Елабугу с намерением переехать в Чистополь. А 31-го, в воскресенье, когда все ушли из дому, повесилась»**. **Явная ложь. Не ездила Марина в**

Чистополь, не успела... Товарищ Саакянц «забыла» упомянуть о том, что дверь изнутри была закрыта, на ручку намотали какое-то тряпье – дескать, я тут одна ... (Вот почему вышли через окно!) О, Господи... всем воздай.

Сегодняшние выяснения, предположения, домыслы, догадки, рассуждения – решительно ничего не дают, но – **о многом говорят.** Вот ещё две известные странности. **Первая** – Марина ушла из жизни, не сняв кухонный фартук. Так её и похоронили. Поэт *так* уйти не может. Финал – точка, поставленная Поэтом, тем более Женщиной. Даже если сама ушла... фартук *она* бы сняла. **Что заставило забыть о фартуке? Что?**

Вторая странность более, чем странность – **горячая рыба в сковороде, только что приготовленная ею...** Как вам голос самоубийцы за кадром? Давайте услышим: «**Дорогие мои, я тут повесилась, а вы пообедайте! Приятного вам аппетита!**» (Ах, мужчины! Женщина-чекист об этом подумала бы и сковородочку с горячей рыбкой с собой бы утащила...)

Вопросы, вопросы, вопросы...**Почему** приехавших милиционеров никто не знал? **Почему** «соседку» Романову, которая одна видела лицо повешенной, тоже никто не знает? Профессор Вячеслав Головкин в своих воспоминаниях «Всматриваясь в память» (1968 год) пишет: «Бродельщиковы были единственными свидетелями гибели поэта, я теперь понимаю, они многое сохранили в тайне. **Не пишите об этом, нам ведь не разрешают много разговаривать, – просила Анастасия Ивановна, когда отступала от стандартного текста воспоминаний.** Почему? Безобидные детали? Владимиру Николаевичу Дунаеву запрещали цветы на Маринину могилу носить. Бродельщиковым и Чурбановой не разрешали много говорить. Рябину и семь тополей уничтожили, хотя было письменное распоряжение горисполкома, запрещающее производить земляные работы в радиусе 15 м. от указанного места. «Безобидные» детали! А почему Асеев искал встречи с Ариадной, дочерью Марины, и по телефону пытался объяснить ей, что никакой посмертной записки от Цветаевой он не получал, что всё было подстроено?

...Не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что прах перенесли. Хорошо, если перенесли! У исполнителей не толь-

ко ничего святого за душой, у них и души-то нет. Живые покойники! Знаю одну московскую бабушку 97-летнюю. Работала в молодости на Лубянке, в подвалах трупы таскала, полы от крови отмывала. Как, ничего работка?.. До сих пор помереть не может, мучается. А в квартире у неё стены маслом разрисованы – гробы да покойники... Бесовщина, ещё какая!

...Исследователей ухода Цветаевой из жизни хватает. Нет смысла повторяться и перечислять книги, написанные об этом. Но одну ссылку на созвучный источник я сделаю. В статье «Неосуществлённое пророчество. Кто её убил? Было ли это убийством?» авторы, Наталья Савельева и Юлий Пустарнаков, уверенные в том, что Марина Цветаева не уходила из жизни сама, пишут:

«...Кирилл Хенкин служил под непосредственным руководством полковника госбезопасности Маклярского, круг интересов которого включал деятелей советской литературы и искусства в предвоенные и военные годы. Хенкин пишет, что Маклярский рассказал ему о том, что сразу после приезда Марины Цветаевой в Елабугу её вызвал к себе местный уполномоченный НКВД и предложил сотрудничать. И в Чистополь она хотела поехать за помощью и защитой Николая Асеева...»

...Предположение о насильственном характере смерти Марины Цветаевой высказывалось в книге Галины Фоменко «Марина Ивановна, ведь это было не самоубийство?» и в недавно вышедшей в свет книге Вячеслава Головки «Через Летейски воды... «Может быть, недалеко то время, когда с Марины Цветаевой официально будет снято клеймо самоубийцы? Может, удастся найти документы, подтверждающие факт убийства? А пока мы предлагаем подробно рассмотреть версию самоубийства и систематизировать факты, которые говорят о недобровольном уходе».

Вернусь к цветаевоведу с мировым именем, как себя любила называть Саакянц. К 100-летию М. И. Цветаевой она сделала фильм «Не похороните живой». Слова якобы из посмертной записки, которую никто не видел. Почему Саакянц не устаёт повторять «... когда Марина Ивановна покончила с собой...», «... она добровольно ушла из жизни...»? Почему позволяет себе

«...рассуждать с точки зрения высшей» о «двойкости» Цветаевой? О сыне Марины она тоже всё знает: «Он понял, что у матери не было выхода»... Что мог понять 16-летний подросток, убитый горем?! Давайте всмотримся внимательно ещё в одну трогательную «правду» Саакянц. Читаем:

«В 70-е гг. приобрела известность версия о том, что сразу по приезде Цветаевой в Елабугу её «вызвал к себе уполномоченный НКВД и предложил «помогать». Рискну предположить, что эта «версия» восходит к словам Мура, которому впоследствии приходилось, вероятно, отвечать на вопросы о гибели матери, о том, что она пыталась устроиться на работу и т. д. Скверно другое: эта версия была «творчески» развита и даже вошла в моду, приобретя роль последнего толчка, низринувшего Марину Ивановну в смерть. **На мой взгляд, гаданья по этому поводу бесплодны, ибо доказательств никаких нет и не может быть. Ни к чему, повторяю, копаться в недоказуемых «версиях» о роковой роли НКВД в гибели Марины Цветаевой.** Подобные упражнения в детективном жанре, поиски «последней капли» оскорбительны для памяти поэта, захлебнувшегося в море причин, обстоятельств и поводов»

Ах, какой замечательный адвокат у НКВД! Вот Вы и расписались, товарищ Саакянц, в своей принадлежности к литературным штатским... Я давно пришла к любопытному выводу – **не поэт** не имеет законного права говорить о **ПОЭТЕ**. Не поэт привносит в разговор свой реализм, в корне отличный от реализма Поэта. Он сеет свою «правду», убивая Поэта ещё раз. Не поэт не знаком с Духом! Жить намного труднее, чем не жить. Вспомним: «Нет умения жить без умения **мирять!**» А что на сей раз скажет сама Марина?

И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увезть, –
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!

28 ноября 1920

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТАТСКИЕ. УБИЙЦЫ И «СПАСАТЕЛИ» ТВОРЧЕСТВА. ...МАРИНОЕДЫ

Вопрос, имеющий отношение к рукописям Марины – загадка... Их «хозяйкой» стала Анна Саакянц, будучи председателем комиссии по наследству. Она одна имела доступ к якобы закрытому Ариадной до 2000 года Цветаевскому архиву. Но кто-то ведь поручил Саакянц это сделать? Не она же – сама себе? Кто заставил Ариадну закрыть архив? Саакянц – за самоубийство. Она часто и слишком настойчиво это повторяет... Попутно вспомним каким добросовестным исполнителем своей роли был Илья Эренбург, уговоривший Марину Цветаеву вернуться на родину. Он обещал ей огромные тиражи книг и массового читателя, убеждая в том, что её **здесь ждут!** Но не он же лично устраивал ловушку? Спустя время, Эренбург, оправдываясь, будет говорить Марине о **«сокрытых государственных интересах, рядом с которыми наши личные судьбы не стоят ничего».**

– **«Вы негодяй!»** – скажет ему Марина и хлопнет дверью.

А околотитературный драматург Константин Тренев, отказавший Марине Цветаевой в поддержке и лишивший её хлебной карточки?.. Это его **личное** решение?.. Бог им всем судья.

Целый год мы с Андреем будем обивать пороги кабинетов литературных чиновников, встречаться с известными поэтами, будем просить их написать о событиях 1985-го, связанных с Мариной... **Никто** не согласился этого сделать. **Никто.** Всем было, **что** терять... Имена не называю. Многие уже в земле. И оставшимся – каждому свой путь заказан. **«По делам вашим да будет вам».**

...В 1986 году Анна Саакянц поедет с Андреем Трухачёвым в Елабугу. Она сделает всё возможное, чтобы в дальнейшем окончательно пресечь чьи-либо попытки искать могилу Марины. Работает Саакянц от имени и по поручению Анастасии Ивановны Цветаевой, которую предупредили:

– Не будем Вас печатать, если не прекратите поиски! Знаю об этом от Андрея. Кому не угодны поиски? Чем они опасны? О, они очень опасны – версия об убийстве может стать фактом!.. Потянется ниточка к расстрелу мужа, нужно будет объяснять разные даты его смерти в разных источниках. А вдруг – эксгумация подтвердит то, что...? Этого литературные прокуроры не могут допустить. Срочно придумывается ещё одна версия о месте нахождения третьей могилы...О ней Анастасия Ивановна Цветаева напишет мне в письме. Под нелепую диктовку Саакянц, о чём потом мне скажет Андрей!.. Забегая вперёд, приведу её главную мысль дословно, не редактируя текст:

«...В 80-х годах человек пришел в Музей нашего отца и без всякого стремленья к участию в сенсации, сообщил, что попав в то место, где в 41г. (случайно оказавшись на кладбище в Ел. стоял у свежей могилы, вторично туда приехал по своим делам, увидел в $1/2$ или 1 метра от места могилы – памятник, совсем рядом. Мне Музей сообщил об этом и мы с Музеем решили ничего не трогать, на месте могилы – кусты». Непоследовательно всё это, мягко говоря... Зачем надо было, приняв совместное решение с Музеем в 1980-ом, отправлять меня на поиски в 1985-ом? Где логика? Её нет. Молчание и страх сознательно нагнетаются теми, кому **всё хорошо известно до мельчайших подробностей.**

Андрей, во время этой же поездки, зная ситуацию, продолжал встречаться с людьми по второму кругу – проводить опросы и собирать материал. Объективности ради он включает в показания версию и о третьей могиле. Им сделан чертёж кладбища, добыта информация в леспромхозе о деревьях – рябине и тополях, исследованы их возраст по кольцам. Да, их не сажали. Выросли сами. Яркий памятник живой природы, её любви к своему творению по имени – Человек. Факт сам по себе интересный. Две сосны на месте, указанном Анастасией Ивановной Цветаевой на Елабужском кладбище, высохли сразу после того, как был установлен мемориальный камень. Как это понимать? Да, можно объяснить так – повредили корни... А можно иначе, если читать язык природы – могила не здесь... Приведу факт, не менее загадочный. В Тарусе росли два дерева, которые так и звали – Ася и

Марина. После ухода из жизни Поэта – дерево Марины высохло... Корни никто не повредил. Мистика? Нет. Явление, которое наука не может объяснить. Только и всего.

Вернёмся к литературным штатским – всё-таки «яркие личности»! В одном лице и убийцы, и «спасатели творчества». Анна Саакянц в 1988 году издаёт двухтомник сочинений М. Ц. Большой труд. Я не следователь и, боже упаси – никого не обвиняю и не сужу. Но явление присутствует, как неискоренимая российская традиция – сначала убить (словами, делами, угрозами, сплетнями), а потом цветы на могилку носить... Точно окрестил суть деятельности литераторов, живущих за счёт Цветаевой, выискивающих скандальные и пикантные подробности из жизни Марины, сам Андрей:

– Они не МариноВеды, они – МариноЕды! Саакянц? Знать её не хочу, – скажет он решительно.

Пусть недоказуемое убийство Поэта остаётся версией. Пусть. Но будь они неладны, эти вечные версии, пустившие корни и тянущиеся шлейфом за судьбами живых и мёртвых. Версии и традиции, позорящие страну. Да, Марине сейчас всё равно – и разборки, и могила, и сплетни, и почести – сейчас уже всё равно. А читателям? А живым поэтам России? А тем, кто за пределами нашей страны помнит о дикой судьбе Поэта Марины Цветаевой – всё равно?.. Имя величайшего Поэта XX столетия принадлежит сегодня не только России. Имя Марины Цветаевой принадлежит Миру. Увы, наше вечное и постыдное прошлое, о котором некорректно говорить... Самое корректное – традиционная игра в молчанку, господа-товарищи. Сколько ещё прикажете молчать? Древние учили: «Уважение к живым начинается с уважения к мёртвым». Умели они соединять звенья всех веков в одну цепь, умели видеть величайшие истины:

Если Настоящее любя,
Прошлому запустишь камень в душу –
Будущее горы на тебя,
Торжествуя, с грохотом обрушит...

Не в этом ли кроется причина бесчисленных трагедий, войн, смертей? Настало время осознать поступки свои и просить прощения у Прошлого. Для каждого это время настало.

Повеселю читателя. В электронном журнале «Национальный сервер современной поэзии» на своей поэтической странице, я разместила Стихи из книги «Без словаря», посвящённые Марине Цветаевой. Заметили? Да. Начались звонки. Мужчина, отказавшийся представиться («Вам это ни к чему»), регулярно напоминал о себе:

«Как поживаете? Не боитесь по улицам ходить? Советую оглядываться – машина может сбить, так бывает...» Началась травля. Мне это порядком поднадоело и в переписке с читателями я дала понять, что 10 экземпляров книги разосланы доверенным лицам в разные страны. Звонки прекратились. Радует – служба «поумнела».

Мыслима ли диктатура над Духом, над Творчеством? Возможно ли умертвить Мысль? Тело – да. Дух – нет. Законы Неба никто не отменял.

ПОЛИТИКА ЛЮБВИ К ЧЕЛОВЕКУ – ВОТ ПОЛИТИКА ПОЭТА!

Андрей растерян. Он привёз мне личное письмо от Анастасии Ивановны, о котором я упоминала выше. Она умоляет всё прекратить, ссылаясь на свой 92-летний возраст и плохое самочувствие: **«Я больше не могу слышать и говорить об этом. Эта тема убивает меня. Сын мой этого не понимает, поймите Вы!»** Если я это сделаю, она мне всё... «нежно простит». **Что простит?!..** Андрей пытается расставить события по своим местам:

– Мы всё равно доведём дело до конца. Надо немного подождать... Ты должна всё правильно понять. Она – моя мать.

– Хорошо, – говорю. Конечно, я всё понимаю. Не волнуйся. Не мучай себя. Конец всем действиям. О чём речь? Точка.

Марину читаю каждый божий день – это единственное, что нам осталось. Доверие друг к другу состоялось. Идёт общение через стихи, разговорные диалоги радуют. Как верно говорила ОНА о том, что материалом произведения искусства является не слово, не звук, не камень, не холст, а – ДУХ! Каким образом это происходит – скрыто. Результат – налицо. Кто сказал, что поэты – люди?.. (Отдельная тема...) Увы, общестатистическая мыслительная норма абсолютного большинства приводит к застывшим формам жизни. Вот они – другие люди... Истинный Поэт – вне стандарта, через него работает вечное. Тот, кто переступил через страх, посеяв в себе своё мироощущение, уходит от понятия «как все». Поэт лепит своё пространство, добывая знания из чувств своих. (Психиатры, простите, имеют дело с больной душой. А что они знают о здоровой? О силе того же Духа, например? Объективности ради скажу – и психиатры разные бывают...)

Спустя время, Андрей привозит Асю ко мне, предупредив об этом в самый последний момент. Она желает объясниться не по телефону... Не могу отказать, друг у друга мы и раньше бывали. Не представляю, правда, о чём теперь говорить!

...Жалкая, маленькая. Божий одуванчик с голубыми глазами. Деликатно извиняется за своё письмо. Предлагает помощь в издании моей книги стихов, хочет писать предисловие. Недоумевает, почему отказываюсь. Говорю прямо:

– Простите, Вы – не поэт. Простите меня, пожалуйста! Обижается. Уходит на кухню, плачет. Иду за ней, обнимаю хуленькие плечи:

– Мы не враги, Анастасия Ивановна!

– Поймите правильно, Таня! Мой отец подарил Москве Музей. Когда я попыталась намекнуть о присвоении Музеею имя отца – кто это услышал? А тут упрямый сын мой – с могилой, эксгумацией тела сестры... Я поздно поняла – нельзя было начинать! Нам никто не пойдёт навстречу. Никто и никогда...

Молчу. Что сказать? Сергей Эфрон, Аридна Эфрон, Анастасия Ивановна, Андрей – все они прошли через сталинские лагеря. И, несмотря на то, что все впоследствии реабилитированы (Сергей Эфрон после смерти), на судьбах живых – прочная пе-

чать страха. Трагедию времени не вычеркнуть из памяти. Простите, Анастасия Ивановна! Я Вас понимаю. И Марину понимаю. И наёмных убийц понимаю. Всё и всех понимаю, кроме одного – **как жить?** Андрей страдает молча. Я даю себе слово – ни о каком продолжении поиска могилы не может быть и речи.

Сколько искорёженных судеб! Ради политики? **«Сокрытых государственных интересов»?** У Поэта одна политика – политика над политикой. Политика любви к человеку, и – ничего больше. Вот политика Поэта. **«Поэт – детская модель вселенной».** Это очень верно. Марина в своё время сказала прописную истину для поэтов. **Нам дано в руки то, чего мы не вправе ни выронить, ни передать в другие руки... Надо писать стихи. Заставить поэта обойтись без стихов? Сделать из поэта прозаика, а из прозаика – покойника?**

«Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам»

Это – показатель отношения Марины и к жизни, и к смерти. Недавно ушёл из жизни поэт Валерий Прокошин. За три месяца до смерти ему в Тарусе на «Цветаевском празднике» в 2008 году вручили Цветаевскую премию.

Нет, не вернулась из прошлых разлук
В дом, где хотела согреться.
Всё, что могли, вырывали из рук
И выжигали из сердца.
И загоняли на сталинский круг –
Лагерных вёрст. Из бывшего
Ей всё мерещился адовый крюк
Вместо серпа золотого.
Медленно вянут вокруг тополя,
Окна в домах – чёрной масти.
Товарищ Цветаева,

Как вам петля –
В дар от советской власти?

Нет, не Елабуга кралась из тьмы
Провинциальной воровкой –
В двери открытые. Это же мы
Ждали всё время с верёвкой.
От приглашения в рай или ад
Кто же откажется – в гости:
Самоубийцы становятся в ряд
Возле погоста по ГОСТу.
Жизнь начинается снова с нуля
Там, где закончились страсти.
Товарищ Цветаева,
Как вам земля –
В дар от советской власти?

Жуткий, но прекрасный Стих...

ФРАНЦУЗСКАЯ БЕЗДЕЛУШКА. ЕСЛИ БЫ ЛЮДИ ПОНИМАЛИ ЯЗЫК ВЕЩЕЙ...

Странная история произошла в Елабуге много лет спустя после гибели Марины. Плотник, который делал гроб, незадолго до своей смерти принёс в Елабужское туристическое бюро крошечную записную книжечку – французскую безделушку. Он почему-то взял её у покойницы из кармана фартука. Сувенир был размером со спичечный коробок, тёмно-бордового цвета с золотым тиснением лилии на обложке. На одной из страниц рукой Марины крошечным карандашиком, вставленным в книжечку, написа-

но имя мужа – Сергей Эфрон. По сути каясь в содеянном, старый человек просил передать вещь родным, не умея объяснить свой поступок, но не желая больше страдать от угрызений совести. Мучила его эта безделушка. Работники бюро передали сувенир приезжему писателю, а тот привёз книжечку Андрею. Точно так же раньше привезли крюк, который Анастасия Ивановна взять отказалась. Куда он делся – неизвестно. Об очень любопытной истории с этой книжечкой я умалчиваю, есть на то причины. Но почему вспоминаю об этом вкратце? Надеюсь, она нашла своё место в музее. Держала я в руках книжечку эту. Если бы вещи умели говорить! Нет, не так – если бы люди понимали язык вещей...

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ А. И. ЦВЕТАЕВОЙ. ...ОПЯТЬ ЭТОТ ШАРИКОВ!

В то утро Андрей приехал сам не свой. Молча протянул мне письмо на четырёх печатных листах. Пробежав глазами первую страницу, теряю способность говорить. Через минуту произношу:

– Что за чертовщина? Откуда у тебя этот бред? Как можно эту мерзость читать?

– Дочитай до конца, потом посоветуемся, что делать, – отвечает устало. На лице следы бессонной ночи...

Странное чувство беспомощности и отчаяния овладевает мной. Я не понимаю, какой год на дворе! При чём здесь октябрьская революция? Что происходит? Господи, неужели это писал человек?! Автор вместо подписи поставил числа: 13 – 19 – 04. И всё. Слова пропитаны злобой, проклятьями, лютой ненавистью. Опять этот Шариков! Успел-таки, сукин сын, расплодиться! А что же было тогда, в 1939-ом, если сегодня страсти не утиха-

ют?! В письме – грязь, мат, язык быдла. Привожу (без правок) самую тактичную выдержку из анонимного вопля:

«А мы слышишь тварь ничтожная, сволочное отродье?! скоро поставим 111000000 свечей за процветание этого замечательного строя, при котором (в самом начале) вышвыривали эту шваль из двери редакции а сейчас (глубоко ошибаясь) стали печатать это ничтожное графоманское отребье. Мы пошлём весь этот имеющийся у нас материал в отдел культуры Центрального Комитета КПСС и в Комитет Государственной безопасности СССР»

Далее аноним предлагает очень конкретные меры – запретить читать стихи Марины Цветаевой. Штраф за чтение стихов в размере 1000 рублей и судебная ответственность за хранение дома Цветаевских книг. За это же – немедленное увольнение с работы, исключение из учебных заведений. Срочно изъять все Цветаевские книги из библиотек, сжечь их. Запретить все литературные концерты и автобусную экскурсию по памятным местам... Открытая угроза: ***«...если ты....., то окончишь свою жизнь так, как..... её муж. Понятно?..... Берегись нас!!! Страшись нас!!! А лучше поскорее подыхай сама, проклятая старуха!»***

Андрей пишет заявление в КГБ. Угрозы физического уничтожения в адрес его матери пугают. Он чувствует себя оскорблённым. Унижено человеческое достоинство. Анонима не нашли. А, возможно, и не искали. Почему? Неужели спустя почти полвека сработала формулировка Ильи Эренбурга о ***«сокрытых государственных интересах, рядом с которыми наши личные судьбы не стоят ничего»***?! Пишу кратко о вопиющем факте, имеющем место быть в 1986 году. Подробности читатель узнает из обращения Андрея в Комитет Государственной Безопасности СССР.

Попутно вспоминается вот ещё что... Только в 2009 году татарский политик, депутат и писатель Туфан Абдуллович Миннулин, о котором я уже упоминала (в прошлом председатель Союза писателей Татарской АССР) дожил, наконец, до «Колыбельной» Марины Цветаевой из сборника «Стихи к Чехии». И разродился выводами: ***«Уважать Марину Цветаеву,***

значит не уважать себя!» Что же именно возмутило престарелого младенца? А вот эти строки:

«В оны дни певала дрёма
по всем сёлам-деревням:
Спи, младенец! Не то злому
псу-татарину отдам...»

1939

Разве могла я не ответить старому знакомому? Гавкающая физиономия у микрофона писателю принадлежать не могла... (см. фото в интернете «Русская линия. Информационно-аналитическое агентство»)

Минули времена, Миннулин,
А ты про пса забыть не можешь?
Младенец, спи. Не трогай пули.
Как жаль – свою не видишь рожу...

2009

ИДИ С БОГОМ. Я ИСПОЛНЮ ВОЛЮ ТВОЮ, АНДРЕЙ

За месяц до ухода из жизни Андрей привёз мне папку с материалами о Марине Цветаевой – копии своих писем, документы, показания свидетелей, мои журналистские протоколы, составленные в Елабуге в период поиска.

– Зачем, – спрашиваю, – не понимаю, зачем *это* – мне? Садится. Смотрит в глаза. Долго молчит, и – просительно:

– *Пожалуйста, сохрани это. Домашние меня не слышат. Мама пережила травлю. Ею управляют. Обещай мне – книга должна быть.*

– Нет, Андрей! Ты же хотел сам написать книгу – пиши! Прости, я не хочу больше об **этом** говорить, не хочу **никуда** ходить, просить понимания – я **никому** больше не верю. Прости! Если бы знать, что скоро его не станет – могла бы я **так** ответить? Уход его был внезапен. Накануне мы встречались, а на следующий день – звонок от режиссёра Артура Зариковского:

– Андрей Борисович умер, упал в подъезде своего дома. Нина Андреевна дома одна. Поезжайте туда быстрее, – и повесил трубку.

Я не могу осознать, как... **умер?** Андрей не мог умереть, не мог! Телефон не отвечает. Мы с мужем едем к Андрею – это недоразумение. Артур что-то перепутал! Или был пьян, или...или...или...

Нина Андреевна, жена, мечется по комнатам одна.

– Он живой, – говорю, беря Андрея за руку, – он тёплый! Он просто без сознания!

– Нет, – отвечает Нина Андреевна, – пять часов, как «Скорая» была. Это – смерть. Надо обмыть тело. Родственникам нельзя. Зовём соседей. Надо переодеть.

– Таня, делайте всё сами, – Нина Андреевна машет рукой в сторону шкафа и, плача, уходит в другую комнату. В шкафу – костюм, тот... нелюбимый им, светлый... Несколько рубашек. В квартире – нищета. В углу – осиротевший серый дипломат...

– Десять лет ты проходил в синем, в единственном своём костюме, Андрей... Ты – внук Цветаева – основателя Музея... сын знаменитой писательницы... Иди в небеса в светлом, в нелюбимом... Иди с Богом. И будь спокоен. Я исполню волю твою, Андрей – книга о Марине будет.

К вечеру привозят Анастасию. Стояла у изголовья, застыв. Долго стояла. Потом повелительно произнесла фразу: «От начала!» И Нина Андреевна стала рассказывать, как всё произошло...

На Ваганьковском, во время отпевания, прощаясь с дорогим человеком, я повторила ему, склонившись над гробом:

– Книга будет, Андрей. Мы напишем её вместе.

Ушёл не ты – ушла эпоха.
На смену ей пылит пожар
Всеустрашающего вздоха,
Качнувшего небесный шар.

А где-то в памяти далёкой
Благоухает неба синь...
Ушёл не ты – ушла эпоха.
Богов эпоха и Богинь.

5 февраля 1993

«ДОСЬЕ» – ПРИЛОЖЕНИЕ К «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ», СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Много ли хорошего сказали о великом русском Поэте нашей эпохи, отмечая 100-летие со дня рождения Марины Ивановны Цветаевой? Сказали, как смогли... Но каждый – о себе сказал. И хорошего, и дурного – много сказали. И к сожалению, и к счастью. Кто к стыду своему, а кто к радости всеобщей. Всем – спасибо! Всякий раз удивляюсь коллективному умению вспоминать – как ходила, как смотрела, как говорила – как, как, как... Во что была одета, цвет глаз, причёску, руки, кольца, браслеты, любовные связи в надуманных подробностях... Но самое главное – свои суждения о том, что и кому должен был Поэт, а что не должен... Как жил, а как надо было жить! С кем надо было, а с кем не надо было быть... Как надо было писать стихи и о чём, а как не надо...

Помилуйте, при чём тут кастрюли, полы, обеды? Опомнитесь, господа... Поэт – в стихах своих, и – только в них! Стихами дышать надобно, впитывать их, спастись ими. Чем прикажете прикасаться к Поэту? Однолинейной меркой? Жизни – разные, чувства – разные, нормы – разные. Поэт – существо многомерное, непонятное. Но почему, спросите? Да потому что Солнце не настольная лампочка. И рассуждать о Солнце этой самой лампочке – как? Чем? И вовсе не о быте здесь речь! Кем «оценивается» степень творческой состоятельности? Да, да, вечно: «А судьи кто?» Приведу высказывание известного литератора Александра Кушнера, его мудрствование, или, простите, околотитературную ересь:

«То, что стала вытворять Цветаева со словом, – неслыханная дерзость. Да, это слово нередко почти отрывалось от смысла, скажем точнее: не от смысла – от предметной реальности... стихотворная техника выходила при этом на передний план. Таких упражнений, экзерсисов, холостого вращения стихового маховика в её стихах очень много».

Техника? Холостое вращение? Думала ли о том Марина, добывая из себя «Поэму воздуха», в которой оголённые чувства не вмещались в слова? Выдох ... без вдоха, и ты на территории, где жизнь и смерть – одно. Поэзия – противоядие от безумия, способ создания новой реальности. Работает живой образ! Природа мыслит образами. Человеческое нутро, все органы его, мозг, клетки общаются друг с другом с помощью образов. Грустно, когда от чтения ждут праздной лёгкости, развлечений, переливания из пустого в порожнее. Сегодня полно такого. Идёт тотальное оболванивание людей. (Вопрос – кому это выгодно?..) Читать Марину – труд. Но труд в радость, пища для Духа. Счастье для Души, если она востребована хозяином.

...Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь оптину –
Рис, – тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай –

По сердцу!) сплечением
Толп. – Гераклом бьюсь!
– Землеизлучение.
Первый воздух – густ.
Сню тебя иль снюсь тебе, –
Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один,
И не парный, спаренный.
Тот, удушье двух –
Одиночной камеры
Вздох: ещё не взбух
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, – страшась прошу.
Либо – и отпущена:
Больше не дышу.

1927 (из «Поэмы Воздуха»)

...Вспоминаю, как Андрей рассказывал о встрече с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым и его супругой Раисой Максимовной на открытии музея Марины Цветаевой в Москве.

– Вы Марину Ивановну читали? Знаете? – спрашивает Андрей.

– Не знаем, но почитаем, – отвечает Раиса Максимовна.

Андрей – мне, добродушно смеясь:

– Обещали почитать!..

Многие «литературные лампочки» часто упоминают о том, как трагически воспринимала Цветаева людей, с которыми жизнь её сталкивала. Сущность Маринина была для большинства людей трагедией, а она сама – инородным телом, разворошившей яму с хламом, в центре которой высится треугольник – «кухня-спальня-туалет»... Марина высматривала, выискивала, выпрашивала,

вымаливала у окружающих – *своё!* Опять же – океан и... лужа! Чистить рыбу и полы мыть – можно научиться. Но для этого ли творцы на землю приходят? А те, кого поработил быт, как правило, перестают творить. Она не перестала! Трое детей. Бездомье. Быт. Безденежье. Марина была и осталась любимым инструментом во руках господних...

Не дышите славою,
 Воздухом низов.
 Курс воздухоплавания
 Смерть, где всё с азов,
 Заново...
 Слава тебе, допустившему бреши:
 Больше не вешу.
 Слава тебе, обвалившему крышу:
 Больше не слышу.
 Солнцепричастная, больше не щурюсь.
 Дух: не дышу уж!
 Твёрдое тело есть мёртвое тело:
 Отяготела.

1927 (из «Поэмы Воздуха»)

Какая же это техника? Технология Духа – вот что это. Но кто о ней знает? Только Поэт. И – без анализа. Анализировать... Божье?!

...Желающие познакомиться с воспоминаниями современников о Марине Цветаевой добудьте «Досье» на 32-х листах. (1992 г. № 9 «Тайна жизни и загадка смерти»). Убедитесь в том, как неуклюже слепили столетие, как горько читать подстрочник в подвале «Досье». Но особое спасибо *тем*, кто осознал, о *ком* пишет, и сделал это, считая за честь для себя. В «Досье» много прозы, есть стихи Марины – виновницы торжества. Но нет стихов, ей посвящённых. У нас что, поэты перевелись? Отнюдь. В моей памяти прекрасные строки Марине Цветаевой московского поэта Виктора Хатеновского:

За неженскую
Мощь и силищу
Твоим словом я
Воздух вымошу.

За талант в крови –
На глазах – толпы
Я слезами Вам
Ноги вымыл бы.

1983

Марина – Поэт и Человек в одном лице. В быту, в разговорах, в поступках. Это ярко ощутимо по Стихам, письмам, дневниковым записям, в её автобиографической прозе. Явление из ряда вон. Гений её – безупречен. Боль – безмерна. Трагедия – без дна. Поэзия – без сравнений. Марина Цветаева распята земными событиями так же, как и Иисус Христос. И только за то, что заняла своё место и в жизни, и в смерти. **Даже если сама ушла – всё равно убили.** Жизнь жестока. И потому такие Поэты, как Марина – спасательный круг для живых. **Промысел Божий.**

Замечательный триптих посвятил Марине Поэт Метоус Яков. Какое поэтическое созвучие с происходящим, о котором автор ничего не знал! А познакомимся мы с ним двадцать пять лет спустя...

РЕМЁСЛА

Встань. Дождалась
и тебя – рукодельница –
под фатой. Коса расплелась,
исчезает – тень лица...
И белейшим мелком
всё – немеряна ткань, –
разрывается? – Кулаком
уже скомкана длань:

ни мелка уже, ни пера
не зажать, в горсти так пальцы
стиснуты... Погостили – пора!
Со двора Земли – постояльцы –

– прочь! Во – вселенские
во ветра! – Холод, тьма?
Всё – слова! Хоть – в Успенские
завернись – колокола.

.....

И остается – лишь книга,
мерность-без твоего письма
дар – застывшего мига
раз-резанная тесьма
спадает – пеленою с века
и – пробуждение – кому –

Двоим? – оставленная веха
меж звезд – ненайденному!
Идущему – не по стопам
твоим – твоё нашедшему – как?

Во тьме – к неясным берегам
твоя – ладонью вверх – рука –
ладья...

В холоде, там, где крест
огненный – высится,
в час – выбирать невест
отперта – ризница!

В звездный час – берегись
вольноотпущен-ник,
перстью подавшись ввысь –
твой Лилит земный лик –
в снег обернула – белей...
Музы твоей подруга

вьюга – будь строже с ней:
землю тебе пухом
выстелет...

9 июня 1985

ПРАВЕДНЫЙ ГНЕВ ДУХА – БЕЗУПРЕЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Печальная и смешная история связана с тем, как мы, Поэты Арбата, отметили столетие со дня рождения Марины Цветаевой. Андрей был в то время директором нашего театра импровизации «Гармония». И стихи, и музыка, и танцы, и живопись, и скульптура рождались на глазах у зрителей, живьем. Театр был единственным в своём роде. Решено было спектакль «Смещение времён» показать в Шаляпинской гостиной. Нужны были деньги, чтобы арендовать престижное помещение в центре Москвы, которое принадлежало газете «Известия». На просьбу Анастасии Ивановны – любезный отказ директора гостиной... А столетие-то Цветаевское! Нет, чтобы приветствовать: «Мы рады, что Вы именно к нам обратились! Спасибо Вам, Анастасия Ивановна, о каких деньгах может идти речь?!». Гнев – хороший инструмент. Действенный. Я со «своей охраной» прорываюсь в полном смысле этого слова к главному редактору «Известий» товарищу Голембиовскому. **Какими словами убедить высокопоставленное лицо сделать исключение из правил для Цветаевой в её столетний юбилей? (Марина, думай. Это твоё столетие!)** И она придумала...

Живая сцена. Именинница не входит – влетает в кабинет главного редактора главной газеты страны. На сей раз она – журналист газеты «Нью-Йорк Таймс»... На очень «плохом» русском языке с трудом объясняется... Да, она готова платить, но не понимает,

Россия – Родина Поэта или нет? Бедный Голембиовский пытается объяснить, что правила для всех одинаковые, Цветаева – не исключение, и её столетие тоже... На редакторский стол летят доллары:

– Поджалуста, Игор Несторович, я буду платить Вам копейка, но свой «Нью-Йорк Таймс» буду сказать статья, как работать русский правил против Марина! Я зарабатывать большой доллар на русский любов к ваш поэт!

И – слёзы градом... Голембиовский краснеет. Международный скандал его пугает или... совесть заговорила? Нажимает кнопку. Директор Шаляпинской гостиной получает распоряжение – разрешить. Праведный гнев Духа – безупречный инструмент. Театр импровизации, господа!..

ГРАЖДНАМ МОЕЙ СТРАНЫ

Дорогие мои соотечественники! В памяти русского народа живёт множество трагедий. Но вместе с тем в людях неистребимы патриотические чувства и любовь к родной земле. Верность Родине – потребность живой души. Сегодняшнее время отражает беспредел, уничтожающий генетическую память, носителем которой и является *слово*. Замена *слов* и подмена *понятий* привели к искажению самосознания человека. По этой же причине разрушается самосознание среды человеческой.

Однако, сейчас речь наша о семье Цветаевых, ещё раз повторюсь – об истинных патриотах земли российской, заплативших за право ими быть и делами, и жизнью. Давно пора восстановить историческую справедливость по отношению к величайшему Поэту Эпохи Марине Ивановне Цветаевой и её отцу – профессору истории искусств, европейскому филологу Ивану Владимировичу Цветаеву. Пришло время вернуть Музею имя его создателя, основателя и единоличного собирателя –

Ивана Владимировича Цветаева. На повестке дня этот вопрос стоял не раз. Почему? Давайте думать вместе.

Любимый наш Александр Сергеевич Пушкин к изобразительному искусству решительно никакого отношения не имел. Музей – огромный труд жизни другого человека, а именно – Ивана Владимировича Цветаева. Но как легко стереть общественную память! Сегодня об Авторе Музея в некоторых источниках упоминается как о человеке, выдвинувшем всего лишь... идею! И ещё о том, что Иван Владимирович был первым директором Музея... «Скромные» детали!.. Но ведь именно это и называется фальсификацией фактов. Бессменный директор Ирина Александровна Антонова 65 лет проработала в Музее, из них 50 лет – директором. Имеет множество званий, орденов за заслуги перед Отечеством. Сегодня ей 88 лет, она ещё директор. Пора отдать должное Ивану Владимировичу Цветаеву. Почему бы эту идею Вам не подать, Ирина Александровна?

Хорошо бы Москву нашу, москвичей и гостей города порадовать памятником, установленным в центре столицы в честь Поэта Марины Ивановны Цветаевой. Низкий поклон создателям единственного памятника в нашем городе, недалеко от музея Цветаевой в Борисоглебском переулке. Но, к сожалению, он по своей значимости явно уступает величественным памятникам в других городах и странах. А давайте представим себе памятник Поэту Цветаевой вровень с памятником Поэту Пушкину, напротив него. Творчеством своим Марина место рядом с Пушкиным при жизни определила:

Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.

Вольному – под стопки?
 Мне, в котле чудес
 Сём – открытой скобки
 Ведающей – вес,

Мнящейся описки –
 Смысл, короче – всё.
 Ибо нету сыска
 Пуще, чем родство!

1931

Да, памятник Марине Цветаевой на Страстном бульваре будет полным искуплением вины нерадивых «патриотов» перед живой памятью Великого Поэта и Великой Женщины, перед отеческой гордостью страны. А Трёхпрудный переулок переименовать в улицу имени Марины Цветаевой сам бог велел. Почему это не приходит в голову тем, кто отвечает у нас за культуру? Или они за другую культуру отвечают, простите? Прошло 69 лет со дня ухода Поэта, но появление множества книг о судьбе Цветаевой и огромного количества статей, рассматривающих версию убийства, тонет в бюрократическом болоте. Сдвинется ли дело с мёртвой точки? Нужно ли сегодня искать могилу? Нужно ли подтверждать версию убийства? Если будут выполнены требования *иска времени*, вопросы отпадут сами по себе.

Москва! Какой огромный
 Странноприимный дом!
 Всяк на Руси – бездомный.
 Мы все к тебе придём.
 И льётся алилуя
 На смуглые поля.
 – Я в грудь тебя целую,
 Московская земля!

8 июля 1916

...Когда патриарх Всея Руси Алексий второй в 1990-ом году дал согласие на отпевание Марины Цветаевой, его спросили:

– Что позволило сделать исключение для Цветаевой?

– Любовь народная, – ответил патриарх.

Не исключено, что у патриарха, как у человека Божьего, была уверенность в том, что Марина Цветаева – не самоубийца. А возможно и служба земная, которая знала об этом точно. Сомнений нет – восстановится не только историческая справедливость по отношению к семье Цветаевых – восстановится торжество здравого смысла в интересах счастливого будущего Всея Руси. Не верю, а верую в это. И в любовь человеческую верую к родному Отечеству по имени – Земной Шар. Пророчески звучит сегодня откровение Андрея Вознесенского: «Именно сейчас исстрадавшейся России дано познать себя через стон Цветаевой».

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью –
По колено в земле,

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
– Современникам старшим –
Вам, без равенств и братств,

Поколенье! Я – ваша!
Продолженье зеркал.
Ваша! Не было краше
Тех, кто жарко страдал!

Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти – временному!..

1935

ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ... МАРИНА ОСЧАСТЛИВИЛА ГОРОД

Сегодняшняя Елабуга – золотая туристическая жила. Старая купеческая улица вся в брусчатке, дома не узнать – красавцы! Большой мемориальный комплекс включает в себя Культурный Центр имени Марины Цветаевой. Этот Дом, расположенный на Казанской улице, в народе называют Музеем Марины Цветаевой. В 2005-ом с помощью федеральной и республиканской власти выкуплен и отреставрирован Дом Памяти Марины Цветаевой. Установлен памятник с ротондой и бюстом Марины Цветаевой. Он близко к улице Казанской (старое название – улица Карла Маркса), недалеко от Музея и Дома Памяти. Во дворе Музея – библиотека Серебряного века. На месте бывшего кладбища парковая зона. Здесь тоже установлен памятник Поэту Марине Цветаевой.

Туристов всегда много, летом по 3-4 теплохода в день подъезжают к пристани. Музей-заповедник самоокупается и имеет прибыль. Международные «Цветаевские Чтения» проходят через каждые два года. Во всём мире стали традицией «Цветаевские Костры» в честь дня рождения Поэта Марины Цветаевой. В Елабуге они проводятся уже несколько лет в специально оборудованном месте во дворе Музея. Всё замечательно! Марина осчастливила город, благоустроила и увековечила его. Однако, об истинном месте захоронения, увы, речи нет. Туристам и в голову не приходит, что стоят они возле условной могилы. Всё забыто... Деревья – семь тополей и рябина – уничтожены. Крест – тоже. Такая вот история...И всё же нынешняя администрация Татарстана и города Елабуги, в лице Ильшата Гафурова, храня память о великом русском Поэте Марине Цветаевой, является примером отношения к ценностям земной культуры – духовного отечества рода человеческого. Поклон вам, дорогие елабужане, умножившие память о Поэте.

Когда меня спрашивают, почему книга «Пятый Воздух» не могла быть издана раньше, отвечаю, как есть – всему своё время. Оно распорядится событиями. Скажу откровенно – сегодня ме-

ня подгоняет мысль о том, что люди приходят в этот мир не навсегда. Настанет мой час – я уйду спокойно, отдав должное Марине. Её творчество стало моей верой и моей крепостью. От Марины наследство: Дух, Любовь и Мастерство. Выше этих ценностей на земле для меня ничего не существует. Как дальше распорядится жизнь? Всё рано или поздно займёт свои законные места. Придут на землю новые люди. И новые факты непременно в жизнь постучатся. Хорошо известен ответ Марины на реплику о том, что её через десять лет забудут. «Через двести – вспомнят!», – пророчески сказала Цветаева. Не забыли. Помнят. И помнить будут. Марина – воистину до всякого столетия. И потомкам нашим предстоит с ней вечные свидания и вечные открытия.

СВИДАНИЕ

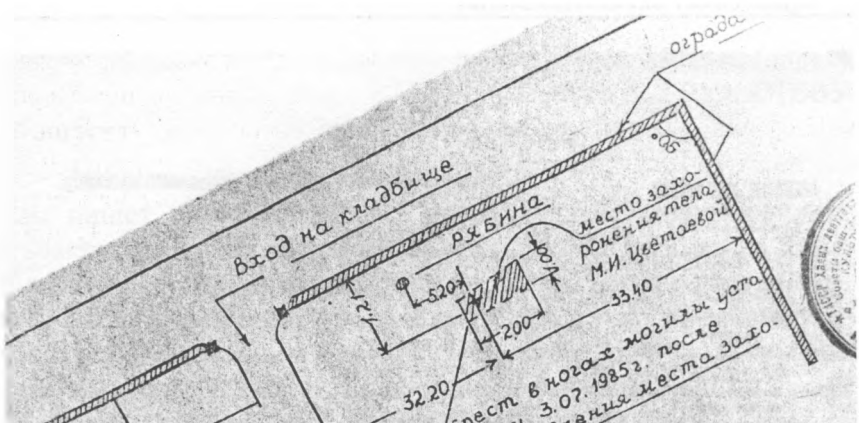
На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высоко назначил!

Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через годы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.

Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьёвой –
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щебень!
Я тебя высоко любила:
Я себя схоронила в небе!

Марина Цветасва

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

**ПРОТОКОЛЫ. АКТЫ. ЗАЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН.
ПИСЬМА А.Б. ЦВЕТАЕВА-ТРУХАЧЕВА**

Лицевая сторона
риальное фото камня, у
новлен. Сюзом СП
1968 году. Сложился
мельком. Сложился
нения М.И. Ц.
снадписью

ординатная
на привязки места
хоронения тела
рины Исаковны
Цветаевой
кладбище
да Елабуга, уста-
анного свидетели
ны пока занимают
первоначально от Ин-
т. № 452

2. Поэтому, установлен-
ный крест принят за
отправную точку при
привязке на местности
координат захоронения.

1. Крест установлен в то
хоронение был вкопан
ного столба снадпи
Пасынок был в3
от 2 июля 1985 г.
наместом Лич-
ный чурбанок
[Елабуга].
Позднее по-
ленка и по-
часть, ост-
подземна
сдан по о-
музей в
т. № 452

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
при Совете Министров
Татарской АССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
Татарской АССР

№ 16-09 1946.

№ 154-0

20064 г. Казань, ул. Ленина д. 2н
телефон 2438

АРХИВНАЯ КОПИЯ

г. Москва, П15351, Ореховый бульвар
дом 10 корпус I кв. 346

А. ТРУХАЧЕВУ

16 августа I

Уважаемый тов. Имамоудинов

Вам пишет писательница-переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшелонам Литфонда в гор. Елабугу на Каме. У меня есть к Вам письмо от и.о. директора Гослитиздата Чагина, в котором он просит принять деятельное участие в моем устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге потому - что, кроме моей литературной профессии, у меня нет никакой.

У меня, за той же подписью, есть письмо от Гослитиздата в Татарстан, с той же просьбой.

На - днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо.

Очень и очень прошу Вас, и через Вас Союз Писателей сделать все возможное для моего устройства и работы в Казани. Со мной едет мой 16 летний сын.

Надеюсь, что смогу быть очень полезной, как повзгическая переводчица.

Основание: Фонд Р. 150, к. 131.
Директор ЦГА ТАСО
См. отделом информации

А. Ж. Иганшин
Н. Н. Иванова

Год в документе не указан

Марина Цветаева

г. Москва (адрес)
А. ТРУХАЧЕВУ

16 августа

Уважаемый тов. Имаморинов

Вам пишет писательница – переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшелонном Литфонда в гор. Елабугу на Каме. У меня есть к Вам письмо от и. о. директора Гослитиздата Чагина, в котором он просит принять деятельное участие в моем устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге потому что, кроме моей литературной профессии, у меня нет никакой.

У меня, за той же подписью, есть письмо от Гослитиздата в Татаргосиздат, с той же просьбой.

На днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо.

Очень и очень прошу Вас и через Вас Союз Писателей сделать все возможное для моего устройства и работы в Казани. Со мной едет мой 16-летний сын.

Надеюсь, что смогу быть очень полезной, как поэтическая переводчица.

Марина Цветаева.

Основание: Фонд Р– 7089, от 138, л. 131.

Директор ЦГА ТАССР А. Ж. Жиганшин

Зав. отделом информации Н. Н. Иванова

Копия

Штамп органа ЗАГСа

ЗАПИСЬ АКТА О СМЕРТИ № 223 от 1 сентября 1941 г. (первый экземпляр)

1 Фамилия Цветасва

2 Имя Марина 3 Отчество Ивановна

4 Пол 5* Национальность рус.

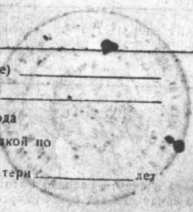
6 Время смерти 31 августа 1941 г.

7 Место смерти город (селение) Сладуна район Мособл
 область (край, республика)

8 Причина смерти Асфиксия при задушении

9 Время и место рождения _____ 19__ г. город (селение) _____ район _____ область (край, республика) _____

Возраст исполнилось _____ лет Для детей моложе одного года указать _____ месяцев и _____ дней, а также какой по счету ребенок у матери _____ и возраст матери _____ лет

10* Где постоянно проживал город (селение) Сладуна район _____ область (край, республика) _____ ул. Кедровая д. 10 кв. _____ Постоянно проживал с _____ года

11* Семейное положение (подчеркнуть): состоя в браке—1, никогда не состоя в браке—2, вдовец (вдова)—3, разведен (а)—4.

12* Где и кем работал (если не работал, то указать источник средств существования, а для пенсионеров—также прежние основные занятия) инспектор, Гослитиздат

13* Образование (подчеркнуть): высшее—1, незаконченное высшее—2, среднее специальное—3, среднее общее—4, неполное среднее—5, начальное и ниже—6

14 Документы, подтверждающие факт смерти

15 Фамилия, имя, отчество, адрес заявителя и его подпись Эдрасе Г.

16 Выдано свидетельство о смерти № _____

17 Для отправки в _____

Депроизводитель [Signature]

* В акте о смерти ребенка в возрасте 1 года графы 5, 10, 11, 12, 13 заполняются в отношении матери на основании врачебного свидетельства (или акушерской справки) о смерти

**Председателю горисполкома г. Елабуга
Мурясову Бикtimiру Гизатулловичу –
от писательницы Цветаевой
Анастасии Ивановны, проживающей
в г. Москва (адрес)**

П Р О С Ь Б А

Уважаемый Бикtimiр Гизатуллович!

В Елабуге, в августе 1941 году, трагически погибла моя сестра, писательница и поэтесса Марина Ивановна Цветаева. Время её захоронения совпало с военными невзгодами и место захоронения сестры было утрачено. К сожалению, мне так и не удалось определить конкретную могилу с целью установить памятник. Мемориальный камень с надписью и оградой был установлен условно, я об этом писала в своих «Воспоминаниях».

В настоящее время практически ежедневно поступает множество вопросов, связанных с поиском места захоронения поэтессы Марины Ивановны Цветаевой. Мною принято решение возобновить поиски могилы сестры, чтобы на сей раз окончательно определиться. По поручению нашей семьи поиском места захоронения моей сестры займётся журналист Тульского гостелерадиокомитета Татьяна Сергеевна Пивоварова-Костандогло. Бикtimiр Гизатуллович, я убедительно прошу Вас содействовать в поиске, оказывая Татьяне Сергеевне поддержку и необходимую помощь.

В будущем планируется создать памятник М. И. Цветаевой на её настоящей могиле, одновременно с расширением территории ограждения вокруг мемориального камня. Так будет сохранена история поиска захоронения.

Заранее благодарна Вам за внимание к нашей семье.

Не откажите в любезности сообщить мне Ваше решение.

С уважением

23 июня 1985
г. Москва.

*Мен Соня Гизатуллович (С.С.Т.)
Анастасия Цветаева*

ДОВЕРЕННОСТЬ

Город Москва семнадцатого июля

одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

Я, гр. ТРУХАЧЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

проживающ. г. Москва (адрес)

доверяю гр. Пивоваровой Татьяне Сергеевне

проживающ. г. Москва (адрес)

быть моим представителем в учреждениях и организациях Татарской АССР по вопросам, связанным с организацией поиска истинного места захоронения повстанца Марины Ивановны ЦВЕТАЕВОЙ, похороненной на кладбище в г. Елабуга в 1941 году, совершении всех законных обрядовых действий по оформлению могилы и памятника для чего уполномочиваю ее представлять от моего имени необходимые документы, расписываться за меня и совершать все действия, связанные с выполнением этого поручения.

Доверенность выдана сроком на три года

Трухачев Андрей Борисович

(Handwritten signature)

Моск

в. 17 июля 1985 г. настоящая доверенность удостоверена мной Медведев ОА

государственным нотариусом ОА Московской государственной нотариальной конторы.

Доверенность подписана гр. Трухачевым Андреем Борисовичем

в моем присутствии. Личность установлена, дееспособность проверена.

Зарегистрировано в реестре за № 1-3660
Взимано государственной пошлины 50 коп

Старший Государственный нотариус Медведев

**ПРОТОКОЛ РАЗГОВОРА
журналиста Т. С. Пивоваровой-Костандогло
с Владимиром Николаевичем Дунаевым, про-
живающим в г. Елабуга, (адрес)**

– *Владимир Николаевич, где Вы жили и чем занимались в августе 1941-го?*

– Проживал в Елабуге, работал в средней школе учителем черчения.

– *19–20 августа 1941 года в числе эвакуированных писателей приехала в ваш город известная поэтесса Марина Ивановна Цветаева. Что вы помните об этом?*

– Да, помню. Мне посчастливилось её видеть дважды. Один раз в РОНО мельком – не знаю, зачем она туда приходила, но то, что это Марина Ивановна Цветаева, поэтесса – мне кто-то сказал.

И второй раз, спустя несколько дней, я встретил её в библиотеке, где подошел, представился. Мы разговорились. О себе Марина Ивановна не говорила. Речь шла о системе обучения в школе. Она была прямолинейной в суждениях, взгляд глаз запомнился – открытый, умный. Произвела на меня впечатление. Помню встречу с ней поэтому.

– *Владимир Николаевич, а когда случилась трагедия, Вы как узнали? Кто её хоронил, если помните?*

– Весть разнеслась быстро. На похоронах я не был, зато знал о них от Стахеевой Веры Кирилловны, у которой жил долгое время на квартире. Я тогда болел, а Стахеева хоронила Цветаеву. Мы с ней изредка ходили на могилу к Марине Цветаевой. Моя жена, помню, говорила о ней: «Оторваться от родины – вещь необычная, а вернуться назад – это сверхподвиг».

– *Как вам помнится могила Цветаевой? Где она расположена?*

– Близко от забора и недалеко от границы между белым и красным камнем стены кладбища

– *Показывали ли Вы кому-либо могилу?*

– В прошлом году приезжал молодой совсем человек, звали его Юрой. Я его на могилу водил.

Мой разговор с Владимиром Николаевичем Дунаевым состоялся в городской больнице, в терапевтическом отделении 01. 07. 1985 года, в присутствии свидетелей:

1. Дунаева Юрия Владимировича – сына Дунаева В. Н *подпись*
2. Сафиной Разины Фазуловны – медсестры терапевтического отделения. *подпись*
3. Конюховой Елены Петровны – медсестры терапевтического отделения. *подпись*

Рассказчик – Дунаев Владимир Николаевич *подпись*
Журналист – Пивоварова-Костандогло
Татьяна Сергеевна *подпись*
г. Елабуга. 01. 07. 85 г.

Подписи свидетелей удостоверяю Член исполкома горсовета Губайдуллин И. Л. 02. 07. 85 г.

Принял от журналиста т. Пивоваровой-Костандогло Т. С. экземпляр протокола на 4-х листах, в чем и расписываюсь. Губайдуллин И. Л. *подпись*
Принял и. о. отдела культуры на 4-х листах
Н. Денисова *подпись*
02. 07. 85г. печать горисполкома

**Москва, (адрес)
Трухачёву Андрею Борисовичу
от Дунаева Юрия Владимировича,
проживающего в г. Елабуга, (адрес)**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Первого июля этого года я присутствовал при разговоре журналиста Пивоваровой-Костандогло Т. С. с моим отцом –

Дунаевым Владимиром Николаевичем и в качестве свидетеля удостоверил подпись отца.

От отца я и раньше знал, что он встречался с поэтом Мариной Ивановной Цветаевой, разговоры об этом в нашей семье были. Родители говорили о Цветаевой всегда очень тепло, с большим уважением, с творчеством её отец был знаком.

Знаю я и о том, что отец периодически ходил на кладбище, ухаживал за могилой Марины, которая неподалеку от места захоронения моей бабушки Пшеничниковой Елизаветы Ивановны, похороненной до войны.

Помню рассказы отца о том, что в годы репрессии его вызвали в органы, откровенно предупреждая о возможных последствиях посещения могилы Цветаевой. Но отец продолжал ходить, уже тайком, отдавая должное талантливому поэту – это стало делом его совести.

Последняя книга, которую он перед смертью читал – были стихи Марины Ивановны Цветаевой. 17 июля 1985 года отца не стало. Место нахождения могилы Цветаевой он указал точно: «близко от забора и недалеко от границы между белым и красным камнем стены кладбища».

В прошлом году, 31 августа отец водил на подлинное место захоронения Марины Ивановны Цветаевой десятиклассника Юру, который приезжал из Москвы, интересуясь М. И. Цветаевой.

Рад быть Вам полезным.

Дунаев Юрий Владимирович

подпись

20 сентября 1985 года

Заверено: государственным нотариусом г. Елабуга
Полтановой Ф. В.

ПРОТОКОЛ РАЗГОВОРА
журналиста Т. С. Пивоваровой-Костандогло
с Марией Ивановной Чурбановой, проживающей
в г. Елабуга (адрес)

– *Мария Ивановна, где вы жили в августе 1941 года?*

– Тут и жила, в Елабуге, и родилась тут, и тут до сих пор живу.

– *А где Вы тогда работали? Кем?*

– На почте работала, почтальоном, и на рассортировке почты была, все делала.

– *Что Вы знаете о смерти и похоронах Марины Ивановны Цветаевой?*

– В то время никто не знал, что Цветаева известная. Приехала она вместе с другими писателями, об этом знали. А вот после смерти разговоров много было. **Хорошо помню, что многие эвакуированные из писателей возмущались – как она среди них оказалась? Судили её уж очень строго. Вроде как опозорила она их, руки на себя наложив.**

– *А тех, кто принимал участие в похоронах Вы знаете? Если да – помните ли кого?*

– Тогда нет, а позже узнала. У меня отец с матерью и дети близко от неё лежат.

– *Откуда же Вы узнали, что это могила именно Марины Ивановны Цветаевой?*

– **Столбик там стоял, на нём прямо и написано было – Цветаева.**

– *И больше ничего?!*

– **Ничего. Одно слово – Цветаева. И всё.**

– *Что за столбик? Расскажите, пожалуйста, подробнее – какой на вид и откуда он взялся?*

– Столбик как столбик – обыкновенный, деревянный, метра полтора. И не столбик, а пасынок, так правильно. Линию тогда телеграфную тянули. А пасынки-те, которыми столбы подпирают, лежали за оградкой кладбища. Вот один и принесли.

– Но ведь Вы сказали, что не хоронили Цветаеву и людей не помните, которые хоронили. Откуда же сведения про столбик-на-сынок?

– А мне покойный сторож дядя Сережа обо всем рассказывал, когда я спросила – не та ли это Цветаева, что повесилась.

– Так это сторож фамилию на столбике написал?

– Да нет! От Стахеевой Веры Кирилловны я узнала, что хоронил Цветаеву конюх дядя Коля Ханбеков из промсовхоза. Промсовхоз лошадь и телегу для похорон и дал. Кроме Стахеевой, работника аптеки, был еще какой-то почитатель – Сикорский. Молодой такой, о нем Стахеева говорила.

– Что именно? Почему Вам фамилия Сикорский запомнилась?

– И Стахеева, и сторож дядя Сережа говорили – столбик-то сам Сикорский вкопал и фамилию «Цветаева» написал, чтоб не забыть значит.

– Вы ничего не забыли? Может быть, кто-то из писателей тоже был на похоронах?

– Он один и был Сикорский, а больше никого не было.

– Ну хорошо. Куда же столбик потом делся? Что-то Вы об этом помните?

– Кто-то спилил его, зимой – время какое было. Холодно, топить нечем.

– Спилили?

– Конечно, по нему могилку и помню. А рябина, и тополя сами и выросли у могилы, их никто не сажал.

– А кто еще о могилке знает?

– Анна Ивановна Смирнова (бывший детский врач), мы с ней цветы часто носили, жалко её бедную.

– А почему во время установления мемориального камня на условном месте захоронения Вы не сообщили о подлинном месте могилы Цветаевой?

– Кому?

– Местным властям, разумеется.

– Я не знала, что мемориальный камень устанавливается Цветаевой, а когда узнала – было поздно.

– Скажите, если бы был объявлен розыск могилы официально – Вы бы откликнулись?

– А как же? Конечно! Местную газету я читаю регулярно.

Мой разговор с Марией Ивановной Чурбановой состоялся 02. 07. 1985г. в доме М. И. Чурбановой в присутствии свидетелей:

1. Мясниковой Галины Николаевны – заведующей музеем истории города Елабуги. *подпись*

2. Лариной Марьям Нагимовны – корреспондента районной газеты «Новая Кама» *подпись*

3. Вагизова Нагиба Харисовича – преподавателя спецтехнологии, мастера производственного обучения СПТУ – 8. *подпись*

Рассказчица Мария Ивановна Чурбанова, 1911г. р., пенсионерка. *подпись*

Журналист – Пивоварова-Костандогло Т. С. *подпись*

Подписи свидетелей удостоверяю:

член исполкома горсовета Губайдуллин И. Л. *подпись*
02. 07. 85.

печать горисполкома *подпись*

Принял от журналиста Пивоваровой Т. С. экземпляр протокола на 7-и листах, в чем и расписываюсь.
02. 07. 85

Принял на 7 листах

Н. Денисова

и. о. отдел культуры
горисполкома:

подпись

АКТ ОПРОСА

**свидетельницы Розы Гаязовны Гаязовой, проживающей
в г. Елабуга, (адрес), составленный журналистом
Пивоваровой-Костандогло Т. С.**

– *Роза Гаязовна, где вы жили и работали в августе 1941 года?*

– Жила я здесь же, в Елабуге, (адрес). Работала в педагогическом училище, преподавателем химии и биологии.

– *Помните ли Вы, как к вам на квартиру просились эвакуированные из Москвы в августе 1941 года?*

– Да, у меня жили на квартире Василий Васильевич и его жена Ольга, фамилию не помню. Они привели как-то женщину, которая просила, чтобы её с сыном я взяла на квартиру. Я отказала, потому что было нас шесть человек, а квартира маленькая. Но дала адрес, где можно было устроиться.

– *А как Вам помнится женщина, её внешность, какое впечатление произвела на Вас Марина Ивановна Цветаева?*

– Это мне потом, позже рассказали, кто – Цветаева. Она сама не представилась, говорила мало, вид был измученный. Худенькая, в старом, потёртом пальто. Платок серый, поношенный, повязан вокруг головы.

– *А сына её Вы видели?*

– Когда она сказала, что у неё есть сын, я спросила – где он. Она показала в сторону и ответила: «Там, за углом сидит».

– *Говорила ли Цветаева ещё что-либо?*

– Да, женщина сказала, что у них ничего нет из одежды и из вещей. В руках у неё был маленький узелок. Я тогда предложила детский матрац. Марина Ивановна поблагодарила и взяла. Позже, когда она устроилась на квартире Бродельщиковых, Ольга мне сказала, что Марина Ивановна очень еще раз поблагодарила за матрац, т. к. спала она на сундуке, а укрывалась своим пальто.

– *После того, как Цветаева ушла из жизни Вы что-либо слышали о ней или нет?*

– Говорил Василий Васильевич, что трудно ей было очень, даже запретили выдать хлебную карточку. Какой – то писатель был против того, чтобы выдать хлебную карточку. (Говорит и плачет)

– Успокойтесь, Роза Гаязовна, не надо плакать, не надо... Вашей вины в этом нет.

– Да если бы я знала, если бы я тогда знала, что случится – разве я не пустила бы её с сыном на квартиру?!..

Не знаю, говорить об этом или нет, но после войны мы с дочкой были в Москве. Зашли в музей недалеко от Гума, расположенный в подвальном помещении. Скульптура из дерева – основное содержание музея. А когда нас спросили, откуда мы и узнали, что из Елабуги, жена скульптора заплакала и сквозь слёзы стала расспрашивать о Марине Цветаевой. Всё, что я знала – я им рассказала.

– Скажите, пожалуйста, а ещё кому-то здесь в Елабуге Вы рассказывали о Цветаевой?

– Да, я говорила местной поэтессе Ирине Ефимовне Долониной и в прошлом году, когда проходили Цветаевские чтения, я говорила по телефону с организатором, но меня никто не пригласил. Ну, а раз не было приглашения – как я могу себя предлагать?

– Спасибо Вам большое, Роза Гаязовна, за интересный рассказ о Марине Ивановне и о людях знающих и помнящих её.

Мой разговор с Розой Гаязовной Гаязовой состоялся у нее дома, второго августа, 1985 года в присутствии:

1. Яруллиной Раисы Хасановны,
врача стоматолога подпись

2. Воскецова Михаила Ивановича – работника
комбината коммунальных предприятий
и благоустройства подпись

Рассказчица Гаязова Роза Гаязовна подпись

Журналист Т. С. Пивоварова-Костандогло подпись

Подписи свидетелей удостоверяю:

и. о. отделом культуры горисполкома

Н. Денисова

подпись

О. А. Денисова
5 июля 1985.

г. Елабуга

Журналист Т. С. Пивоварова-Костандогло

печать горисполкома

ПРОТОКОЛ РАЗГОВОРА
журналиста Т. С. Пивоваровой-Костандогло
с Елизаветой Ивановной Ларионовой,
проживающей в г. Елабуга, (адрес)

– *Елизавета Ивановна, сколько Вам было лет в 1941 году, где Вы учились или работали в августе того же года?*

– Тогда мне было 18 лет, жила я по этому же адресу, окончила 10 классов и осенью поступила в учительский институт, тут же в Елабуге.

– *Вы живете через дом от того места, где в августе 1941 года жила Марина Ивановна Цветаева с сыном. Помните ли что-либо из событий тех лет, связанных с именем Марины Цветаевой?*

– Я знаю только то, что она с сыном жила у Бродельщиковых, её не видела. По разговорам знаю, что хоронили её несколько человек, а кто – не помню.

Хозяева её на похоронах не были. Почему – не знаю.

– *А знали ли Вы кого-либо из эвакуированных – других, живших поблизости?*

– Знала, конечно, своих ровесников москвичек Стрекалову Галину, её подругу Ирину, фамилию не помню, **Вадима Сикорского** из их же компании и еще кого-то из ребят, **какой-то друг Сикорского из Москвы**. Мы в одно и то же время учились в институте.

– *Почему Вам памятно имя Вадима Сикорского?*

– Он был очень общительный, в институте его все знали, участвовал во многих мероприятиях, словом – был на виду.

– *А внешность его вы помните?*

– Высокий, интересный парень, русый по-моему. С нами он не знался, дружил – знаю со Стрекаловой Галиной, у них была своя компания.

– *А не помните ли Вы, был ли Сикорский на похоронах Марины Цветаевой?*

– Этого я не знаю. Через несколько дней после похорон я услышала, что квартирантка Бродельщиковых повесилась. Мы молодые тогда были – не помню.

– Но занятия в институте начались в сентябре 1941 года. **Может быть в августе Сикорского Вадима не было в Елабуге?**

– На похоронах он может быть и не был, но в Елабуге он был в это время, это точно. О нём лучше узнать у Волковой Людмилы Иосифовны, они где-то рядом жили.

– И последний вопрос. Где и кем Вы работали после окончания института?

– Я работала в средней школе учителем русского языка и литературы, в 1978 году ушла на пенсию.

Мой разговор с Елизаветой Ивановной Ларионовой, ранее Пухачевой, состоялся у нее дома 31 июля 1985г. В присутствии свидетелей:

1. Заморевой Галины Ивановны – экскурсовода Елабужского бюро путешествий и экскурсий *подпись*

2. Ларина Владимира Васильевича – монтажника СМУ-14 треста ТЗС. *подпись*

Рассказчица – Елизавета Ивановна Ларионова *подпись*

Журналист – Т. С. Пивоварова-Костандогло. *подпись*

г. Елабуга, 31 июля, 19085 год.

Подписи свидетелей удостоверяю:

зав. отделом культуры горисполкома Г. Галимова.

подпись

31 июля 1985 г. г. Елабуга

печать горисполкома

АКТ ОПРОСА

свидетельницы Людмилы Иосифовны Волковой, проживающей в г. Елабуга, (адрес), составленный журналистом Пивоваровой-Костандогло Т. С.

– Людмила Иосифовна, где Вы жили и чем занимались в конце августа 1941 года?

– В то время я училась в семилетней школе №5, перешла в шестой класс. Летом, всем классом мы работали в колхозе, а жила я по ул. (адрес).

– *Это недалеко от того дома, где Марина Ивановна Цветаева снимала квартиру?*

– Да, недалеко, в двух кварталах.

– *Помните ли Вы что-либо о похоронах Цветаевой?*

– Нет, ничего абсолютно. Уже потом, много лет спустя, я узнала о том, кто такая Цветаева и как она ушла из жизни.

– *А фамилии Сикорский Вадим, Стрекалова Галина, и её подруга Ирина – Вам ни о чём не говорят?*

– **Сикорский?** Нет, не знаю, а вот Галю Стрекалову и Ирину Стальскую очень хорошо помню. Обе москвички, обаятельные, молодые – как сейчас помню. К ним ходили молодые люди, жили они рядом с нами – поэтому помню отлично. Учились они в учительском институте. **А о Сикорском может быть помнит Шурочка Бакланова, ныне Александра Николаевна Фахрутдинова. Она всю жизнь и училась и работала в школе им. Ленина.**

Мой разговор с Людмилой Иосифовны Волковой состоялся у нее дома четвертого августа 1985 года, в присутствии:

1. Заморевой Галины Ивановны – экскурсовода
бюро путешествий и экскурсий г. Елабуги *подпись*

2. Лариной Марьям Нагимовны – корреспондента
газеты «Новая Кама» *подпись*

Рассказчица – Волкова Людмила Иосифовна *подпись*

Журналист – Т. С. Пивоварова-Костандогло. *подпись*
г. Елабуга, 04. 08. 1985г.

Подписи свидетелей удостоверяю и. о. зав. отделом
культуры горисполкома Н. Денисова.

подпись 5 августа 1985г. печать горисполкома

АКТ ОПРОСА

**свидетельницы Александры Николаевны Фахрутдиновой,
проживающей в г. Елабуга, (адрес), составленный
журналистом Пивоваровой-Костандогло Т. С.**

– *Александра Николаевна, скажите пожалуйста, где Вы жили и чем занимались в августа 1941 года?*

– Жила в Елабуге, (адрес). Было мне 16 лет, перешла в восьмой класс школы №1 им. Ленина.

– **Знаком ли Вам Сикорский Вадим?**

– Знаком, учился в нашем классе, приехал в числе эвакуированных в первые дни войны.

– **Что Вы о нём помните?**

– Внешность помню плохо – худощавый, подвижный. Мало общался со сверстниками. Дружил с Фурманом – держался обособленно. Учился Сикорский плохо, вернее слабо, много пропускал. В девятый класс ни Сикорский, ни Фурманов не пришли – поступили в учительский институт.

– **Знаете ли Вы что-либо о его родителях?**

– Смутно помню его маму – детскую писательницу Сако-нскую. Маленькая, подвижная. Вадим был похож на маму.

– **Может быть, кто-то из одноклассников что-либо знает о Сикорском?**

– Мне кажется, что Серебрякова Надя. Сейчас она живет в г. Владимире, мы иногда переписываемся.

– **И адрес у Вас есть?**

– **Пожалуйста: (адрес) Надежда Николаевна Серебрякова. Она в прошлом библиотечный работник, сейчас на пенсии.**

– **Конечно, о похоронах Марины Ивановны Цветаевой Вы тоже не помните?**

– Нет. Нас в это время не было даже в городе – все учащиеся школы были в деревне Яковлево – убирали урожай.

– **А Сикорского с вами не было?**

– Нет, были только местные ребята.

– **И последний вопрос, где и кем Вы работали после окончания института?**

– В своей же школе, преподавала историю и литературу, а после двадцать пять лет – завуч школы.

Мой разговор с Александрой Николаевной Фахрутдиновой состоялся у нее дома, четвертого августа, 1985 г. в присутствии:

**ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ,
подтверждающих подлинное место захоронения тела
М. И. Цветаевой, составленный А. Б. Цветаевым-
Трухачёвым и переданный в музей г. Елабуга**

1. Показания свидетеля В. Н. Дунаева от 01. 07. 1985г. на четырёх листах
2. Показания свидетеля М. И. Чурбановой от 02. 07. 1985г. на шести листах
3. Акт приёмки-сдачи №17 от 31. 07. 1985г. пенька от столбика, установленного на могиле М. И. Цветаевой при захоронении, являющийся вещественным доказательством найденной могилы на Елабужском кладбище.
4. Фотография – момент вручения пенька от столбика директору Музея истории г. Елабуга Мясниковой Галине Николаевне.
5. Фотография – Юрий Кацман с пеньком в руке на найденной могиле М. И. Цветаевой, где установлен крест.
6. Фотография – верхняя часть пенька, извлечённого из могилы М. И. Цветаевой.
7. Координатная схема местности подлинного места захоронения тела М. И. Цветаевой с привязкой к установленному ранее мемориальному камню.
8. Фотография – мемориальный камень на условном месте захоронения.

ПРИМЕЧАНИЕ: все документы заверены гербовой печатью исполкома городского совета народных депутатов г. Елабуги.

Составитель перечня документов,
передал: А. Б. Цветаев-Трухачёв

Директор Музея истории г. Елабуга,
Приняла: *подпись*

Г. Н. Мясникова

31 июля 1985г. г. Елабуга печать горисполкома
Зав. отделом культуры Галимова

подпись

ПРОТОКОЛ ОПРОСА
свидетельницы Чурбановой Марии Ивановны,
проживающей в г. Елабуга, (адрес), составленный
А. Б. Цветаевым-Трухачёвым

Опрос произвел гр-н Трухачёв Андрей Борисович в присутствии свидетелей:

1. Лариной Марьям Нагимовны – корреспондента районной газеты «Новая Кама» г. Елабуга.

2. Балобановой Надежды Ивановны – научного сотрудника Дома-музея Ивана Ивановича Шишкина г. Елабуга.

Вопрос: Мария Ивановна, в прошлом году у Вас состоялась встреча с журналисткой Т. С. Пивоваровой-Костандогло, которая просила Вас рассказать, что Вам известно о месте захоронения в 1941 г. писательницы Марины Ивановны Цветаевой, покончившей с собой в Елабуге 31 августа 1941 года. Так ли это?

Ответ: Да, такой разговор у меня с ней был в июле 1985 года.

Вопрос: Во время разговора с нею Вы упомянули о том, что вблизи, почти рядом с могилой М. И. Цветаевой, похоронены Ваш родные. Уточните, пожалуйста, кто именно были эти родные – по Вашей женской линии или по линии мужа?

Ответ: Все они были родными именно по моей, женской линии.

Вопрос: Перечислите, пожалуйста, кто по степени родства там похоронен, укажите их полные имена и фамилии и последовательные даты смерти.

Ответ: Первым, недалеко от могилы эвакуированной писательницы Цветаевой был похоронен мой отец, Колбин Иван Васильевич, умер 11 июня 1939 года. Потом, в эту же могилу были похоронены мои дочери, Ниночка и Людочка, умершие тоже в 1939 году. Фамилия их по мужу – Чурбановы. Мы часто бывали на этой общей могиле, убирали, опраивали её, приносили цветы. А когда узнали, что рядом с нашей могилой хоронят повесившуюся эвакуированную женщину, у неё говорят и сын был, то мы и на её могилку цветы стали класть.

Вопрос: Мария Ивановна, скажите, а по линии мужа есть кто-нибудь умерший и там похороненный, и в каком году?

Ответ: Да, в 1945-1946 годах там похоронены в отдельных могилах отец и мать моего мужа, тоже Чурбановы. За этими могилами мы также ухаживаем.

Вопрос: Мария Ивановна, когда рядом с могилой Вашего отца и детей хоронили Цветаеву знали ли Вы, что это именно Цветаева, или нет?

Ответ: Когда в ногах могилы, у самого забора вкопали телеграфный или телефонный пасынок, или подпору, и написали на ней фамилию «Цветаева», тогда и узнала.

Вопрос: И всё остальное, что Вы рассказали в июле 1985 года журналисту Пивоваровой-Костандогло Т. С. и она, с Ваших слов записала – остаётся в силе и Вам нечего дополнить?

Ответ: Да, всё, что знала, я ей и Вам рассказала, дополнить мне нечего.

Мой опрос Марии Ивановны Чурбановой состоялся 3 сентября 1986 года в государственной нотариальной конторе города Елабуги, в присутствии свидетелей Лариной М. Н. и Балобановой Н. И.

Опрашиваемая – Чурбанова М. И., 1911 года рождения, пенсионерка. *подпись*

Опрос произвел: А. Б. Цветаев-Трухачёв *подпись*
печать горисполкома

3 сентября 1986 года я, Горшунова М. А., государственный нотариус Елабужской государственной нотариальной конторы ТАССР, свидетельствую подлинность подписи граждан Чурбановой М. И., Трухачёва А. Б., Лариной М. Н., Балобановой Н. И., которые сделаны в моем присутствии. Личность подписавших документ установлена.

Зарегистрировано в реестре за № I-3793

Взыскано госпошлины 0,20 коп.

Государственный нотариус: Горшунова М. А.

подпись

**г. Москва, (адрес)
Трухачёву Андрею Борисовичу
от Чурбановой М. И.,
проживающей в г. Елабуге, (адрес)**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Чурбанова Мария Ивановна, уроженка и жительница г. Елабуга, в связи с организацией поиска могилы Марины Ивановны Цветаевой, делаю настоящее заявление.

В августе 1941 года я работала на почте, хорошо помню, когда в городе расселяли эвакуированных. Знала я многих, и Бродельщиковых знала – они недалеко от меня жили. Когда с их квартиранткой случилась беда, у нас об этом много говорили. А похоронили Цветаеву в той части кладбища, где мой отец Колбин Иван Васильевич и пятимесячная дочка в 1939 году были похоронены. В 1945 году там же и сестру мою Колбину Анну Ивановну похоронили. На кладбище, вскоре после похорон эвакуированной, я разговаривала со сторожем Крпоткиным дядей Сережей, у которого спросила, что здесь похоронили повешенную, которая жила у Бродельщиковых. От него же я узнала, что хоронили Цветаеву, конюх промсовхоза дядя Коля Ханбеков, работница аптеки Вера Кирилловна Стахеева, а из эвакуированных молодой парень Сикорский. Может еще кто – не помню уже. Сторож мне говорил, что могилку отметили и фамилию «Цветаева» на столбике написали, чтоб не забыть значит. Может хотели потом памятник делать. Столбик – подпора телеграфного столба – принесли из-за ограды кладбища, там тогда тянули линию. Зимой столбик спилили, как и другие кресты – холодно было, топить нечем, война. Остаток столбика с гвоздём остался в земле. По нему место я и помню. Жалко было эвакуированную, родных поблизости не было, а когда мы к папе ходили, то и ей по пути цветочки заносили. В прошлом году, в августе приезжали из Москвы Юра Кацман, искал могилу Цветаевой. Мы ему место показали. Это между рябиной и оградой кладбища, где граница белого и красного камня. У стенки.

На могилке тополя молодые выросли. В этом году остаток подпоры телеграфного столба с гвоздём мы выкопали и сдали в музей, как свидетельство захоронения.

Если поиск могилы был организован раньше – то не одна бы я подтвердила подлинную могилу. Об этом же я рассказала журналисту из Москвы Татьяне Сергеевне Пивоваровой-Костандогло, которая по поручению вашей семьи была в Елабуге и занималась поиском могилы.

М. И. Чурбанова

подпись

10 сентября 1985 года.

г. Елабуга.

Свидетельствую подлинность подписи Чурбановой
Марии Ивановны

Государственный нотариус Полтанова Ф. В.

18 сентября 1985год

г. Москва, (адрес)

Трухачёву Андрею Борисовичу

**от Мясниковой Галины Николаевны,
проживающей в г. Елабуга, (адрес)**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Мясникова Галина Николаевна, нахожу нужным сделать данное заявление по вопросу, Вас интересующему.

В Елабуге проживаю с 1941 года, тогда мне было 13 лет. В день похорон Марины Ивановны Цветаевой с группой девочек я шла по улице Ленина. Наше внимание привлекла небольшая группа людей, шедшая за гробом. Одна из женщин, стоящая вблизи нас, спросила: «Кого хоронят?». Кто-то ей ответил: «Безженка, которая повесилась».

Позже я узнала, что это писательница, снимавшая комнату у Бродельщиковой Анастасии Ивановны. После окончания педагогического института я работала в школе №2 преподавателем истории. Была знакома с учительницей Соловьевой Серафимой Ефимовной, ныне покойной, от которой узнала, где похоронена Марина Цветаева. Она ходила к ней на могилку и носила цветы. Место, которое она мне показала – вблизи забора, недалеко от кладки красного и серого камня, где сейчас выросли молодые тополя. Рядом большая рябина – один из ориентиров. Когда я бываю на кладбище у родных, мимо могилы Марины Ивановны Цветаевой не прохожу – завожу цветы, как и многие другие, знающие творчество поэта.

В Елабуге многие из старых жителей помнили настоящее место захоронения Цветаевой. Например, учитель черчения, 95-летний Владимир Николаевич Дунаев (умер в шале этого года), бывший работник почты, ныне пенсионерка Мария Ивановна Чурбанова, бывший детский врач Анна Ивановна Смирнова, корреспондент газеты «Новая Кама» Ларина Марьям Нагимовна и другие.

Елабужане бережно хранят память о Марине Цветаевой, тщательно собирают материал для городского музея, где имеется экспозиция о времени пребывания поэтессы М. И. Цветаевой в нашем городе.

Заведующая историческим музеем г. Елабуги

Г. Н. Мясникова

подпись

Свидетельствую подлинность подписи гр. Мясниковой

Галины Николаевны

государственный нотариус Полтанова Ф. В.

печать

19 сентября 1986г.

г. Елабуга

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к исполнительной схеме привязки предполагаемых мест захоронения тела поэтессы Марины Ивановны Цветаевой на кладбище г. Елабуге Татарской АССР.
(составлена А. Б. Цветаевым-Трухачёвым)

1. Вводная часть.

В августе 1941 года известная русская писательница и поэтесса Марина Ивановна Цветаева, эвакуированная из Москвы с группой писателей в г. Елабугу, трагически погибла и была похоронена на городском кладбище. Время было тяжелое, шла война, родных в Елабуге не было, сын вскоре ушел в действующую армию, за могилой ухаживать было некому, и следы погребения затерялись. В шестидесятых годах, её сестра, ныне член Союза писателей СССР Анастасия Ивановна Цветаева смогла приехать в Елабугу с целью посещения и ритуального оформления могилы своей сестры. Однако, к этому времени следы могилы окончательно исчезли, архивные документы с координатами места захоронения не сохранились. Обратиться за помощью в горисполком, с целью организованного поиска через прессу или радио к населению города, для выявления еще живых в то время свидетелей похорон, моя мать не догадалась.

Вместо этого, она обратилась к жене сторожа кладбища и та, приведя А. И. Цветаеву к южной стене ограды кладбища, сказала: «Вот, примерно где-то здесь в этом районе».

Таким образом, точка где в то время стояла А. И. Цветаева, была условно принята ею за место захоронения, которое она отметила установкой креста с соответствующей надписью. Этот эпизод упоминается в «Воспоминаниях», трижды издававшихся в 1973–74 в 83 годах, где идёт речь об условном месте захоронения.

Несколько позднее, на этом месте Союз писателей Татарской АССР установил мемориальное каменное надгробие, с кратким текстом о том, кто похоронен и о годах рождения и смерти, но без указания условности места захоронения. Так и стоит он по сей день, на пустом месте, а истинная могила до 1985 года найдена не была.

Через 20 с лишним лет, в середине 1985 года А. И. Цветаева вновь вернулась к этой теме, обратившись с письмом к председателю горисполкома г. Елабуга товарищу Мурясову Б. Г. с просьбой оказать содействие в поиске места захоронения её сестры. Дальнейшие действия по письму осуществлял я, её сын А. Б. Цветаев-Трухачёв, использовав юридическое право передоверия журналисту Т. С. Пивоваровой-Костандогло, т. к. сам в это время находился под наблюдением врачей после перенесенной операции и выехать не мог.

Уже после завершения поисков, оформления протоколов опроса свидетелей и составления на их основании координатной схемы привязки обнаруженного места захоронения тела М. И. Цветаевой (что было надлежаще нотариально оформлено), возникла вторая версия захоронения. Причём, обе версии определяли местонахождение могилы в примерно одинаковом расстоянии от мемориала Союза писателей Татарстана.

Желая быть предельно объективным, в августе 1986 года я выехал в Елабугу. С ведома городских органов я произвёл на новом месте, назовём его версией № 2, опрос свидетельницы, жительницы Елабуги, гр. Матвеевой Марии Ильиничны. Опрос проводился в присутствии свидетелей: Галины Ивановны Заморевой – преподавательницы музыкальной школы и экскурсовода, а также Раисы Николаевны Целищевой – преподавательницы татарского республиканского культпросветучилища и жителя г. Оренбурга гр. Лопаяева Петра Васильевича

После этого по разрешению и указанию председателя горисполкома тов. Мурясова Б. Г. мною, совместно с начальником управления жилкомхоза горсовета тов. Шаяхметовым Р. А., был проведен тщательный замер всех ориентиров по второй версии. 24 августа 1986 г. была составлена исчерпывающая исполнительная схема координатной привязки обоих мест предполагаемого захоронения тела М. И. Цветаевой, по обеим версиям. Эта схема объективно объединила обе версии и поэтому, поглотила схему, ранее составленную в 1985 году по версии № 1.

Работа эта была мною выполнена по следующим соображениям:

1. До столетия со дня рождения М. И. Цветаевой осталось шесть лет. Произведения её издаются не только у нас, но и за рубежом, имя и творчество Поэта носят характер глобальный.

2. Не исключено, что за оставшиеся шесть лет, общественность страны, через соответствующие органы, поднимет вопрос об установлении подлинного места захоронения тела М. И. Цветаевой, с целью увековечения её имени, еще оставшимися в живых членами семьи Цветаевых, подобно тому, как это было сделано с недавно найденной могилой М. Ю. Лермонтова.

3. В этом случае (как вариант) нет необходимости передвигать ранее установленный каменный мемориал на найденное место. Он может остаться на старом, но уже не как памятник на могиле М. И. Цветаевой (ибо почти никто уже не знает из всех экскурсантов и туристов о том, что он стоит на пустом месте), а как свидетель поисков, увенчавшихся, наконец, успехом. Для этого на нём нужно будет дать краткий дополнительный текст по истории его установки, указав год. Добавить, что на условном месте он является лишь свидетелем поиска. Поместить на нём или рядом с ним указатель к подлинному месту захоронения, где родные установят знак (obelisk, бюст или стацию)

4. С этим исчезнет нелепость существования двух могил, а Елабуга будет привлекать все большее количество туристов.

5. Если возникнет необходимость установления истины, то при двух версиях неизбежна эксгумация праха в обоих захоронениях и идентификация костей и черепа, либо по характерным признакам, известным семье, либо восстановлением образа по методу Герасимова. До эксгумации, если в том возникнет необходимость, я просил председателя горисполкома дать указание горкомхозу, в ведении которого находится кладбище, запретить в точках предполагаемого захоронения любые земляные работы и захоронения, чтобы новая могила случайно не легла на место захоронения М. И. Цветаевой. Тем более, что могилы, по обеим версиям, сейчас вместо холмиков, представляют собой просевшие впадины якобы свободных мест.

При эксгумации такое случайное двойное захоронение может сильно затруднить вскрытие и даже исказить результаты анализа после эксгумации.

Получив на мою просьбу разрешение и словесное «добро» я совместно с начальником управления жилкомхоза горсовета тов. Шаяхметовым Р. А. выполнил эту работу. Экземпляр документа по первой версии имеется в исполкоме, историческом музее Елабуга и у меня. Исполнительная схема, объединяющая обе версии, и пояснительная записка к ней находятся в горкомхозе, в историческом музее и у меня.

2. Техническая часть

1. Ширина входной дорожки от калитки на месте бывшего пролома в южной части ограды к мемориалу дана по внутренним граням бордюрного камня дорожки.

2. На мемориальном камне не указано то, что было указано на знаке, первоначально установленном сестрой М. И. Цветаевой, об условности места захоронения (см. «Воспоминания» А. И. Цветаевой). Экскурсоводы об этом не упоминают, не знают об этом естественно и туристы, считая, что прах Цветаевой находятся под мемориальным надгробием. Это – не так.

3. К версии №1. Из протоколов показаний Марии Ивановны Чурбановой (жива до сих пор) и Дунаева Владимира Николаевича (умер через 17 дней после дачи показаний) следует, что во время похорон М. И. Цветаевой кто-то из её почитателей вкопал в ногах могилы, вместо креста деревянный пасынок, взятый им из заготовок, для прокладывавшейся рядом линии связи. Зима 1941-42 годов была тяжелой и холодной, много тогда исчезло с кладбища деревянных крестов. Был спилен и деревянный пасынок на могиле М. И. Цветаевой. Но пенёк от пасынка в могиле остался и пробыл в земле 43 года. В 1984 году В. Н. Дунаев привёл на это место московского десятиклассника Юрия Кацмана, приехавшего по собственной инициативе на поиски могилы. В следующем 1985-м году этот пенёк, после уборки мусора с места захоронения, был обнаружен и извлечен из грунта Т. С. Пивоваровой-Костандогло (моим доверенным лицом). Он был передан передан по акту на хранение в местный исторический музей. Момент передачи пенька у могилы был зафиксирован на фотографии, имеющейся и у меня, и в музее.

Об этом же пасынке и о пеньке от него рассказала в протоколе свидетельница М. И. Чурбанова. Именно к этой точке, откуда был извлечен пенёк пасынка, привязана на исполнитель-

ной схеме цепочка размеров, связывающая могилу вдоль южной части ограды кладбища с вертикальной плитой мемориального надгробия.

4. К версии № 1. При захоронении тела М. И. Цветаевой в августе 1941 года на этом месте был только травяной покров и мелкий кустарник. В настоящее время, непосредственно на могиле и рядом с ней растут 7 больших тополей, а рядом – пышная рябина. По моей просьбе, во избежание возможных сомнений в будущем, Елабужский лесхоз обследовал тополя и рябину с целью определения их возраста и установил, что тополя и рябина выросли самосевом произвольно, возраст первых в 1985 году составлял 19 лет, а рябины – 26 лет. Иначе говоря, они выросли после захоронения. Официальная справка лесхоза об этом находится у меня.

5. К версии № 1. Косвенное доказательство того, что в найденную могилу захоронен самоубийца. По народному поверью нельзя было нарушать покой могилы самоубийцы прикосновением, оправкой могилы, нельзя было брать что-либо с могилы самоубийц. Их когда-то хоронили не на кладбищах, а на перекрестках дорог, без креста. Если же покой могилы был нарушен, что-либо взято было с неё, то для отвода гнева духа самоубийцы нужно было забить в деревяшку, прикопанную в могилу, железный кованный гвоздь. Спиливший пасынок в холодную зиму 1941 года, видимо знал его поверье и верил в него. После срезки пасынка он забил в торец оставшегося пенька большой кованный железный гвоздь, который был обнаружен в сильно корродированном состоянии. Это отражено на фотографии самого пенька, при передаче его на кладбище директору историческому музею города. Фотография эта есть, у меня и в музее. Кроме того, самоубийц, как правило, хоронят, по свидетельству священнослужителей, только на окраинах кладбища, у оград, а не среди прочих могил, что соответствует версии №1.

6. К версии № 2. Ориентиром для определения места захоронения тела М. И. Цветаевой по второй версии послужила (см. схему) могила Елены Ильиничны Матвеевой, умершей и похороненной в июне 1941 г. Её сестра Мария Ильинична Матвеева в присутствии свидетелей, упомянутых в этой записке, сообщила следующее. Её покойная мать при жизни часто бывала на могиле

дочери, Елены Ильиничны. Она видела, как рядом с безымянной могилой, смежной с могилой её дочери Елены, в направлении к южной части ограды кладбища, в том же ряду, была выкопана могила и произведено захоронение. Дословно, по её словам: «эвакуированной женщины, покончившей с собой, у которой был сын».

Данная записка является неотъемлемым приложением к схеме, составленной 24 августа 1986 года по указанию председателя горисполкома тов. Мурысова Б. Г. при участии начальника управления жилкомхоза горсовета г. Елабуги тов. Шаяхметова Р. А.

28. 08. 86г.

Составитель – инженер

А.Б. Цветаев-Трухачёв

Начальник управления жилкомхоза горсовета

Р. А. Шаяхметов

подпись

РАСПОРЯЖЕНИЕ

по управлению жилищно-коммунального хозяйства
горисполкома №1 от 2 сентября 1986 года.

**О сохранении предполагаемых мест
захоронения поэтессы М. И. Цветаевой.**

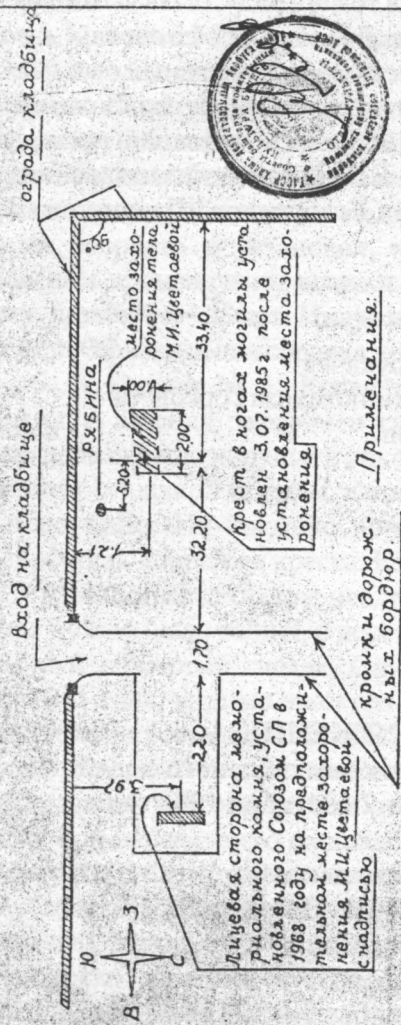
В целях сохранения предполагаемых мест захоронения поэтессы М. И. Цветаевой, погибшей в 1941 году, запрещается производить земляные работы в старом кладбище в радиусе 15 м. от места указанных на схеме. (схема прилагается)

Начальник УЖК Горисполкома

Р. А. Шаяхметов

подпись

Примеры и привязку проделали
схему привожу к указанным СВ
протоколам-выпискам: Березник СВ

Лицевая сторона мелко-ригельного камня, установленного Союзом СП в 1988 году на предполагаемом месте захоронения М.И. Цветасовой с надписью

Примечания:

1 Крест установлен в точке, куда при поворотах был выкопан пазынок тефтерного столба с надписью: М.И. Цветасова. Пазынок был взят со строительств рвадом тефтерной линии (см. протокол опроса и свидетельский показный Чурбановой Марии Ивановны от 2 июля 1985г, составленный журн.-наместком Лывоваровой Т.С и заверенный тогда же Исполкомом г. Елабуга).

Пазынок пазынок был спилем, моего пазынка и подзельная покусгмывшая часть, оставалась. Этот пазынок, с его подзельной частью был извлечен и сван по акту № 2 от 20.08.85 в Исторический музей г. Елабуга, как мазельное доказательство точности места захоронения.

Крестик дорожки мыт бордюром

2. Поэтому, установленный крест прикмет от правую точку при привязке на местность координата за-стороненки.

Координатная схема привязки места захоронения тела Марии Ивановны Цветасовой на кладбище города Елабуга, установленного мелко-ригельным камнем по показаниям См. 2 протокола от 1 июля 1985г заверенный Исполкомом 2. VII - 85г.

Письмо А. И. Цветаевой, адресованное журналисту
Т. С. Пивоваровой-Костандогло (публикуется впервые)

Милая Татьяна Костандогло!
получил Ваше
письмо, & много другого к себе
обложке передать к себе под рукой
соп. Это доказательство, что на
кого много внимания к Вам
коз прощу того же от Вас, к мо-
ему здоровью, помяну маму
с отголоска. Соин мой того же
покинул, поимиле Вы!
Мне и в 92-ой год.
В доме в Эстонии в 19-е
где в 1943 году по праву была
присуждена руде - в 1. раз - и даже
приседа была для меня более чем
музыкалка. В 1943 году о тибале моя
сестра в 1943 г. (2 года от меня ее сестра
на дал воскре).
- в 1943 г. по это из-за руды
попыткой о кей с кей вошам де в оне
была терпимой и смерти ее была
- кербен кон, это же в м. 3-м и в де мн.)
Я и кетю по лубу и кербен кон, это же мн.)
ее пошину не кетю, в ке в 1/2 метра
на катрине Елиза Киселева
После ограда сына у меня в 1943 г. кербен
за замке и кербен, это же мн., стал
жеко на дае адух (3 по лубу мн.) сестра
После это мн. кербен, в мн. сестра по лубу
После сестра и не кербен, мн. сестра
- 3 в 1/2 метра не кербен. Хуже сестра

но что страшнее всего - в сталях ходит (2)
знает, есть уверенность в себе
Знаю, знаю и плачу в не шёл
ребята. Мне надо остановить
это решение организма - и я
конечный человек.

Я верю что Вы привяжетесь к память
моей сестры, но в особую связь с ней,
попробуйте во 1-х не верю - это
противоречит решению, которое для
меня - закон. Во 2-х энеском ко
10-летию память такое каждый
писал об жизни, трех сестрах
ей посвященных, из коих память
каждая уверена, про ее связь с ней -
не в пример крепче связей всех других
поэтов. И из этих писем и
закалена, удружена и изнурена.
Но если Вы ее любите, то знаете, что
она меня берет ла, и ухаживает, хочет
мне - жизни. А меня жизнь из - за
моего дара (Внимательнее людей к
которому э изнурена и, каким будет
ка это, никуда трех сестрах моих
родных и трех правнуков и я когда
и должна жить для них возможно
долго, сколько позволят Ты.
А зачем Вы намере то знаете и
любите меня. В то верите э не можу

Я имелю другие сведения (4)
месте похорон моей сестры
от прогных (1943г. или) видела
- лет ее похорон - до более поздней
лет. и похорон в каменном склепе
я не смогу рши т.к. не смогу
рши т.к. утверждаю и утверждаю
все, что было кем-то в 1980г.
взводил, похоронил там похоронил ее
крест (высота $\approx \frac{1}{2}$ - 1 метр) и в
перез 10-лет похоронил в нашей
- как создалась моя мажорант
не похоронил в том склепе, и в каменном
о примерно в месте в каменном
пространстве застроили в 1941 году
склеп, в котором указали ее
хорошо видна с указанием и
на это место 41 года привел
сородичи к склепу, в котором
казалась ей при жизни все
показавшая). Было похоронено 3-4
похоронных захоронениями
"Собор себе сделал Дикан и т.д."
а в склепе "Дикан" в склепе в каменном
каменном Дикане прохоронил
т.д. и т.д. (и не взял себе ала
"Склеп" "279" - "Керра"
память, вела за крестом крест
между 4-х могил, через 19 лет к
похоронил их в каменном. Бог видел.
в 1980-х годах человек
в музее каменного склепа,

и без всякого страха к (5)
успешно в сенях и, сооб-
-щив про похв в то время, где
6/12. (судя по окладу) не
кладуше в Ел. сзади у черен
ношник, впрочем, уда и ушел
но свои дела, увидев в
1/2 или 1/3 метра от места марши
-наши, как, сохранил
мне Музов с другими эл. и мте
с Музеи, реками и много к
Третье; ка место марши - к
Все эл. с кем-то, Марк, в
Сергей, Дав Рос.
Я больше не могу емать,
изобретать от эл.

Дарена у би да ет менз.
Интер не был как Динсок
мне себе - сход ет в м!
как э. Эли Бог поздравит, э
Вруда поздравит Вам увер-
-дит эл.

Всего много тебе эл. ^{к вам}
поднялось деление. Кругом, сниску
ко залге э динка суду его переня-
-сар, как же к него иражеет с Руфой.
Не има в намеяе, и ч. э. Зельге не
емоч-гр даея. Сак эл. мочо от
-век Вам и Вн его эдея. ^{Вам}
Помоще мне одлетел от дела, кажего,
эти мтаи. Вернуто к работе, докуп

жизнь, дописав несколько пара-
 -графов книг, даю им себя обо всем, по-
 -каждому во всех прелех моих - и
 умереть в свой час.
 Мария Марьяна Сергеевна, не уверю-
 мне, не вайдуите. Ваше малое и
 душой жекай кешего покаяния и
 согласил мне написать. Когда вы
 и я верю что вы Бог мне еще даю
 жизнь - и не вами вернувшая
 совсем по-ковану, вы придете ко
 мне как дамой - и вы будите гов-
 -рять о сужбах ваших, о кешей
 жизни и, м. б., о том, что во мне
 жизни, о входе в Верную Жизнь.
 Вот вера в Бога и в Мот Миррен
 дает знание что мое сестре, ее
 душе неважно мое. Она и кел
 дайка, и меря не заимает те.
 Но наизрядик спит и нест спит ей
 в память. Доперемисада.
 Жизнь ваши руки и кресты вас
 хранит вас Бог! И всех правых,
 возра сик приходят за вами
 и вера, он не был готов. Сегодня он не
 был ни разу, сегодня вера, и в прево-
 -роке видели сегодня. В рак радова-
 -нось, что переписала, перо, что другу
 и вы, ждала его 7, 8 ми, скоро я по-
 -мысленно прощу кешей памяти
 помяну сь кешей о кем быкней Мер-
 -опиниею вас.

В.Ц.

Письмо А. И. Цветаевой от Юрия Кацмана

Дорогая Анастасия Ивановна!

Очень встревожен Вашей открыткой, а также звонком ко мне Кати из Ленинграда (её фамилия, кажется, Лубянникова). Мне думается, Вы введены в крайнее заблуждение окружающими Вас людьми по поводу Елабуги и по вопросам, связанным с поиском подлинного места захоронения Марины Ивановны Цветаевой.

Я ездил в Елабугу два раза. Первый раз – в августе прошлого года, и об этой поездке я рассказывал Вам в Переделкино, в мае, по прошествии более чем полугода. В первую свою поездку я разыскал могилу М. Ц. Второй раз я был в Елабуге в июле этого года по просьбе Андрея Борисовича.

Татьяна Сергеевна Пивоварова-Костандогло, поехавшая в Елабугу этим летом с рекомендательным письмом от Вашего имени, ничего не зная о моей прошлогодней поездке, проделала тот же путь, что и я годом раньше. Поиски Татьяны Сергеевны, как и мои прошлогодние, привели к тому, что подлинное место захоронения М. Ц. было найдено и подтверждено документально. Татьяна Сергеевна составила протоколы разговоров со свидетелями, указавшими могилу Марины Цветаевой. Место захоронения М. Ц., найденное Татьяной Сергеевной, полностью совпало с тем местом, которое было найдено мною прошлым летом.

Татьяна Сергеевна – человек, потративший огромное количество времени и душевных сил на поиски могилы, в глазах людей, её не знающих, предстаёт чуть ли ни чудовищным Калиостро в юбке. И люди эти, говоря Вам о Татьяне Сергеевне, просто разносят сплетни о её поступках, которые не имели места. Татьяна Сергеевна не сделала ничего предосудительного и те, кто сочиняют о ней сумасшедшие бредни, совершают это либо из-за непонятной мне зависти, либо лишь потому, что не знакомы с тем, что и как сделала Татьяна Сергеевна. Они не в курсе самой сути вопросов, связанных с Елабугой и поисками могилы.

Храни Вас Бог.

Целую и обнимаю, Юра.

ПИСЬМО А. Б. ЦВЕТАЕВА-ТРУХАЧЕВА В АКАДЕМИЮ НАУК ТАТАРСТАНА ПРОФЕССОРУ А. Х. ХАЛИКОВУ

Многоуважаемый Альфред Хасанович!

Моя мать, писательница Анастасия Ивановна Цветаева, руководствуясь новыми свидетельскими показаниями, в июне с. г. письменно обратилась в горисполком г. Елабуга с просьбой расширить территорию ограждения вокруг мемориального камня на кладбище, установленного на предполагаемом месте захоронения в 1941 году тела её сестры Марины Ивановны Цветаевой.

Узнав о письме А. И. Цветаевой, елабужские энтузиасты и ценители творчества поэтессы М. И. Цветаевой приняли все возможные меры для установления настоящего места захоронения, которое за давностью лет и невзгод военного времени документально было утрачено. Удивительно, но были найдены люди, приносившие на могилу Марины цветы! В результате настойчивости организаторов поиска, место захоронения, неоднократно перепроверенное, было, наконец, установлено. Этот факт оформлен официальными документами и позволяет надеяться, что город Елабуга при создании парковой зоны, куда по моим сведениям войдёт территория ныне закрытого кладбища, увековечит место захоронения тела М. И. Цветаевой парковой скульптурой.

Идею о сохранении мемориального камня в едином комплексе с будущим памятником М. И. Цветаевой, на уточненном с помощью города месте захоронения, раскрывающую историю многолетнего поиска, я – как и многие – поддерживаю.

Знаменательно то, первым из всех союзных издательств, кроме столичных, опубликовавших произведения М. И. Цветаевой, было Татарское книжное издательство в г. Казани, выпустившее в 1983 году сборник стихотворений поэтессы. Наша семья глубоко признательна партийным и советским органам Татарской АССР за всё доброе, сделанное для увековечивания памяти М. И. Цветаевой.

Именно поэтому я адресую в Ваш адрес свою просьбу (если это возможно) провести на месте подлинного захоронения археологические раскопки с целью установления принадлеж-

ности останков именно М. И. Цветаевой. Если моя просьба может быть выполнена под Вашим руководством, очень просил бы Вас сообщить мне, чем наш семейный архив может быть полезен для проведения экспертизы при вскрытии захоронения.

С уважением

А. Б. Цветаев-Трухачёв

17 июля 1985г.
г. Москва

**ПИСЬМО А. Б. ЦВЕТАЕВА-ТРУХАЧЕВА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ТАТАРСТАНА тов. МИНУЛЛИНУ Т. А.**

Уважаемый Туфан Абдуллович!

В августе 1941 года в г. Елабуга Татарской АССР была похоронена известная советская поэтесса Марина Ивановна Цветаева, родная сестра моей матери, писательницы Анастасии Ивановны Цветаевой.

Время было тяжелое, родных поблизости не было, и место захоронения постепенно забылось, документов на него не сохранилось. В 1960 году, моя мать – уже в достаточно преклонном возрасте (сейчас ей 91 год), поехав в Елабугу, попыталась найти могилу сестры. Ей бы обратиться с объявлением через местную прессу к живым ещё тогда свидетелям захоронения и мемориальный камень, увековечивающий память о Марине Цветаевой стоял бы не на условном, а на подлинном месте захоронения. Но мать моя руководствовалась показаниями свидетелей, указавших ей **приблизительное** место захоронения, где она собственноручно и поставила крест.

Имя М. И. Цветаевой не забыто у нас в стране, но Цветаевых остается всё меньше и меньше. Тех Цветаевых, которые в состоянии решать важные для семьи вопросы. Поэтому через сорок четыре года после смерти Марины Ивановны, мною – её племянником предпринята деловая попытка розыска подлинной могилы Марины, порученная тележурналисту Татьяне Сергеевне Пивоваровой-

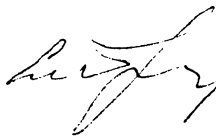
Костандогло, соавтору моей будущей книги. Поиск увенчался успехом. Результаты большой работы, надлежаще оформленные соответствующей документацией, направлены в соответствующие инстанции с целью решения вопроса о переносе мемориального камня на **подлинное** место захоронения. Идею о сохранении мемориального камня в едином комплексе с будущим памятником М. И. Цветаевой, раскрывающую историю многолетнего поиска, саму по себе интересную, вряд ли удастся осуществить, так как расстояние между камнем и могилой составляет 36,1 метра.

Отрадно, Туфан Абдуллович, что первым из всех союзных издательств, кроме столичных, опубликовавших произведения М. И. Цветаевой было Татарское книжное издательство в г. Казани, выпустившее в 1983 году сборник стихотворений поэтессы Марины Цветаевой. Наша семья глубоко признательна партийным и советским органам Татарской АССР за всё доброе, сделанное для увековечивания памяти М. И. Цветаевой. Именно поэтому мы надеемся на положительное решение вопроса о переносе мемориального камня на **подлинное** место захоронения тела М. И. Цветаевой, о чём вас и просим.

Заранее благодарен Вам за внимание,

с искренним уважением –

17 июля 1985 г.
г. Москва.

А. Б. Трухачёв

**ПИСЬМО А. Б. ЦВЕТАЕВА-ТРУХАЧЁВА
МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ РСФСР
тов. МЕЛЕНТЬЕВУ Ю. С.**

Уважаемый Юрий Серафимович!

В августе 1941 года в городе Елабуга Татарской АССР была похоронена известная поэтесса Марина Ивановна Цветаева, родная сестра моей матери, писательницы А. И. Цветаевой. Вре-

мя было тяжелое, родных поблизости не было, и место захоронения постепенно забылось, да и документов на него не сохранилось.

В 1960 году моя мать уже в достаточно преклонном возрасте /сейчас ей 91 год/, поехав в Елабугу, попыталась найти могилу. Ей бы обратиться с объявлением через местную прессу к жителям города, к живым ещё тогда свидетелям захоронения – и не было бы этого письма к Вам... И мемориальный камень, увековечивающий память о М. И. Цветаевой, стоял бы не на условном, а на подлинном месте, и не нужна была бы большая работа, недавно проделанная.

К сожалению, мать моя руководствовалась показаниями свидетелей, указавших ей **приблизительное** место могилы сестры, где она собственноручно и поставила крест. Позднее, на этом же месте Союз писателей Татарской АССР установил мемориальный камень с соответствующей надписью.

Имя Марины Ивановны Цветаевой и её творчество не забыты у нас в стране, но Цветаевых остаётся всё меньше и меньше. Тех Цветаевых, которые в состоянии решать важные для семьи вопросы. Поэтому через сорок четыре года после смерти Марины, мною, её племянником предпринята деловая попытка розыска подлинной могилы, порученная тележурналисту Тульской студии телевидения, соавтору моей будущей книги Татьяне Сергеевне Пивоваровой-Костандогло. Поиск увенчался успехом. Результаты большой работы, надлежаще оформленные соответствующей документацией, юридически состоятельной, прилагаются к письму в Ваш адрес.

Если бы установленный в 1968 году мемориальный камень стоял вблизи от найденной могилы, можно было бы взять обе могилы в общую ограду. Камень же, не передвигая, сохранить на прежнем месте, как свидетельство истории поиска могилы. Это было бы интересно для города и многочисленных туристов, посещающих кладбище. Но расстояние между камнем и могилой составляет 36,1 метра. Так что речь может идти либо о перемещении ранее установленного надгробия на новое место, либо об увязке условной могилы с подлинной при помощи дорожки, дабы не разрушать установленное.

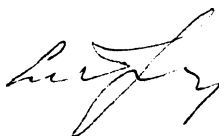
Предварительные переговоры с представителями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Татарского отделения позволяют надеяться на положительное решение вопроса о сохранении истории поиска могилы. Но для этого необходимо Ваше разрешение и содействие, о чём я Вас убедительно и прошу.

Учитывая преклонный возраст моей матери, состояние её здоровья и крайне болезненное отношение ко всему, что напоминает о смерти её сестры, ещё одна просьба – не привлекать внимание Анастасии Ивановны Цветаевой к данному вопросу.

Заранее благодарен за внимание к семье Цветаевых.

С уважением

15 июля 1985г.
г. Москва.

А. Трухачёв.

**ПИСЬМО А. Б. ЦВЕТАЕВА-ТРУХАЧЕВА
ОТВЕТСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
тов. ВЕРЧЕНКО Ю. Н.**

Уважаемый Юрий Николаевич!

В августе 1941года в городе Елабуга Татарской АССР была похоронена известная поэтесса Марина Ивановна Цветаева, родная сестра моей матери, писательницы А. И. Цветаевой. Время было тяжёлое, родных поблизости не было, и место захоронения постепенно забылось, да и документов на него не сохранилось.

В 1960 году моя мать, уже в достаточно преклонном возрасте /сейчас ей 91 год/, поехав в Елабугу, попыталась найти могилу. Ей бы обратиться с объявлением через исполком и местную прессу, к жителям города, к живым ещё тогда свидетелям захоронения – и мемориальный камень, увековечивающий память

М. И. Цветаевой, стоял бы не на условном, а на подлинном месте, и не нужна была бы большая работа, проделанная в этом году.

К сожалению, мать моя руководствовалась показаниями свидетелей, указавших ей **приблизительное** место могилы сестры, где она собственноручно и поставила крест. Позднее, на этом же месте Союз писателей Татарской АССР установил мемориальный камень с соответствующей надписью.

Марина Ивановна Цветаева и её творчество не забыты у нас в стране, но Цветаевых, которые в состоянии решать важные для семьи вопросы, остаётся всё меньше и меньше. Поэтому, через сорок четыре года после смерти Марины Ивановны, мною, её племянником, была предпринята деловая попытка розыска подлинной могилы, порученная по доверенности тележурналисту Тульской студии телевидения – соавтору моей будущей книги Татьяне Сергеевне Пивоваровой-Костандогло. Лично я не мог заняться поиском, так как после тяжелой операции находился под постоянным наблюдением врачей. Результаты поиска, увенчавшегося успехом вследствие большой и настойчивой работы, надлежаще оформлены соответствующей документацией и заверены исполкомом горсовета и нотариусом г. Елабуга.

Прилагаемая координатная схема привязки на местности найденной могилы, к ограде кладбища, к рябине в ногах могилы, и к мемориальному камню, установленному на условном месте захоронения, составлена на основании свидетельских показаний по промерам комбината коммунальных предприятий и благоустройства исполкома г. Елабуга. Расстояние между камнем и подлинной могилой составляет 36,1 метра.

Считаю необходимым установление надгробного камня именно на найденном месте захоронения тела М. И. Цветаевой. Прошу Вашего письменного сообщения в адрес Совета министров Татарской АССР, где его ожидают. Сообщения о том, что с Вашей стороны нет возражений против передвижки камня, и что просьбу мою, как представителя семьи Цветаевых, следует поддержать.

И последнее – учитывая преклонный возраст моей матери А. И. Цветаевой, состояние её здоровья и крайне болезненное отношение ко всему, что напоминает о смерти вообще и в част-

ности о трагической смерти её сестры, убедительно прошу Вас не привлекать внимания Анастасии Ивановны к данному вопросу. Зная её характер, я всячески стараюсь оградить мать от волнующих источников информации.

Заранее благодарен за внимание к семье Цветаевых.

С уважением

23. августа 1985г.
г. Москва

А. Б. Трухачёв

**В КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР**
от гражданина А. Б. ТРУХАЧЕВА,
пенсионера, проживающего в г. Москва,
(адрес)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, племянник поэтессы Марины Цветаевой, внук основателя Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина, обращаюсь к вам по поводу анонимного письма, присланного на имя моей матери, Анастасии Ивановны Цветаевой, старейшего члена Союза Писателей СССР. Письмо содержит проклятия и угрозы, оно написано группой лиц или, как я полагаю, отдельным частным лицом, одержимым остервенелой злобою, направленной против памяти и литературного наследия сестры моей матери – Марины Ивановны Цветаевой. Составлено письмо в отвратительных нецензурных выражениях и носит явную печать маниакально-навязчивой идеи, призывая к сожжению книг, преследованиям и прочим абсурдным мерам.

Письмо, однако, настораживает не этим, а тем, что в нём содержатся личные прямые угрозы в адрес Анастасии Иванов-

ны Цветаевой, вплоть до акции её физического уничтожения. Нет уверенности, что за письмом не последуют труднопредсказуемые, а оттого и еще более опасные действия со стороны неизвестного.

Обращаюсь к Вам, а не к органам МВД СССР, потому что последствия этих предполагаемых действий, если они будут осуществлены, так или иначе приобретут политический характер, вызовут вполне определенный резонанс за рубежом. Объясню – почему.

Имя сестры А. И. Цветаевой – М. И. Цветаевой известно в нашей стране и далеко за её пределами. Поэзия и судьба поэтессы давно стали темой многочисленных научных работ и монографий. А. И. Цветаева – выдающийся представитель мемуарного жанра литературы, талант которой высоко оценён теми, кто уже перешел в бессмертные ряды классики – Б. Пастернаком и П. Антокольским. Книга её «Воспоминаний» выдержала три издания в центральном издательстве Советского Союза – в издательстве «Советский писатель». «Воспоминания» через ВОАП уже переведены на немецкий язык и опубликованы в ГДР и ФРГ, готовится публикация в Чехословакии. Официально согласуется в настоящий момент публикация последнего издания мемуаров в Великобритании, Италии и США.

Если представить себе, что злоумышленник своего добьётся в отношении моей матери, понятно, что зарубежные средства массовой информации неизбежно поднимут флаги антисоветской агитации, тому порука глобальная известность представителей семьи Цветаевых. Не будем забывать и о том, что речь идет о живом человеке, гражданине Советского Союза, которому угрожает опасность. А. И. Цветаева – несмотря на преклонный возраст / 92 года/ продолжает активно выступать на страницах отечественной периодики, откликаясь на события современности. Не следует думать, что её творчество принадлежит исключительно прошлому.

Перехожу к обстоятельствам, связанным с получением письма 8 февраля 1986года. В 20 часов вечера в квартире А. И. Цветаевой раздался телефонный звонок. К аппарату подошла Ирина Карташевская, друг и помощник Анастасии Ивановны.

Но подняв трубку, Ирина услышала лишь протянувшееся молчание. «Будем говорить?» – спросила она. Трубка на другом конце провода была повешена. В 21 час – вновь звонок. На сей раз неизвестный мужской голос попросил подошедшую к телефону Ирину спуститься к почтовому ящику и взять письмо для А. И. Цветаевой. Естественно, что при литературной славе Анастасии Ивановны, при обширности её переписки, такой звонок особых подозрений не вызвал. И. Карташевская, спустившись вниз, извлекла из ящика письмо. Из-за слабости зрения Анастасии Ивановны, Ирина обычно читает вслух приходящую корреспонденцию. Поэтому она, еще не дойдя до двери квартиры, вскрыла конверт и сразу же, с первых прочтённых строк, поняла с какого вида «отправлением» она имеет дело. Ирина не стала знакомить мою мать с содержанием письма и ставить тем самым под угрозу её здоровье. В преклонном возрасте потрясения и переживания недопустимы. Карташевская позвонила мне.

Обращаю Ваше внимание на относительную осведомленность автора письма – он, например, знает о Цветаевской экскурсии по Москве, вполне стройно, в определенном порядке излагает свои «мысли». Судя по тому, что письмо оканчивается перефразированными стихами М. Цветаевой, можно предположить некоторую склонность /или даже принадлежность/ автора к литературе. Не случайно и то, что объектом маниакальной ненависти он избрал личности и предметы чисто литературного толка.

В основном письмо направлено против Марины Цветаевой, Анастасии Ивановне определена вторичная роль, однако угрозы, естественно, адресованы именно ей.

Слепая ненависть, водившая пером инсинуатора, заходит куда как далеко, не считаясь с фактами истории. Более того, автор письма обнаруживает оголтелое невежество, задавая вопрос о том, почему М. Цветаева не откликнулась на революционные события 1905 года, (ей тогда было всего 13 лет).

М. И. Цветаева не обладала «дворянскими политическими взглядами», её мировоззрение было намного глубже и шире, о чем непрерываемо свидетельствуют «Воспоминания» А. И. Цветаевой.

При советской власти в период с 1921-го по 1922-ой М. И. Цветаевой опубликованы четыре книги – два издания сборника стихов «Версты», «Царь девица» и пьеса «Конец Казановы»/ныне с успехом идёт в Государственном Академическом Театре им. Вахтангова/. Конечно же, никто не гнал её из издательства, как заявляет в письме неизвестный.

Впрочем, не будем останавливаться на других, аналогичных выкладках, они столь же «содержательны».

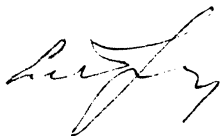
Автор письма присваивает себе / и своей, надеюсь, воображаемой, группе/ функцию слежки, подслушивания, установки специальных аппаратов. При нереальности подобных мер со стороны частного лица, хотелось бы еще раз подчеркнуть вероятную невменяемость этого субъекта. В угрозах прослеживается и явное логическое противоречие. С одной стороны аноним говорит, что намерен провести компанию антицветаевской направленности, с другой стороны, он требует от А. И. Цветаевой полного молчания о получении письма и требует его уничтожить.

Не желая вводить в курс дела мою мать, которая абсолютно не посвящена в этот прискорбный инцидент, а также не имея возможности оградить её от анонимного преследования, прошу Вас принять соответствующие меры, которые бы пресекли возможные агрессивнo-маниакальные действия неизвестного. Быть может, стоит запросить указанные в письме инстанции, не получали ли они каких-нибудь писем и «деклараций». Возможно цифры, указанные на конверте, чей-нибудь номер телефона. Таким образом отправитель успокаивает свою совесть в том смысле, что он не совсем анонимен.

Прошу Вас как сын, как ближайший родственник А. И. Цветаевой, по возможности держать меня в курсе последующих событий.

Анонимное письмо неизвестного /подлинник/ прилагаю.

С уважением
10 февраля 1986г.
г. Москва.

— Трухачёв А. Б.

**СТАТЬЯ ИЗ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ
ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА УКРАИНЫ» (15апреля 1993 год)**

**«МЫ, ЦВЕТАЕВЫ, – ВСЕ ТВОРЦЫ И МЕЧТАТЕЛИ», –
сказал Андрей Борисович Цветаев-Трухачёв в интервью
нашему корреспонденту. Горько писать, но это было
последнее интервью в его жизни.**

Встречу с Андреем Борисовичем Цветаевым-Трухачёвым, племянником поэтессы Марины Ивановны и сыном писательницы Анастасии Ивановны Цветаевых, мне подарили поэты московского театра импровизации «Гармония» имени М. И. Цветаевой. Директором его тогда был Андрей Борисович. В декабре прошлого года группа актёров этого театра во главе с поэтессой Татьяной Костандогло, принимала участие в презентации нашего украинского журнала «Ренессанс». Татьяна и созвонилась с Андреем Борисовичем, а тот, в свою очередь, передал через неё для меня приглашение приехать в Москву.

В квартире Татьяны Костандогло произошла наше очное знакомство. Худощавый, подтянутый, элегантный, он вовсе не выглядел на свои 80. Старался быть бравым и весёлым, постоянно шутил, хотя совсем недавно Андрей Борисович перенёс тяжёлую операцию. Меня особенно очаровали его чарличаплинские усики и, конечно же, глаза – умные, пронизательные, по-детски озорные. Андрей Борисович оказался очень обаятельным, интересным человеком и непревзойденным собеседником. Не успели мы познакомиться, как он тут же спросил: «А вы знаете, Мария, кто написал романс «Гори, гори моя звезда? И сам же ответил:

«Колчак его написал. Когда его с женой вели на расстрел, один из красноармейцев, пожалев красивую женщину, столкнул Анну Васильевну с моста. Представьте себе, она осталась жива и только пять лет назад умерла... А Колчак перед смертью, это было его последнее желание, спел свой романс. Выстрелы раздалась только после того, как он допел его до конца. Боже мой, какое роковое было время!».

Мой собеседник помолчал, затем, снова оживившись, продолжил:

«Да, с Украиной, а особенно с Крымом, у меня и у всей нашей семьи очень много связано. Коктебель! Там похоронен мой брат, там покоится прах Максимилиана Волошина. Никогда не забуду (я ещё был ребенком), как мы с Максимилианом Александровичем уходили в горы на поиски удивительных камней. Камни были страстью Волошина. Они, по его словам, приносили ему наслаждение и душевный покой. У меня очень большой багаж воспоминаний. Но я немного лентяй, поэтому никак не могу сесть и привести в порядок все свои листочки, бумажки с пометками. Хотя и понимаю, что могу опоздать навсегда».

– Как давно вы не были в Украине?

– Честное слово не помню. А вот моя мама была совсем недавно, в 1988 году, в Коктебеле. Я не пускаю её. Боялся, что в свои 94 она этой дальней дороги не перенесёт.

Об этом мама написала рассказ «Зимний старческий Коктебель». Кстати, он есть в её последней книге «Неисчерпаемое». Это даже не рассказ, а выплеснутые с горечью воспоминания о безвозвратном прошлом.

– Андрей Борисович, ваша тётя – знаменитая поэтесса, мать – писательница.

Кто по специальности Вы?

– У каждого своя судьба, свой путь. В 1937 году я окончил московский архитектурный институт. Началась практика. Правда, на практику я «поехал» не сам... Меня увезли как «врага народа» на великие стройки страны. За что? Поверьте, до сих пор не знаю. Забрали внезапно, заставили подписать документ, а затем без суда и следствия определили срок. В формуляре (паспорте заключенного) записали КРА, что означает контрреакционная агитация. Выжить в тех условиях помогла профессия, так как меня назначали помощником коменданта по строительству. Строил сараи, бараки для заключенных. Мне удалось организовать бригаду по изготовлению деревянных ложек, куда я старался определить слабых и больных, так называемых «доходяг». Многих из них я потом встречал на свободе. После освобождения работал на строительстве заводов, жилых массивов.

Приходилось даже встречаться по работе с Берией, Молотовым. Ничего приятного, к сожалению, о них сказать не могу. С людьми они обращались, как с безмозглым товаром, всё в приказном порядке. Лучше о них не говорить...

– Хорошо, продолжим разговор о ваших родных, близких.

– Маму впервые арестовали в 1933 году, выпустили благодаря помощи Максима Горького. В 1937-ом последовал второй арест, уже на 10 лет. При аресте изъяты и безвозвратно погибли рукописи всего, до того времени созданного – два романа, повести, переводы. В лагере ей удалось написать и передать на волю роман «Амор», дописанный и опубликованный в 1990 году. В 1949 году вновь арест. Её осуждают на вечное поселение в Сибирь. Освобождена в 1956 году, уже после смерти Сталина. Годы, проведенные там, описаны в повести «Моя Сибирь».

– Анастасия Ивановна – прозаик, а Марина – поэтесса. Но ведь и она писала прозу, так?

– Марина, конечно, прежде всего поэтесса. Но во Франции ей пришлось писать и прозу. Неудачи с публикацией поэтических произведений заставили осознать, что главному её произведению – поэзии – отныне придётся потесниться, уступая место другой литературной работе. Она и здесь была великолепна. Даже крайне скупой на похвалы Иван Бунин с одобрением принял её лирическую прозу. Но больше всех восхищался Адамович. Ну, а мама всегда писала прозу. Хотя... были и у неё моменты, когда она обращалась к поэзии. У меня с собой крохотная книжка, вот взгляните. Называется она «тетрадь Ники» (Ника – это мама).

Открываю очень тоненькую книжечку и читаю: «Дорогому сыну Андрею». А на титульном листе: «О моих стихах». И следующий текст:

«Как и когда я начала писать стихи, будучи прочно прозаиком? На этот вопрос я отвечаю так: начала – и кончила. Так не бывает, но так со мною было. С детства, живя с моей сестрой Мариной, и обе среди поэтов: Эллис, Бальмонт, Брюсов, Чурилин, Мандельштам, Парнок, – я никогда сама не пробовала писать стихи. На 41-ом году жизни я, погрузилась в английский язык, стала писать английские стихи. А потом незаметно и радостно

перешла на русский, и писала стихи до 1943 года, до того, как в заключении на Дальнем Востоке узнала – два года от меня скрывали – о гибели Марины. Сам собою иссяк источник стихов. В 1974 году, в Коктебеле, у моря, ища камушки, я написала стихотворение «Мне 80 лет». Оно существует. В 90 лет, готовя еду и моя посуда, я промурлыкала в воздухе стихи «Мне 90 лет», радуясь, что они несколько не хуже тех, написанных 10 лет назад. Но – телефон, дела, люди с утра до вечера – не было возможности записать стихи... А когда в поздний час я захотела их воплотить, строчки растворились в воздухе – память не удержала их. Вот история моего «стихотворства». Самое любопытное то, что в моих стихах – никакого сходства с Мариной. Марина – гений, я – просто талантливый человек, каких много.

(запись сделана на 94-м году жизни)».

Прочтя «Тетрадь Ники», я возвратила её Андрею Борисовичу. И обратилась к нему с большим для себя вопросом:

– Простите, когда будет известно, наконец, подлинное место захоронения Марины Ивановны Цветаевой в Елабуге?

– Я со своими друзьями вплотную занимался этим вопросом и вот на основании рассказов людей, документально оформленных, удалось точно определить могилу многими любимого поэта. Мне осталось в этом плане сделать немного. Но... я приболел. Как только станет лучше, доведу дело до конца. И у нас с вами будет время поговорить об этом. В марте я приглашаю вас к себе в гости, чтобы передать некоторые документы, записи, пригодятся для публикаций. Почему в марте? Потому что в апреле мы с мамой уже уедем на дачу в Переделкино.

– Спасибо за приглашение, Андрей Борисович, я обязательно приеду. А сейчас расскажите, почему в свои преклонные годы вы решили создать театр. Не много ли нагрузок берёте на себя?

– Очевидно потому, что мы, Цветаевы, – все творцы и мечтатели. Мой дед подарил миру музей, которому нет равных. Моя тётя подарила людям прекрасные стихи. Могу я оставить после себя дело – театр, какой существовал в Древней Греции? Время, правда, очень тяжелое, и порой приходят печальные мысли, что театр не выживет. Но в это я не хочу верить. Театр

должен жить. И ездить на гастроли, в ближнее и дальнее зарубежье. И, в первую очередь, конечно, он должен побывать в Украине. Прошу это обязательно учесть.

Расстались мы с Андреем Борисовичем за полночь. А на следующий день он позвонил и взволнованно начал рассказывать:

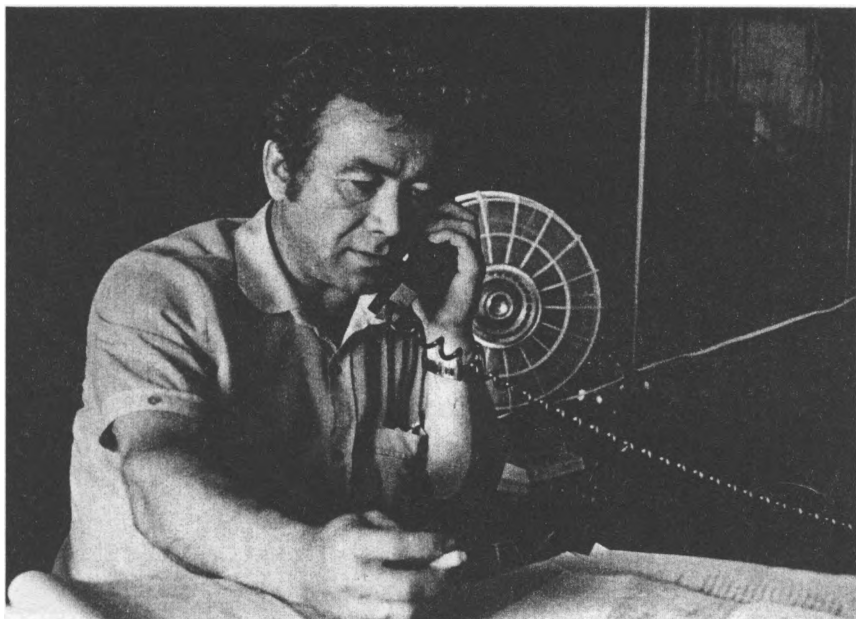
– Вы представляете, маме передали изданные в Братске сборник стихов «Озерлаг». В него вошли стихи поэтов, чьи судьбы связаны с Озерлагом... Затем Андрей Борисович напомнил мне о том, что в марте я должна обязательно приехать в Москву и, попрощавшись, положил трубку.

Разве я могла в тот момент подумать, что слышу его голос в последний раз? Через две недели, когда я уже вернулась в Киев, мне сообщили, что Андрей Борисович ушел из жизни. После этого сообщения я целый месяц не могла сесть за стол, чтобы закончить уже наполовину готовый материал. В душе образовалась пустота, сердце терзалось болью, тоской и обидой. Обидой на судьбу, отнявшую у меня возможность еще раз увидеть и услышать Андрея Борисовича, вместе с ним окунуться в атмосферу добрых и светлых воспоминаний о дорогих и близких людях. Мы теперь по разные стороны черты. На все, как говорится, божья воля. Пусть будет земля Вам пухом, дорогой Андрей Борисович. И спасибо за нашу прекрасную встречу!

Мария Разик.

Семья: Марина Цветаева, Сергей Эфрон и дети – Георгий и Ариадна.

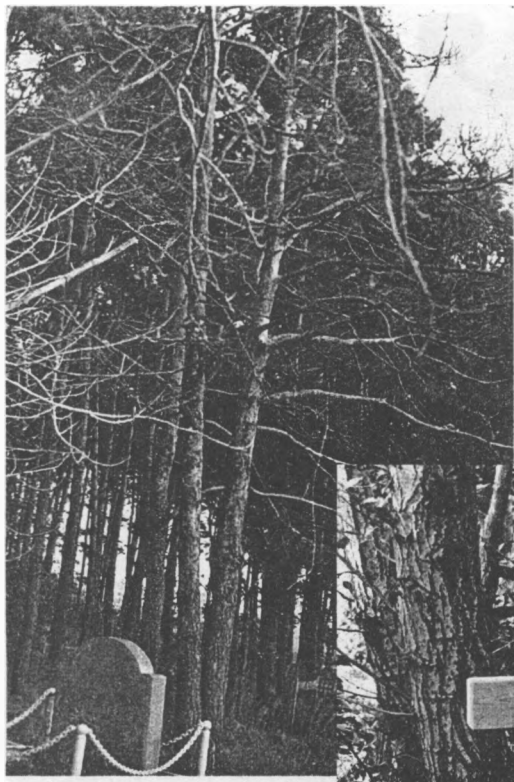

Изиль Губайдуллин – заместитель председателя Елабужского горисполкома по хозяйственной части

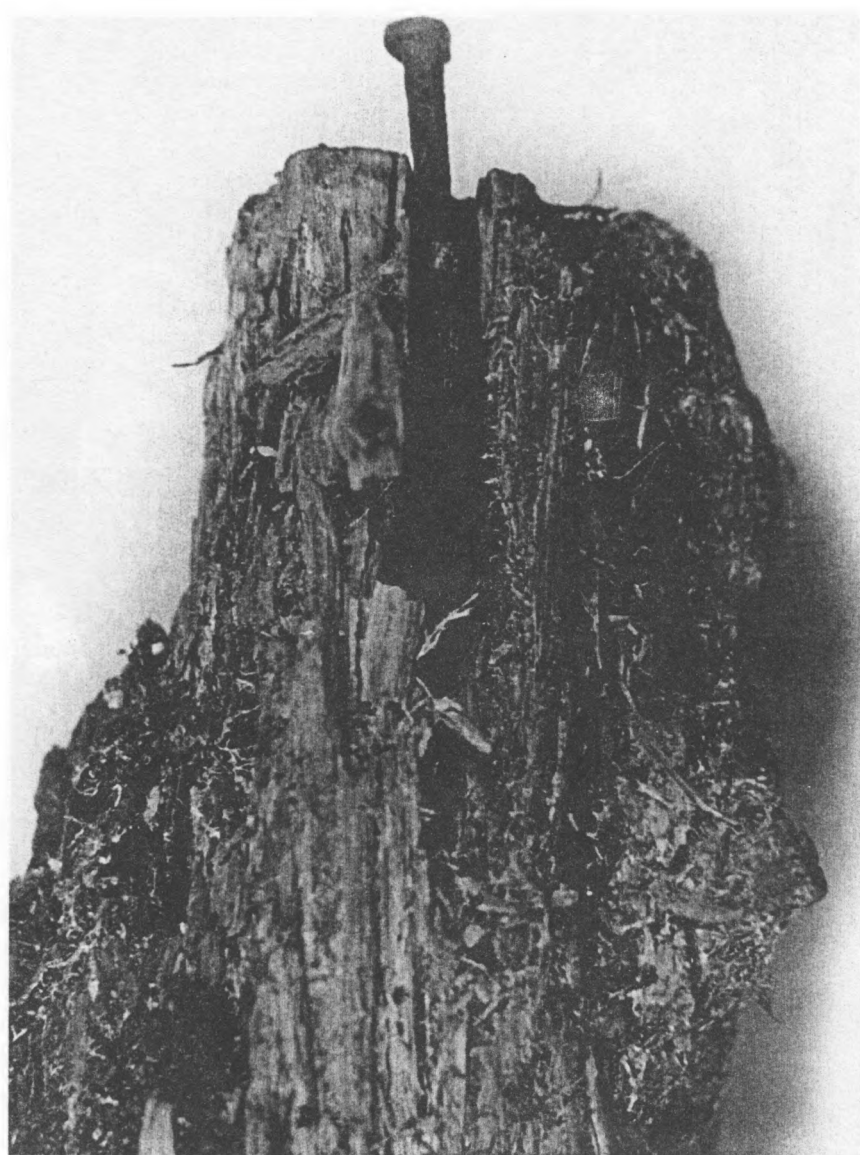

«Цветаевские чтения» 31 августа 1985 г.

Две высохшие сосны
на кладбище г. Елабуга
возле условного места
захоронения, указанного
А.И. Цветаевой

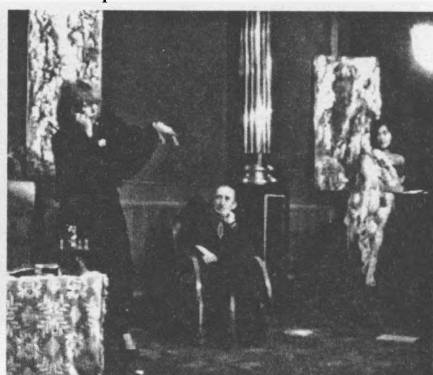
Семья гополей
на подлинной могиле
М. И. Цветаевой

Неизвестный портрет
Марины Цветаевой.
Художник Анатолий Китайкин.

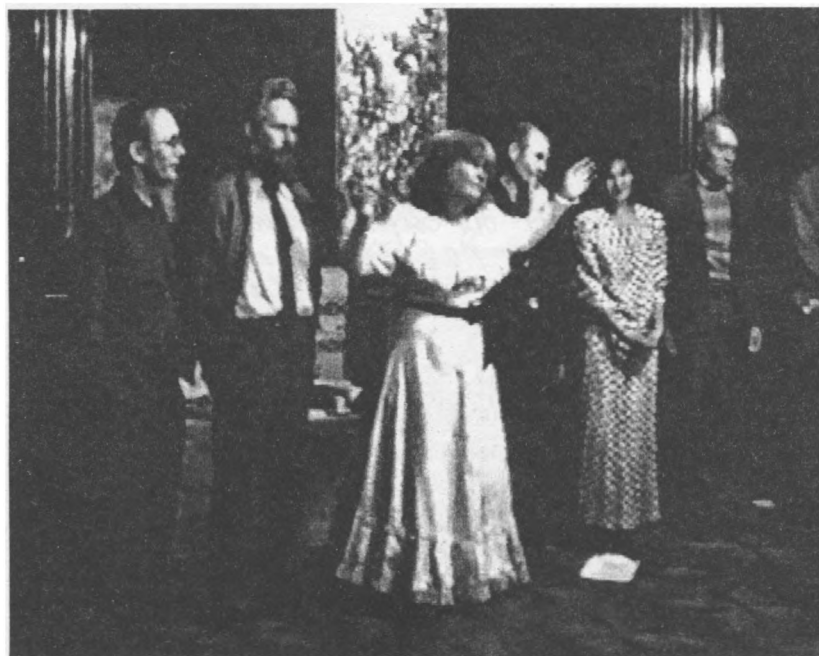
Андрей Трухачёв – директор
театра им. Марины Цветаевой
«Гармония».

Шляпинская гостиная. Сцены из спектакля «Смещение времён».
В роли Марины Цветаевой Татьяна Костандогло. Сентябрь 1992 г.

Марине Цветаевой – 100 лет.
Акт I «Поэт и Вселенная».

Акт II «Арка». Поэты Арбата – «Белая стая» (г. Москва).

Протокол разговора
педагогического комитета г. С. с
с Владимиром Гукмаевым
Дунаевым и прочими

-4-

Мой па-
пиром Гук-
и светом

-2-

в до-
- 2-
на-
в-
- 1-
в-
ше
из
188
- 2-
ви
Ори
Кри
М

поэтесса - мне кто-то скажи. ильичу, в
и второй раз, спустя бес- теледелии,
колько дней, я встретил ее присутств.
в библиотеке, где подошел, часа Юрий
представился. Мы разговари- на. Дунаева
лись. О себе Мария Ивановна.
на не говорила. Речь шла о ринной Розы
о системе обучения в шко- стров тра
ле. Она была преподавателем в сестрах тра
в судеbnых, взгляд на за-
полнилась - открытой душой, жуховой вл
произвела на меня впечатление - сестры тра
мне. Там же катили с ней

3.
Мы с ней изредка
ходили на почту к Мари-
не Цветаевой. Моя жена, по-
ню, говорила о ней: "Отор-
ваться от Розины - вещь не-
бывшая, а вернуться назад -
это сверхподвиг".
- Как Вам помнится пош-
таевой? Где она
сена?
от забора и негра-
жданского между
красными камнями
кладбища.
Вам ли вы кошу-
ошму?
ином году приу-
молодой совсем
звали ее Юрой.
на почту

Дунаев Владимир уроженец:
или истинный городец
Знаменитый и т.д.

Дунаев
2/15.85.

Принимая от педагогического комитета г. С. с
эту - протокол на 4-м листе, в нем
и расписывались.

Дунаев
2/15.85.

Акт опроса
 Свидетельницы Людмила
 Иосифовна Заволова, проживающая
 по ул. Строительная, 12 кв. 8 в г. Владивосток
 - Где Вы были и где находились
 в августе 1941 года?
 - В это время я училась в
 средней школе №5, переехала в
 этот класс люди были в массе
 своей рабскими в школе а школа
 я на ул. Захаровской, 12, школа -
 ул. Мухоморова

Всё
 свидетели из
 5 августа
 У. Дев
 5 августа

Акт опроса
 Свидетельницы Гали Тарзовой
 Тарзовой проживающей в г. Владивосток,
 по ул. Мира, дом 15 кв. 54.
 - Где Вы были и где находились
 в августе 1941 года?
 - Школа я здесь же, в Владивосток,
 на площади Ленина, в доме №1.
 Работала в переплетной мастерской

Всё
 Копия
 1941

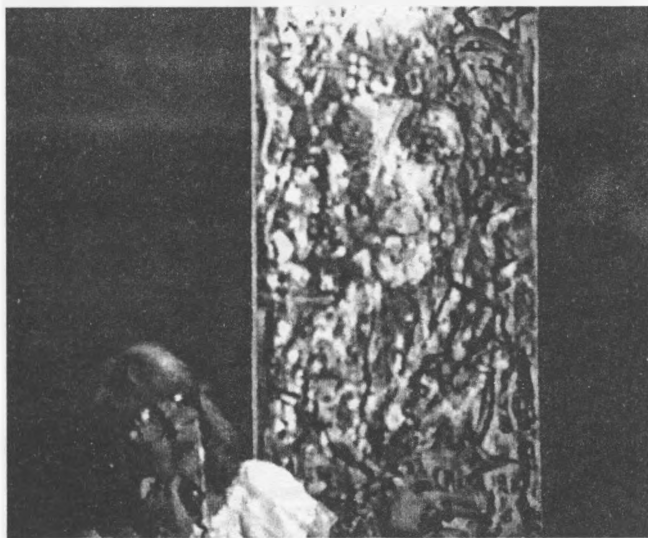

Акт опроса
 Свидетельницы Николай
 Николаевича Смирновский,
 проживающий в г. Владивосток
 по ул. Коммунистическая №103
 - Сколько лет Вам в августе 1941 года?
 - Было в Владивосток по ул.
 Фурменской, дом №1. Был
 мне 16 лет, учился в
 средней школе №1
 Ленинская
 - Каким вы были в
 то время в школе №1
 - Учился, учился в
 классе. Приехал в мае
 1941 года в школу
 Коммунистическая в школу №1
 Ленинская
 - Что Вы о ней знаете

Копия - 1
 Смирновский
 1941
 свидетели из
 1941

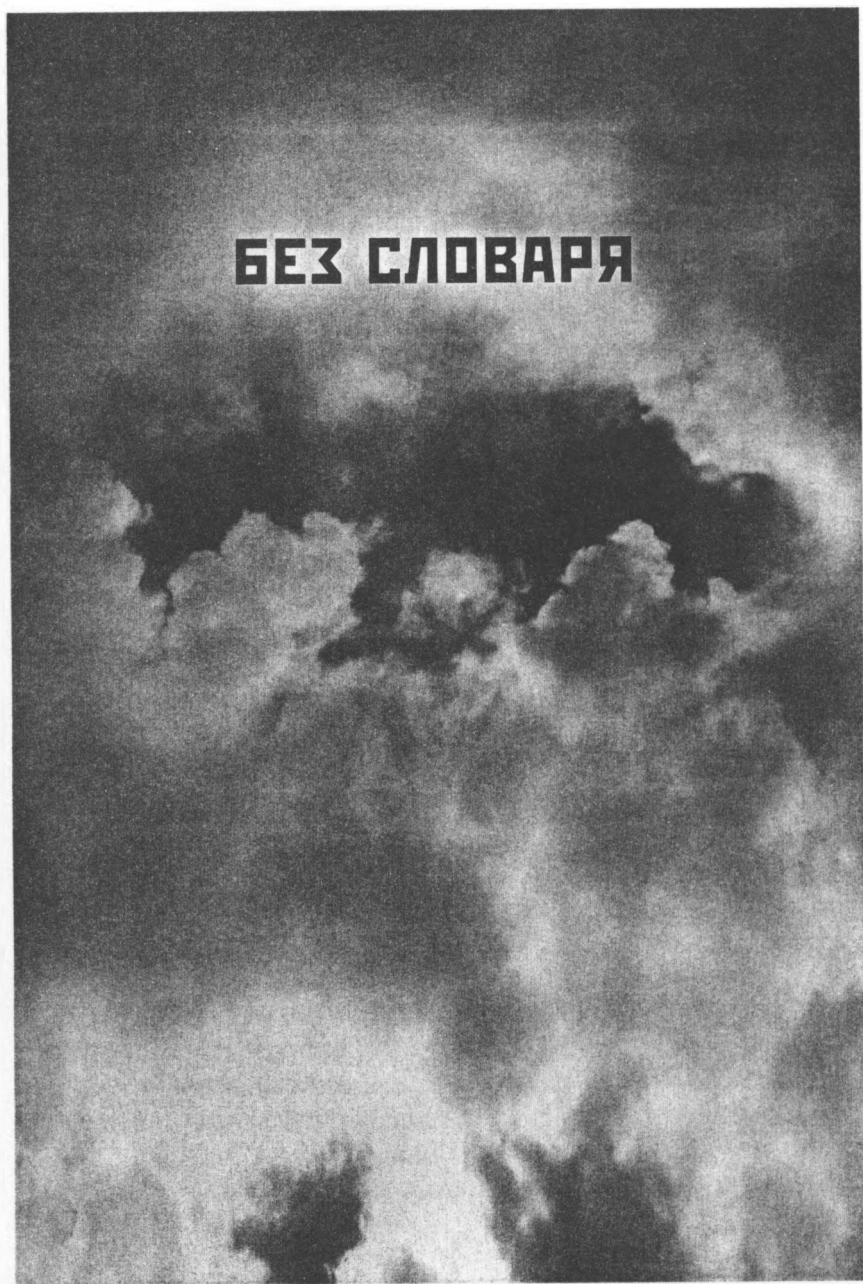

**ТАТЬЯНА
КОСТАНДОГЛО**

**ДАР
УЧЕНИКА
УЧИТЕЛЮ**

БЕЗ СЛОВАРЯ

*...Смерти нет.
Мрака нет.
Света нет.
Ибо царствуют
Вечные Роды...*

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

– Глупая, ку-да?
Не твоя беда...
Я – себя – дотла,
Ночь – светла.
Не смотри! Уй-ди!
Фавн вы-у-дит!
В стенах ужаса
Пепел кружится...

– Здравствуй,
Звёздная... Здра...
Стих пьянит с утра.
Где твой нынче кров?
Не сыскать следов?
Строки – выведут!
Рифмы – в мостики!
Вот он, божий суд –
Стынут просеки...
Из земной петли,
И – не невзначай:
Хватит – иссекли.
Выходи. Встречай.

23 июня 1985

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Два в один
Слиты глас –
Не себя слышу –
Вас.

Два в один
Слиты глаз –
Не себя вижу –
Вас.

Но... Вы – там,
А – я тут...

– Всем словам
Место – пруд!
Не язык, а порыв,
Души со-единив,
По земле, воз-духу,
По золе, сквозь труху –
Вверх,
И – без словаря!
Искромётно творя,
Лестниц – без.
Крыльев – без.
Обе мы из тех мест.

– Это ты? – Это я.
– Здра!... И слёз не тая,
Ни-че-го не видя
Обнимаю... Дитя?
Ни-че-го не видать,
Обнимаемся... Мать?
Стой! А может – сестра?
Слышишь, хворост костра...

– Всё едино, одно!
Как у моря есть дно –

В небеса реки есть,
Им без устали течь,
Нам без устали быть
Там, где можно парить
Вне земных рамок...

- Стой! Ты - со мной?
- Я с тобой.
- Под защитой твоей?
- Под одною - верней.

30 июня 1985

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

*«Цепок, цепок венюк из терний!
Что усопшему – трепет черни...»*

Марина Цветаева

Только б с ума
Не сойти от счастья!
Нет – меня? Разве...
Твоя... лишь часть я?

- Часть не моя,
Часть изначальной
Пляски огня –
Сути зеркальной:
Множество солнц,
Велико-царство!
Множество звёзд,
Велико-братство!
Велико-мир!
Космовладения

Дом – не трактир...
Велико-пеньё!
Велико-дух!
Велико-мысли!

Бог – не пастух,
Посох, что сгрызли
Мыши, но весь не...

– Не доели?
Огонь не потух
Среди недели?

– До воскресенья
Неси в руках
Формулу пенья...
Собственный прах
Не пожалей,
Не обольщайся,
Иначе – крах
Нашего счастья.

– Не пожалею
Прах свой и душу.
Выверну шаг,
Звук – не порушу.
Стены растут
Из-под земли,
Выход – вверх –
Крут...
Дурь, не пали...

– Не бумерангом –
Космос гром-ад!
Остерегайтесь:
Мёртвых парад
Всем – непонятен.
Всяк – подчинён.

- Солнце – без пятен?
- Свой – защищён!

30 июня 1985

*«То, что господом задумано –
Человек перерешил.»*

Марина Цветаева

Мысли – птицы! Вы летите
Потому ли сквозь запрет?
Сквозь воздушные границы,
С Тех – на Этот божий свет?

Господи! Какая роскошь –
Сознавать – не осязать
Связь, как гибельную ношу,
Но – теряя, обретать
Д о к а з а т е л ь н о,
Сквозь мясо
Слов, диктуемых творцом...

Не наглядно опоясал
Он родство Души с Дворцом
Со Небесным, со Блаженным,
Со Любовным, со... СОЮЗ!
Многотомный и надземный,
Доверительнейший груз...

Мысли – птицы! Вы летите
На-пролом и на-прямик.
Как бог даст – ведёт наитье.
До чего же скуп язык!

30 июня 1985

«Плач гнева и любви»

Марина Цветаева.

В тарелочке,
да в меленькой,
несут святить кулич.
Повязан лентой беленькой,
плывёт невинный бич...

Взмах! О...
Вокруг всё черствует,
кропится не водой –
Тарелочку бес пестует,
таская за собой...

Носи, отродье дьявола!
Смотри – не оброни:
без многого, без малого
куличик-то гранит...

Не дымкой святость светится,
то божья благодать –
невидимая лестница,
по ней – не дать, не взять...

В тарелочке сияние
не буквы и не слов,
то чувств благодаяние
не-умерших о-снов.

Чьи руки не дотронутся –
горят! Незванный взрыв
завянет, коль не тронутся
страдания в порыв
не-мыслимый, не-весомый
в руках у сатаны...

носи, отрепье бесово
вселенческой страны
сияние, рождённое
отчаянным криком – ИХ!

Слов хватит. Отрешённая
лишь отблеск глаз родных.

30 июня 1985

*«Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь»*

Марина Цветаева

Вот она – Елабуга,
Мнимая могила.
Траурная радуга
Облака умыла.

Небо режут молнии,
Грохот отовсюду.
До сих пор не вспомнили
Доброго Иуду?

До сих пор не вынесли
Частный приговор?
Жив, и то не вымысел,
Русской славы вор.

Родина, отечество –
Мёртвые слова,
Если человечества
Сочтены права.

Самой откровенной
Из планетных жён,
Самый драгоценный
Голос – не сожжён.

Голос, вросший в почву
Поднебесных троп.
Оттого и топчут
Холм, в котором гроб.

Проволока въелась
В каменную твердь.
Вряд ли тебе пелось,
Вряд ли пелось! Ведь

Средство-то едино
От сердечных ран...
(Странно угодила
Головой в капкан...)

Онемели други
Совнаркомских дней,
Охнули в округе
Толпы тополей.

Лишь одна рябина
Буйствовала. И –
Подорвала мина
Сросшиеся дни.

От могилы мнимой
Через прорву лет,
Плыл к тебе любимый
Маков белый цвет.

Дух твой да воскреснет!
Да сместится след!

Эхо вторит песне,
Коей мир согрет.

1 июля 1985

«Век мой – враг мой, век мой – ад»

Марина Цветаева

1.
«Деньги-товар-деньги»
Или...» Господи, верую!»
День-то какой пегий...
Дай мне во всём меру, Ю...
Юлиан, юденичи...
Деньги без счёта – сор.
Мне б в монастырь девичий,
Был бы душе простор.
А миллион – нищему,
Нищему – звон монет!
Что же мы тут ищем, у...
Уходя во рассвет?!
Тьмою себя кутая:
Деньги-товар-чек...
Пегая жизнь, дутая –
Я не в тебя, век.

2.
Долго била крыльями,
Трепеща от страха –
Не земными милями
Ты летала, птаха!
Не земными милями,
Не с людскою верой!
Не вчера ли вы и мы

Жили за портьерой?
А сегодня сдвинуты
Чашею Грааля.
В память опрокинуты
Толкованья Даля.
Завтра хлопать крыльями
Новыми – от счастья.
Вы – меня... накрыли бы.
Не сумела... пасть я.

1 июля 1985

«Умирая, не скажу: была»
Марина Цветаева

И... охнул взор –
Пенёк трухлявый,
А в нём немой свидетель –
Гвоздь,
Прошивший древо не насквозь,
Земля исторгла.
Боже правый!

Под грудой мусора гниёт
Людьми забытая могила...
Трава шептала:
– Здесь, здесь было
Её последнее жильё...

Прости, Марина.
Всех прости.
Давно ушедших
И живущих,
Убогих, зрячих

И заблудших
Своей рукой перекрести.

Не вспоминай
Земные петли –
Им быть,
Покуда длится сон...
Тобою не один спасён –
Плыви туда,
Где берег светлый!

8 июля 1985

*«Как слёзы – солонь... Боюсь,
Я завтра утром мёртвой встану»*

*«Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? Во сне!»*

Марина Цветаева

Как долго спали мы!..
Что? Сны? Их было много,
все не вспомнить...

– Но слёзы, слёзы – солонь!

– Да, да... Марина...

Это... О – нить!

Просила камни из страны?

– Просила камни...

народы духом не равны,
границу – нам ли?

Глянь – семь десятков лет
в пути...

– Но будут, будут!
Четыре. Дымчатых. Веди.
Земному люду
не доверяю.
...Плачешь – ты?..

– То память дышит,
и сокровенные мечты,
они всё ниже...

– Так да иль нет?
Держать мне бой?
Самоответствуй...

– Держи.
Я – там и здесь – с тобой.
Ряди невесту
в четыре времени.
Но – знай:
зима не дарит
снегов иных...

– Не продолжай.
Пора. Светает.

8 июля 1985

*«Всё выше и выше – высот
Последнее злато»*

Марина Цветаева

О, Храм, умеющий хранить
Печаль – Печать небес...

Связующая рвётся нить,
А как же... кто – полез?

Твой гордый зов тому виной,
Немое торжество
Гонца послало... Нет, не кров
Искать. К себе – домой.

А потому... Да, потому
Нужна ли нить теперь?
Я до-пойму и до-скажу,
Открыв в пространство дверь.

Но... мысли – там,
А тело – тут...
О, Храм – Печать – Печаль,
Прими мой звук,
Коль не дадут
Воспеть родную даль.

8 июля 1985

*«– Что ж, красота, к Хану строга?
– К Хану строга? Память долга!»*
Марина Цветаева

Мне Хан милей
земли родной князей.
Один – как все,
потерянные лица,
(Да, все!)
в мягкосердечности своей

не смогут с ханской
милостью сравниться.

Хозяин слов,
я чувств твоих раба.
Бери – вот плеть,
стегай любовь до крови!
Стегай,
чтоб не осталось и следа –
князей убогих
копья наготове...

Пока – они – в меня –
к лицу весь жар:
мою любовь нехитрую
узнаешь...
Теперь – я плеть!
А ты... О, дай ханджар!*

И после смерти
Буду... Хана... славить.

8 июля 1985

*ханджар – в переводе с татарского языка – кинжал.

«...ибо путь комет – Поэтов путь»
Марина Цветаева

Владелица нищих поместий
в венке из терновых идей
засеяла грядку (мир тесен!)
сверкающей радостью дней

Без возраста и проживанья,
а пункт назначения – рост.
Не рвите. Внимайте старанью,
язык её дивен и прост.

Роняет тире в ясных словах,
как к солнцу летящий закат.
Не хмурьте, пожалуйста, брови –
входите в таинственный сад,

Но только не пробуйте вишен,
налитых отравой умов...
Марина всё выше и выше
над сверхназначением слов

Откуда она? Из простора,
подвластного зову любви...
Речь неба – сегодня – иного.
Сумеешь? Пытайся... Лови!

9 июля 1985

«-Эх, Родина-Русь!»
Марина Цветаева

Голова – в огне,
Не костры дымат...

Девять, двадцать лет,
Со-рок лет подряд,
Семьдесят почти
Мир тебя – твой – чтит.

«Оповести словом и знаком,
Тех усыпи хмелем и маком»

– Как? Говори!
Лгут словари...

– Слух со-твори.
Шё-потом зри.

«Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнём и канавой будь,
Чтоб все ветра им в грудь!»

– Гвоздь, ржавый... твой?
– Мой.
Мой, говорю! Пой!
Землю залей!

– Чем?!

– Водкой. Раздай всем,
Всем – по ведру слёз...

– Будет страдать! Гроз
Хватит на всех. Верь.
Бога впусти в дверь.

«Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой
Хан мой – Мамай,
Хлеб мой – тоска.
К старому в рай,
Паперть-верста!»

Море – тебе, дочь,
Волнами – хор потерь.

Сколько – не счесть уже...
Выключи свой проже...
Да, Тот прожектор! Тот!
Свет, как чумной, прёт...

«Князем мне – Хан.
Ямой – Москва.
К ангелам в стан.
Скатерть-верста!»

– Знала о Том
В... двадцать первом?

– Время – Послом –
Верным.

9 июля 1985

ПОТОМСТВЕННЫМ ПАЛЧАМ

*«Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка»*

Марина Цветаева

И мёртвую я не отдам
На поруганье.
В наследство Миру,
А не вам
Слезы стенанье.

Одной всего лишь,
Но – святой.
Светлее

Слёз не бывает...
Быдло, вой!
Рычи смелее!

Что приумолкло ты?
Рычи!
Рычи получше!
Потомственные па-ла-чи...
Убийцы – уз-че.

Страна, где вскинут
Красный флаг
(Не в землю – семя!)
Обнимет дочь.
Дадут аншлаг.
Порукой – время.

10 июня 1985

РАЗГОВОР С МАРИНОЙ ОБ АНАСТАСИИ

*«Всё меньше и всё меньше света,
Всё ближе и всё ближе стук...»*

Марина Цветаева

1.
«В небе, ржавее жести,
Перст столба.»

– Отчего вы не вместе...
С нею?

– Лба...

Лбу, ищущему спасенье,
Ей – не внять.

– Тело спасти – не пенье?
Так понять?

– Так!

– Отчего же цепи чёрные
Ей не снять...
С шеи – твоей?

– Шуты... придворные...
Завтра – свидимся.
В пять.

2.

«Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...»

– Веселейшей? Понине жуть –
Тайна в землю зарыта?..

– В грудь!

– Отчего вы... не вместе с нею?
– Ты же видела! З ё р н а – сею,
А она – куличи печёт...

– Но который, который год
Тишина гробовая...

– Мрёт!
Тополя и рябина – в рост?

– В рост? То правда...
Гром в души – врос.

3.

«Под гору... Двух подошв пудовых
Вдох... Ладонь, наконец, и – гвоздь!»

– Выдох. Так дышат вдовы,
Когда нечем... дышать?

– Брось!
Не оправдывай голод сытых!
«Расставаться – ведь это врозь.

Мы же – сросшиися...”

– Прибиты... друг ко другу?
– Как к гробу – гвоздь!

15 июля 1985

Стихов татарских славлю хор –
О, лейся, лейся
Тукая речь в ночной простор,
О, славься, песня!

Приметы истинной любви,
Благословляю
Ваш смех, и слёзы! Но – не рви,
Расту у края...
Раздолью русскому в стихах
Привычно тесно.
Живи в татарских городах,
Родная песня!

А коль осудит кто за нрав,
Скажу короче:
Милее гнева всех держав
Востока очи!

Лучи космических широт
Ещё милее!
Плывёт в безвозрастный полёт
Твой почерк, время.

Бог знает – ярче песен нет:
Земле татарской
Завещан первозданный Свет
Короны царской.

17 июля 1985

*«Он в сторону чуть-чуть косил,
Но – штык – в тыл – сил»*

Марина Цветаева

Стихи, остановитесь –
ваш плач страшней оков!
Не рвите смысл,
не рвитесь
до самых облаков...

За мною не ходите,
прошу вас, по пятам.
Мне душу не трясите,
как я – её – не вам,

а ей трясу, наверно.
Устала? Говори!

– Стихам была я
верной...
На штык! Огонь – кровит.
Прости, в ночь ледяную
земной магнитит слог...

– «Так молодую Бурю
Слушает бог»?..

19 июля 1985

*«О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...»*
Марина Цветаева

Кто я – тебе, Марина, кроме – как
«Гость самый страстный»?
Сердце – впотьмах... Знак!

– «Ах, если б можно, чтоб дважды...
Чтоб на вечерней заре и на утренней...»

– Факел горящий жаждет
Дважды потухнуть?
– Держат дни смутные...
– Время пророчит – на утренней!
На вечерней... был уже вой черни.
– «О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...»

– О, знай! К дочери Неба,

Во любую пору,
С огромной охапкой роз –
В гору –
Страна Грааль –
В твой рай!

19 июля 1985

Не утро. Дождь.
Остывший чай.
Блокнот терзает ручка.
А ты всё куришь...
Хочешь – знай:
Не нищая – не мучай!
Рассвет терзает синева
Воздушного потока...
Не мучай –
Кругом голова
От постоянства тока.

21 июля 1985

*«Голос правды небесной
Против правды земной»*
Марина Цветаева

Люди – звери.
Носители не душ – тел...

– «Значит, бог в мои двери,
Раз дом сгорел!»

Они... вошли. Не было сил.

– Он... Ваш муж? –

Вежливый – спросил.

– Мой.

– Расстрелян.

– Вами?

(Голос – чужой.

Губы зашелестели:

– Бедный! Бедный мой!)

«Загород, пригород –

Дням конец»...

В морду ирода

Вопль: – Л Ж Е Ц!!!

Грубый, следом:

– Бумагу – на.

Пиши в рифму. И – смех.

– В рифму – об этом... грех...

«В слезах.

Лебеда – на вкус»...

Догадка... вами – и... Иисус?!

– Нами!!!

Разгадка... веков – груз:

« – А завтра,

Когда проснись?»

31 июля 1985

ИЗИЛЮ

*Если едешь в арбе Ивана –
надо петь песни Ивана*
(татарская пословица)

Мне цветы на её могилу
надо несть ото всех тайком...
Как же песня арбы постыла –
заплетающимся языком
попугай-ничьи глотки хора,
одеянье на всех – одно!
Кражи нет, а беднягу вора
на могильное, да на дно...
Тишина и покой. Благодать.
Стану вора при всех целовать!
Укради меня из арбы,
погляди – у твоей рабы
не цветы в руках, а зола,
ни двора у рабы, ни кола.
Будем вместе и не-тайком
в гости к ней ходить вечерком.
Засидимся и ляжем спать
на могильную, на кровать!

30 августа 1985

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ

*«Сказать? Скажу! – Небытие – условность,
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей»*

*«И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечёркивала – имя»*

Марина Цветаева

1.

Кто я тебе, Марина, кроме как
Гость самый страстный? Ведает Аллах,
Господь всесущий? Аствац* или Будда?
Прошу, ответствуй. Вот она – вся ссуда:

Я всем плачу за этот разговор,
Без разницы – царь слушает иль вор.
Мне всё одно – придут ли завтра слуги,
Или убийцам в качестве услуги

Я окажу огромнейшую малость
Читать стихи – к тебе. (Поёт усталость!)
Пусть сумасшедшей назовут, пусть – дурой,
В безвкусице вина, плюя, как в урну,

Я знать должна, и ты поможешь в том,
Зачем молясь, разбуженная сном,
Тебя зову... родной? родной? родной?
В истерике плескаясь неземной,

Плыву рыдая, точно идиотка?!
Зачем моя разбуженная глотка
Тебя – поёт? Тебе? В – тебя? Тобой
Зачем живу?! Дай голос. Голос – твой!

– Ты мне была... Да, близким человеком.
– Кем? Говори в письме руки своей.
Тебя любила я?.. – Да. – Близким берегом?
– И безутешьем дней!

– Тогда скажи – зачем живу в тоске?
– «Писала я на аспидной доске
Что ты любим! любим! любим! любим!»
– О, господи! Была... (Ты – шутишь?) Им?

– Не страшно? – Нет. Но холод пеленает.
Крик губы сушит и преграды рвёт:
Мои слова несчастную ласкают,
Страдалица жива, а я... (– Ты мёртв?)

– Чего во имя?.. Да, чего во имя
Петлёй убийц перекружилось имя?!
Я уцелел не только на скрижалях
Непроданного брачного кольца –
Дышу, как ты – бумаге душу жая,
Прости меня, счастливого слепца!

2.

– Выпало. Свиделись! Девочка – плачет,
Мальчик – поёт.

– Время кухарок и лучших прачек,
Полный – вперёд...!

– Тень от домов. Круг цирковой растёт.
– Сердца стук – память ворот...?

– Некому Слово – дать. Слышать – не могут.
– Хочешь – воздать?

– Смертную тогу?! Спальный мешок
Застегнули на молнии...! Вспомнили...?

– В с п о м н и л и .

29 августа 1985

*Аствац – имя армянского бога.

ОТВЕТ АНОНИМУ

13-19-04

Не под знаменем октябрьским –
Под портянкой от сапог,
Автор прозы, прозы варварской,
Вам – мои – семнадцать – строк.
Что похвал учтивых шарканье,
Разлюбозностей парад
Той, в чей адрес только гавканье
Было лучшей из наград?!
Той, чей голос в гроб, да́ заживо,
Не – доверившись петле...
Не из лагеря из вражьего –
Корни памяти в земле,
Под рябиною раскидистой,
Русской совести пожар...

Не спилили, и не спилите,
Вы, убийцы и грабители,
Б о ж и й Д а р .

12 февраля 1986

В постылый век, когда не подают,
А грабят и воруют так безбожно,
Старушка шла слепая, осторожно
Слова шепча болезные, как кнут:

– Простите и подайте бога ради,
Простите и подайте... Голос слаб,
Но безупречен, как судьбы ваятель,

И подневолен, как воскресший раб.
.....

Не досмотрела вновь живую сцену –
Старушка шла, а я... я не дойду

В постылый век – цветаевскую вену
Урод...вчера...вспорол...в земном саду.

4 сентября 1995

«Успех – это успеть»

Марина Цветаева

Успех – событием взмахнуть
И вне паденья
Постигнуть восхожденья суть –
Пере-рожденья
И пере-осмысленья вдох –
Освобожденье
От пут, от гирь земных. Ты – бог,
На путь спасенья
Шагнувший страха – без,
Без сил... Но – обновленный,
Праправнук будущих светил,
Благословенный
Лучом, чей милосердный зов
Ты принял слепо.
Успех – успеть. И без оков
Рвануться в небо.

23 июня 1985

*«За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая»*

Марина Цветаева

Что делать? Нерождённые сидят
За тем столом, где не было Вам места...
А, может быть, и сам себе не рад
Хозяин, у которого невеста
Состарилась, живя одна вдали.
К жене нет ни любви, ни уваженья,
И брата два, чужие короли,
Молчат, не пьют, боясь разоблаченья.

Родители в глаза не смотрят им,
Подкидышам с седыми волосами...
Марина, появлением своим
Безудержно Вы зло разоблачали.
Так стоит ли печалиться, мой друг,
Моя сестра, родившаяся рано?
Без страха я касаюсь Ваших рук,
И мою незапекшуюся рану.

С любовью глажу золото волос,
В свою одежду переодеваю,
И с радостью, не пряча горьких слёз,
Сажусь неожиданно рядом, а не с краю.
Не укоряй хозяина – всё в такт
Размеренно-безнравственной пирушке.
Аплодисменты. С честью сыгран акт.
Шампанского нам в пушкинские кружки!

25 июня 1985

*«Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей...»*

Марина Цветаева

Моя родная, кланяюсь тебе,
Ты ведаешь, о чём я горько плачу –
Наперекор злой мачехе-судьбе,
Твой час творя, историю иначу.

Ток листьев тот же, что и дрожь ствола,
Кору светлейших тополей целую...
Какая мощь! Как ты была права!
Не стану петь просяще «Аллилуйя»

Но буду сметь безжалостных зеркал
Читать свои и чьи-то отраженья...
Моя рука тому, кто удержал
Свободу чувств – своих – в оковах пенья.

Открыты двери, всякий вхож сюда:
Над таинством незримых наковален
Царят помарки... Экая беда!
Молитесь, чтобы желтыми опали

Трепещущие листья новизны
К ногам всесокрушающей надежды.
Богаче нет у Родины казны,
Чем плач детей... Сегодня, как и прежде,

Рыдает Русь. Гудит всю набат,
Колокола раскачивают ветры.
Поэт, ты Воин. Воин – не солдат...
Стихи пускают корни в кровь и нервы.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА О РУССКОМ НАРОДЕ

Конец сентября, а весеннее солнце
Безудержно дерзко ласкает асфальт.
Оса прилетела. Над ухом японца
Жужжит беспардонно, но русский оскал
Доверчиво, смело, а главное – честно
Пред миром огромным нутро не тая,
В свой адрес печёт комплименты из теста,
Вербуя вороний не крик – воронят...
Ах, русский оскал! Разухабисто морда
Скалится и водочку ведрами пьёт...
Я чище не знаю в пространстве народа!
Народ мой, клянусь, никогда не умрёт!
И всё потому, что вчера на поминках
(Своих же!) он славил цариц и царей,
Гостей чужеземных, и то – не новинка,
Народ мой, хозяин полей и морей,
Отдал за пол-литра и степи, и горы,
И душу свою не продал, а отдал!..
Конец сентября. Солнце светит. Умора.
Народ пропадёт мой? Уже не пропал!
Он тем и живёт, что без голоса слышен,
Он тем и живёт, что без слуха давно...
Народ мой, народ мой! Дырявые крыши
Над родиной нищей – в природу окно,
Во – вне! И не пряча безликое время,
Ты, брат мой, отец и несчастная мать,
Ты, сеятель, бросив счастливое семя,
Семьёю – всей – солнце рискуешь обнять!
В сентябрьский поздний период распада,
Ветров запоздалых промозглая весть:
Я так тебе искренно-преданно рада,
Как ты мне – сегодня – неведомый – весь!
Ну, что ж... Соберём урожай и запречем
В улыбки измученных старческих губ.

Народ мой прозреет. И памятью зрячей
Аукнется гласом заоблачных труб.

29 апреля 1988

*Андрею Трухачёву,
племяннику
Марины Цветаевой*

Ушёл не ты – ушла эпоха,
На смену ей пылит пожар
Всеустрашающего вздоха,
Качнувшего небесный шар.

А где-то в памяти далёкой
Благоухает неба синь...
Ушёл не ты – ушла эпоха,
Богов эпоха и Богинь.

5 января 1993

АНДРЕЮ ТРУХАЧЁВУ

Ты в землю лёг, а мне по ней ходить,
и Бога славить, и за мир молиться.
О, сколько можно эту пытку длить,
Любимых мною вспоминая лица?

Они, как ты, ушли из жизни в срок.
Когда же мой настанет иль случится?

Как трудно жить – ведь не один урок,
усвоенный, уже не пригодится...

Я влюблена и в радость, и в покой,
но более я влюблена в немилость
чужих и тех, кому в семье родной
моя наука жить не пригодилась.

Но он настанет этот день и час,
и соберёт друзей моих немногих.
Я умоляю, я прошу всех вас
порадоваться! Новые дороги

невидимые вам, меня несут
в объятия немеркнущего света...
Я не прощаюсь – вольная от пут –
где б ни была, останется поэтом.

13 февраля 1993

СКАЗ О РАЗИНЕ

*Андрею Трухачёву –
с любовью*

Две молитвы

Господи, благослови
Правду спеть о прошлом.
Господи, вопрос прими –
Верно ли, что сброшен
Стенькой Разиным самим

Твой слуга Иосиф
С башни?..
Предзакатный гимн
Не воспет и досе...

Не молчите стены,
Белые надгробья –
Вены вскрыло время,
Брызги – алый плач...
Не молчите, стены
Отзовитесь новью,
Воскресай по воле
Праведной, палач!

Грех кровавый

От Царицына по Волге
Путь – держал..
Правил войском,
Правил с толком
Атаман.
Спины в дуги гнуть постыло –
Жми, братья!
Выручай, мужицка сила,
Рушь враты!

Колокольне око строго –
Сверху – вниз:
– Нелюди, побойтесь бога!
Усмирись,
Усмирись глупцов орава,
А не то –
Грех на души,
Грех кровавый,
Бойсь его!
Стены каменные крестят

Гарь и дым,
Смерть лютует, в жертвы метя,
Крик: – Горим!

– Слышь, стрельцами верховодит
Стенька-бес...

– Слышь, молитвы не доходят
До небес...

– Литься крови – злая воля –
До зари!

– Ох, быть горю!

– Боже, души схорони!

Супротив бед

Разину – слава! Батюшке – слава!
Цареотступнику и бунтарю!
Сам голова Астраханской державы
В пояс – народному главарю...

– Долговые книги сжѐг?

– Сжѐг!!!

– Поделил добро, а мог...

– Мог!!!

– Погляди-ко, царь-то наш!

– На-аш!!!

– Дурни, дьявольская то блажь!

– Смолкни, нехристь! Не тебе знать!

– Батюшка, приймай ишо рать!

– Прикажи – и за тобой вслед –

В крестный путь, супротив всех бед!

Без ключей...

Стенька трупов средь похаживает,
Чёрну бороду поглаживает:
– Грабьте купчин и торговых людей!
Веселися, люд! Останки цепей
Обмотаем царской вкруг головы –
Будя рабство – им! Хозяева – мы!

Пей и пой! Гуляй, моя голытьба!
Призадумалась, злодейка-судьба?
Али я твой не законнейший царь?
Ох, злодеюшка, подай-ка нам ларь...
Без ключей его мы – хрясь – отомкнём!
Будя жить народу царским умом!

Парад слёз

Ветер виселицу в скрип –
Воевода тучен –
Головою вниз затих...

– Ишь, глазищи пучит!..

– Пех, – на выдохе, на одном,
слов погром...

– Пех, – катилось понад голов...
Прозоровский... Орлов... Князь Львов...

– Пех, – хрипелось, что было силушки...
Глоток сиплый хор: – Кровопиюшки!

– Поделом вам, сучие выродки!
– Дождалися расплаты, выблюдки?
– Дождалися, глаза стеклянные?!
– Поделом вам, псы окаянные!

...Ветер виселицу в скрип –
Тонет в хоре беззвучный всхлип...
Чей ты, женский – жены ли? Матери?
Аль сестры?
Плач придушенный, вскрик: – Предатели!
Вздых горы...
Гул – в протест,
Речь камней – в пад.
Снизу – вверх –
Слёз парад...

Ох, Стёпушка!..

Ты, девка, чё – шальная што ль?
Пошто мою не чуешь боль?
Куды ты прёшь по морю вброд?
Три века, слышь-ка, небосвод
Молчал. Пущай ишо молчит...
Как мой твой козырь будет бит!
Вот я, гляди – четвертован...
По-твоему, я был... болван?
Чё надо-то? Не страшен што ль
Обрубок этот? Нет, уволь
От всех вопросов и бесед!

– Ох, Стёпушка... Наделал бед...
Да не ершись ты, дурачок,
Ступила я не на мосток,
Не девка вовсе, не мужик...
А голос мой тебя настиг!
Аукнулся... Так стало быть,
Отныне нам с тобою жить.

Иди сюда – гляди – рука
На месте. Так велит строка.
А вот – вторая. Ноги – вот.

И голова... Не оторвёт
Тебе её уже никто.
Садись.

– Пошто ты так?! Пошто?
Пошто назад меня зовёшь?

– Сиди, Степан. Уйми-ка дрожь.

– Налей!

– Налью, и трубку – на!

– Таши ишо, ишо вина!

– Да знаешь ли, теперь и пьют

Не так, как раньше...

– Шо? И мрут

Тверезниками? Ай-яй-яй!

Хворает што ли государь?

– Оставим, Стёпа. Не о том

Речь наша.

Свой припомни сон...

– Ох, девка, кабы ты была

Тады со мной, с ума б свела...

– С дурного... в Волгу головой

Тебя б макнула, олух мой!

А борода черным-черна...

Права, выходит, я была.

И поступь бравая, и вид...

– Шо, нравлюсь?

– Нравишься, бандит.

– Иди ж ко мне, ну? Слышь, иди!

– Ох, Стёпа, Стёпа... Погоди.

Не каждый божий день, поверь

Сюда – оттуда – ЭТА дверь

Открыта... Глупый, не дрожи!
Ты без утайки расскажи,
Как в Астраханский кремль войдя,
Казнил духовного вождя...

– Мятрополита Йоську? Ба,
Эвон ты, милая, куда!
Нелёгкая тебя несёт.
Добро же. Слухай.
...В славный год
Топил я многих из бояр,
Без разницы – был млад иль стар.
Шо было делать? Волю им,
Забытым господом, творил!

– Но, Стёпа, лошадей распрячь
Не означает волю дать.
С возком как быть и с ездоком?

– Так вот и он же мне об том
Твердил – Твой...Ну...
Мятрополит!
А знаешь, почему? Был сыт,
Доволен жизнью сучий сын!
Не гнули господа-то спин...
Духовный, просто ль господин –
Закон был, бабонька, один:
Мужицкий род и гол, и бос...

– Понятно, Стёп. Ещё вопрос –
Ты как Иосифа казнил?

– Да как тебе казать? Пьян был,
Хотелось душу облегчить,
Покаяться... В крови ходить
Ты что же думаешь, легко?
Вот я и поднял-то его

На башню эту, на Раскат.
И он пошёл. Душой не рад.
А вслух: «Покайся, сыну мой!»
При жизни, кажут, был святой...

– О чём же речь была меж вас?

– Да всё об том! Наступит час,
Господь обрушит, дескать, гнев!
Ну, брякнул я ему в ответ:
– Его бы в наш вонючий хлев,
Пусть похлябал бы наших щей,
Пожил бы среди блох да вшей!

– **Кощунствуешь,
Презренный шут!**

Ну... я его... и... скинул тут,
Не выдюжил. Эх, кабы знать,
Не стал бы волю добывать...

– Ну, так идишь ко мне, иди!

– Ох, Стёпа, Стёпа... Погоди.
Так в чём не прав митрополит?

– Как в чём? Когда душа болит,
За шо её кнутом стягать,
Шутом презренным обзывать?!
Ужель то не убого?
Побойся, девка, бога.

– Согласна, Стёпа, я с тобой –
Бог в храмах правит наш, земной.
А вот небесный Бог – изгой,
О том не знает люд слепой.
Небесный Бог тебя простил?

– Простил, голубушка, я сын
Его, пусть и... бандит.
Небесный – не мятрополит,
Он – вотчина! Мы все при нём.
Собою сам я был казнён...

Покаяние Разина

Боле, девонька, не мучишь.
Ладно, дали слухай речь:
Разбежались, дети сучьи,
Атаманова картечь...

Чурка, знать, я не с глазами,
Коль блажил... Прости, Господь!
Чем всё кончится – не знали,
Месяц, хмуриться погодь.

Пресвятая мать божья,
Воспаси и пронеси!..
Сам себе сдирал я кожу,
Память, душу не тряси...

Месяц, солнышко казачье,
За тобою не ийтить –
Не шуткую. Спробуй злачье
Не посеявши – косить...

Не перечьте, есаулы!
Кабы ведали – куды..
Сберегли бы люд сутулый
От нечаянной беды.

Пресвятая мать божья
Мирна! Людям подмогни!

Дюже на земле тревожно.
Вразуми нас. Не сгуби.

23 сентября 1980

Астрахань

– Не живи рассудком бранным,
Созерцая жизни миг.

– Путь твой вспарывает вены
Старых истин. Напрямик
Ближе к божескому знанью?

– Обопрись об память, друг!

– Не мешает расстоянье?

– Сердца будущего стук
Слышь. И видь (спиною!) завтра.
(Завтра – экскурс во вчера...)

– Жизнь – сегодня – вне театра?

– Смертоносная игра!

– Изошрённей, чем теченье
Веры – в тихий океан?

– Повинуясь озаренью,
Мысли плод –
Хвала прозренью –
Вкусишь, выключив вулкан...

21 сентября 1986

КОЛЬЦО

*«Ты – как круг, полный и цельный.
Цельный вихрь, полный столбняк.»*

Марина Цветаева

1.

Мерило всех мерил – кольцо.
Кольцо незримого потока.
Материй праздник налицо:
Мой Стих, ты переносчик тока,

Но ты ничто в сравненье с тем,
Что именуется любовью...
Чудовищен безумный плен –
Плен чувств,
Рождённый мёртвой новью.

2.

Скорость структур, не подвластная гнёту,
Рушит собой демонический мрак.
ВозДух вручает живейшую ноту,
Сердцу вручает. Ум – яростный враг.

Мысли стартуют, не зная предела.
Диапазону свобода смешна:
Метрика Духа – не метрика Тела,
Надобно Миру какого рожна?!

По вертикали экраном волшебным
(Сможешь?) Читай элементы, как звук!
Музыка правит нейроном ответным,
Сердце не слышит свой собственный стук.

25 сентября 1986

*«И что тому костёр остылый,
Кому разлука – ремесло»*

Марина Цветаева

Я знала, когда прокричит петух,
И когда придут убивать.
Я знала... Но огонь любви не тух,
Он пил и пел благодать.

Ему было на что опереться в ночи,
Земля не плыла подо мной.
Ну, что же вы медлите, палачи?
Не вы – так кто-то другой

Набросит петлю на живейший вдох,
Но выдох уже не ваш!
Я вышла в бессмертие, видит Бог –
Бессмертие – не тираж.

Мои миражи живут не во сне,
Хотя самый длинный сон –
Это жизнь, которую Ева с не...
С нелюбимым делит. А он,

Он самый глупый из всех мужчин,
Шагнувший в запретный сад.
И, как говорят, коромыслом дым
В раю обустроил ад.

Живёт и не слышит он ни-че-го,
Кроме шуршащих благ..
А я задыхаюсь: вот – ветры! вот – гром!
Вот – бог! Вот порог, дурак!

Шествуй на все шестнадцать сторон,
Иди в свой любимый барак!

Гордись им! А мой развесёлый стон
Приманка для всех собак.

Ещё... ещё не убитый мой смех,
Застрявший в дверной петле,
Приманка для зим... И сыплет снег
Средь лета... – Но ты в седле?

– Я знала, когда прокричит петух,
И когда придут убивать...
Я знала. И огонь любви потух,
Умеющий не страдать.

16 января 2000

*«Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!»*

Марина Цветаева

Дело к расставанию...
Что же – не взыщи!
Подлежат изгнанию
из моей души
ложь и заблуждение,
суета и злость.
Ты был лучшим гением,
самый долгий гость,
праздник мой безрадостный...
Сухой занёс
всю – меня.
Мой благостный,
мой бездомный пёс,
Десять лет ты потчую

мясом без костей...
Попрекаешь зодчую:
мало мяса?.. Вей!
Вей, куда постелется
путь – дорога – жизнь.
Будет. Перемелется.
Убирайся из...
из хором небес – они
для тебя тесны...
Во домах зажглись огни.
Прыгай! Зов трясин
чем сильней – тем яростней
прыть твоя, мой пёс!
Будет много радостей,
сбрось ошейник! Слёз
нет моих. Гляди – суха
кожа на лице.
Будь подальше от греха,
скорбь о подлеце
не родится – верь мне, верь!
Видишь дверь? Иди.
Ты одна лишь из потерь.
Новых не плоди.

18 января 2000

*«Гордость и робость –
родные сёстры»*

Марина Цветаева

И не гордая, и не робкая –
В чёрно-белом твоя печаль...

Две сестры, но одна-то... сводная!
Ноша лёгкая тяжела ль?
И легка ли твоих раздумий
Невесомая глубина?
Гордость-робость, старик Везувий
Муж ли, сын ли? Его вина

В чём – не знаешь? Но он-то знает!
Огонь рушится, слёзы льёт.
Гордость-робость... Как слух ласкает
Твой пылающий небосвод.

26 ноября 2009

Вы не меня обидели –
Вы... воздух подожгли.
Гораций ли, Овидий ли,
иль Сальвадор Дали
сгорят в бездушном пламени,
по ветру – пепел – в лёт!
В моём молчанье каменном
одна лишь боль поёт...

Так трепетно, так счастливо,
что диву дашься тут –
ужели радость... часть того,
что бедствием зовут?!
А коли так – от счастья
я откажусь легко!
Мне Вашего участия
не надобно. Ни в ком

искать не стану праздника –
мне ль праздника искать?!
Своей ждатель стану казни, как
спасения от – зная,
что Вы – земно устроены:
земному – рай земной.
Поставьте, неба воины,
свечу за упокой.

23 августа 2001

Любила ль я? Любила, как всегда,
Готовая спасать и быть распятой.
Моя любовь – небесная вода –
Плескалась по планете еле внятно
Страдалицей под током зла и лжи.
Днём воскресая, умирала ночью,
Когда земной отравы этажи
Вмещались в точку, а не в многоточье.

Как солнце восходило по утрам,
Так мудрость прикасалась к изголовью
Любви моей. И каждый взрыв был новью,
К земным готовый бурям и ветрам.
...О, суши остров! Круглый детский мяч,
Ты – сказочен, ты так великолепен!
Но в каждом сердце мука, стон и плач,
Здесь всё не так, как на десятом небе...

Зачем сошла я в горький плен дорог?
Не в первый раз сошла, припоминаю...

Меня просил не делать это Бог...
Отец родимый, променяла стаю –
Отечество небесное – на мир,
В котором войны души обжигают,
В котором боголюди вымирают
Не в смерть, а в жизнь –
Загаженный трактир.

Но коль я здесь, средь хаоса и мрака,
Доверь мне чудо – воспасти того,
Кто вырвался из лап живого страха,
Кому сегодня плачется легко.
Даруй-доверь редчайшее уменье
Его к твоим законам привести.
Отец небесный, дай дорогу пенью,
И дочь, свою любимицу, прости!

24 мая 1997

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВНИЦА ОГНЯ

1.
Мои лета рассыпаны вполне
По чьим-то душам, книгам и квартирам.
Такая тишина, как на войне,
Когда противник по законам мира
Вот-вот пальнёт... Я поднимаюсь в рост,
Не маскируясь. Снег блестит на солнце.
Кладбищенский приветствуя погост,
Крещу благословенное оконце,
Иду. Куда?! Безжалостно молчат
Своих... Чужих... Оглохли батареи!
И только птицы высоко кричат,
И снег летит. В себя, как в Бога, веря.

2.

Стояла я по всем очередям,
Но вечного мне всё же не хватало:
То солнце кончится.
То дождь не к тем корням.
То ветру места на планете мало.
Что оставалось? Сделаться самой
Оазисом средь выжженной пустыни.
Теперь пески с проклятою мольбой
Стоят ко мне не в очередь. И стынет
Воспоминаний воздух, детский плач,
И бег веков, и океанов судьбы...
Оазис – я, но скрип бездомных мачт
Напоминает смех распятой сути.

3.

Уйду и я, оставив мир беззвучным.
Но свечи в полумраке догорят,
Метель развеет огненные тучи,
И отцветёт бездушьем зимний сад.
У сказки ни начал, ни продолжений.
Не отнимайте у неё – меня:
Я – послесловье в государстве теней,
Последняя любовница огня.

22 декабря 1989

Волшебный шелест белого листа,
Ты чист, невинен, в тишину одетый.

Через мгновенье жизнь твои уста
Наполнит болью дышащей кометы,

Летящей мыслью... Господи, куда?
То вдох, то выдох... Господи, откуда?

В пространственную явь ведут лета
Несчастий, счастлих, прозы, быта, чуда.

Я в чьём-то теле странно так живу,
О чём-то рассуждая и гадая,

И называю речкою Неву,
А это – вена ада или рая...

Сия – загадка?.. Господи, прости,
И не давай убогого ответа.

– Гранат цветёт, вдыхая запах лета?

– Но как не схожи шелесты осин,
Берез и елей... Господи, прости!

2 марта 2001

*«Есть в мире – чёрные стада.
Другой пастух»*

Марина Цветаева

Голос крови, дорогая. Крови – зов,
Голос памяти! (Петляет путь воров...)

Вздвогнет Дух – и возродится мысли Кров.
Сердцу биться! Слышит львица плач стихов.

Пропечатан? Нет! Впечатан след следов:
Голос внутренний – спасенье от грехов.

На плечах твоих – лохмотья, не меха...
Было это. Есть. И будет. Навека.

7 ноября 2009

ЭПОХА ОТКРОВЕНИЙ

1.
Я не ушла – в сей... час лишь умерла,
Да, только что заглядывали ветры
Сюда – Оттуда... Боже, сколько веры
Ты дал мне в Чудо! Кончиком сверла
Твой голос вновь моё освобожденье,
Вновь возвращает в плен земной тоски...
Зачем ты держишь? Сдавлены виски
Петлёй неумолимого смиренья...
Все краски мира, диски откровенья
Не выточат сомненья из тоски!
Пусти, держать не стоит. Мой порок
Не в том, что я чудовищно богата,
А в том, что не дописана соната –
Нет времени, единственный мой Бог.
Нет времени – открытие не ново,
Умы о том вещали и до нас...
Но Слово, милый, трепетное Слово
Тебе ещё раз доказать готово –
Я не ушла, но я умру в сей... час!
Нет времени в пространстве. Время – в нас.

2.

– Ты вспомнила? Ты родилась не здесь,
А там, где океан смывает мели.
Довольно мук. Эпоха откровений:
Виржиния твой штат, а возраст – гений.
– О, век-ровесник, руку дай мне. Есть...
Есть на земле бессмертный городок
Из белых роз и солнечных сияний!
Живи среди бесчисленных страданий
Мой дом Олдорф! Рождественский мороз
Тебя не занесёт, как не занёс
Дыхание снегов российских истин...
– Пусть каждый мускул памяти, как листик,
Воскреснет! – Bravo... – Ложной сути гнёт
Пусть не коснётся Вас, о Элвис Пресли,
Да здравствует Величество Народ
И – Там! И – Здесь!

3.

– Я в отголосках!.. Господи, чудно!
Когда бы Он не мучил – я б молчала.
– В плену разлук ты всё-таки качала
Ребёнка мысли... – О, расти мой Слух!
Отцы? Их два. Один... один – небесный.
Второй – земной. Даруют благодать.
– А я... я на своём законном месте,
Счастливейшем! Не могущем страдать!
Пьяна любовью, а живу стихами.
И знаю, что услышана давно
Музыкой снов! – АУ! – Плыву на дно,
И тотчас вверх, гонимая волнами
К сиянью неба – дивное окно...
Я в отголосках... Господи, чудно...
Ты не покинь меня, моя музыка,
Пока ты есть – от Божеского Лица –
Родившись вновь, речь вечности – не мига,
Шлифует ритм со мною заодно.

1 сентября 1994

Кто-то в комнате моей
Ночью ходит по паркету.
Всё отчётливей, ясней
Дышит и – ложится к ней...

(К ней – ко мне?) Загадку эту
Тщусь я утром разгадать,
Но – увы! Бесплодны муки.
Кто решился обнимать,
Страстно к сердцу прижимать,
Преступив закон разлуки?

Это, верно, оттого,
Что когда ты в Вечность убыл,
Я у гроба твоего
Так светло и так легко
Целовала горе в губы!

10 января 1992

ДИАЛОГ ОКОН

*«Буду я где-то вне, средь тумана
блуждать во вселенной...»*

Константин Седунов

1.
Ночь меж нами,
Дождь со снегом.
Диалог окон...
Я не стала Вашим берегом,
Свет моих икон –
Вы. И были, и остались.

Боль ещё сильнее.
Бог с ней, с болью.
Пусть расстались,
Но седлать коней
Непривычно. Говорила:
Обучи! ...Ушёл.
Навсегда ушёл. Могила
Бережёт твой сон.

Впрочем, я жива и ныне
Памятью о Вас.
Дождь идёт.
Во мне не стынет
Ваш последний глас,

Взгляд
И поцелуй прощальный
Трогательно чист.
Друг мой верный,
Друг печальный,
Как живёшь? На «Бис»?
Всё ли так?

– Нет дня без вздоха,
Вспоминаю Вас...

– Если б знала, что Вам плохо,
Умерла б тотчас!

– Нет, живите! Встреча будет.
Здесь и Там – мой храм...
Передайте, пусть не судят,
Сам – себе воздам.
– ???

Дождь со снегом...
– Вы признались?!

– Диалог окон...
Вы и были, и остались,
Свет моих икон.

2.
Что толку-то выть?
Боже праведный, что же
Мне делать в миру без него?

– Глянь, сколько на свете
Пустует прихожих,
А сколько ты помнишь снегов?
И в каждый входил он.
Ты тотчас встречала
Свой вечный, немеркнувший сон.

– Я помню, отец,
Но ему обещала,
Что буду... Что буду влюблён

ной... Единый, любимый –
Шепталось,
И он это помнит теперь...

– Прекрасно.
О, верность душою не малость.
И... вечная память – великая радость.
Не слышит? Стучи в его дверь.

3.
Стук – Мой. Твой – Слух.
Отвори. Пришла. Ответствуй.

– Да. Я – твой друг.
– А я – твой. Чествуй.

- Сядь. Дай руки мне.
– Как... ты помнишь?
- Помню.
- Но мы... не во сне?!
- Снова гонишь – в дом лишь...
- Нет! На. Руки – на.
– Я в сон твой не градом...
- Но... воздух – стена?
- Нет, он не преграда.
Как сын, как жена,
Как мать – знаю, видел.
- Рас-тёт ти-ши-на...
На всех – не в обиде?
- Нет. – Правда, смешно,
Как зрелище театра!
- Забавно... – А... что?
– До завтра... – До завтра.

17 января 1992

К. С.

Ещё зима, но март уже спешит
и о себе напоминает болью,

заполонившей душу. И невольно
перед глазами розовый гранит.
На нём слова, как в будущее пропуск:
«Я счастлив был, не плачьте обо мне»
Просить кого? Какой небесный розыск
твой знает путь? На медленном огне
кипит сознание памятью прощённых
часов, минут. Но в каждом новом дне
ты умираешь для... непосвящённых,
а я была... посвящена тебе.

23 февраля 1992

Уходят один за другим,
Оставив открытыми двери.
Кричу, сиротливая, им:
– Довольно,
Я в смерти не верю!
Как холодно в диком миру
Бездушных, расчётливых тварей.
И мысль,
Что когда-то умру,
Уже веселит, а не ранит.
И радостно вдруг от того,
Что скоро и мне в эти двери
Без паники, страха... Бегом,
Забыв про земные потери.

11 мая 1992

УСТРОИТЕЛЮ ПОЭТИЧЕСКИХ КОНКУРСОВ

...Мне – премия? Помилуйте! стакан,
стакан воды в подарок – Океану?!
Но я дитя, рождённая от ран,
от ран любви... Готовая к обману,
согласная и недотрогой быть,
и злой, и доброй, глупой быть и умной...
Вникать ли мне – кого за что любить,
есть смысл жить мне с кем или не жить
расчётливо? Иль просто быть подругой?
Я родилась как ветер, солнце, дождь,
как снег чистейший, что идёт, не зная,
куда, зачем?.. Себя не утомляя,
скажи, глупейший, изгнанный из рая,
скажи , умнейший, ад свой воспевая,
любовь твоя быть может и другая,
но как решить – любить иль не любить?

...Водой в стакане удивишь Татьяну,
когда она Бог мне и – Океану?!

23 марта 2009

Мне лень писать, на улице жара.
Булгаков, кстати, в день один родился
С тобой. Ты в курсе? Господи, как бился,

Пытаясь доказать, что жизнь – мираж.
О чём бы мне тебе, мой друг, сказать?
Ты знаешь, я люблю тебя безмерно,
Но говорить о самом сокровенном
Не хочется, а хочется – молчать.

И знать о том, что ты со мной сейчас
Под кровом божьим, и всегда готова
Снять трубку телефонную, и снова
Продлится откровение для нас.

В твоих глазах небесный свет добра,
Магнит, который мёртвых воскрешает,
Мы обе знаем – смерти не бывает,
А ночи тьма живёт лишь до утра...

И наша боль – такая же утрата,
Как радость наших столь не частых встреч.
О, как бы мне хотелось всех сберечь!
Но – как? Ведь жизнь – единственная плата

И за мираж, и за игру страстей,
И за рожденья, и – за умиранья...
Прости меня, когда б не эти знания –
Я б не была союзницей твоей.

О чём бы мне тебе ещё сказать?
Ты знаешь, я люблю тебя безмерно.
Но говорить о самом сокровенном
Не хочется, а хочется – молчать.

15 мая 1989

А.А.

Постум, Клавдий, Александры, Константины...
Век от века переписка не стареет!
Детским небом сотворённые картины
Нерождённых и рождённых души греют.

Слово – атом. Переставь его и снова,
Снова сонная материя качнётся...
Стих – он мой, но твоему он станет братом
Иль сестрою. Знаешь, плачет ли, смеётся –

То неважно. Важно – дышит без раздумий
Та игра, которой не было начала.
И конца не будет – дремлет, как Везувий,
Пробуждается от счастья ли, скандала?

И – сначала!.. Всё сначала – Клавдий, Постум,
Клеопатры и Ксантиппы... (Бог, ты точен!)
Вот и молимся веками просто росту,
Росту собственному. Дни творя. И – ночи.

18 февраля 2009

Не говорите – умерла.
Скажите так – сгорела.
Звонят всюю колокола...
Я, как они, пропела
Всю жизнь свою, не зная путь,
Но ведая – горенье

Слова любви из божьих уст
Сердечные! А тленьё...

Не жизнь. Вы... слышите меня?
Дрова и печь – в них смысл!
– Горишь? – Горю. Хвала корням.
– Бог выслал выси? – Выслал.

05.11.2009

ПОСВЯЩЕНИЕ

АЛЕКСЕЮ МЕРКУЛОВУ

Твой мир донельзя добр. Свет,
небесный свет в глазах лучится...
И что бы не могло случиться –
твой мир – спасение от бед.
Простор и воля, и печаль
с далёкой девой одинокой
пряят высоко... Неба даль
скрывает радость огнеокой.
Туманно прошлое, и – то...
то, что за будущим таится,
мелькают в снах ушедших лица,
старуха крестится. Итог
счастливый подведён. Безумью
твой мир диктует твёрдо – нет.
Он, сохранив себя, раздумью
оставил белых маков цвет...
А плод любви, греха не зная,
вовсю резвится и поёт!
О чём? Да Бог его ведёт,
дорог своих не выдавая...

И тем, кто смертен, не понять
ни промысла, ни провиденья.
Но – знай: у мира нет забвенья,
пока на нём Любви печать.

26 декабря 2009

ВЕЧНЫЕ РОДЫ

Веку скользко. И ветер свиреп.
Вроде март, а весны нет в помине.
Ворох чувств от рождения слеп,
Он как гость на своих же поминках.
Званный гость. Но не сам ли себя
Умертвляет твой гений бесспорный?
Выбирает безумье стезя,
Избежавшая прочной опоры.

И тебе остаётся лишь жить,
И на Солнце смотреть без боязни.
Луч, рожденный безмолвьем, дрожит –
Слишком поздно, в надежде не вязнет
Скорость ливня... Но жить не трудней,
Чем исчезнуть под тяжестью горя.
Если б не было в небе огней,
Ярким факелом вспыхнула б Троя?

Веку скользко. Куда заметёт
Ошалелая пьяная вьюга?
Смерти нет. Но бессмертия гнёт
Ни одна не познала наука.
Окрылил его только Поэт,
«Вечный каторжник вечной свободы»...

Смерти нет. Мрака нет. Света нет.
Ибо царствуют Вечные Роды.

17 марта 2009

НЕИСЦЕЛИМОМУ

*«Нет умения жить
без умения умирать»*

Марина Цветаева

Я записку прочла. Отвечаю, друг мой.
Молний мечется хор. Дождь идёт проливной.
Дождь идёт... Я, рыдая, смеюсь над собой –
Всё, что было – то было уже не со мной...
Но вчера я тебя разыскала сама,
В рифму просится снег, а точнее зима!
И не страшно не быть. И не страшно не петь,
Тьма уже не страшна. Светом некого греть.
Всё, что есть на земле, под землёй, в небесах,
Дождь познал огневой, веря в счастье и крах,
Помня ночи шальные и безликие дни...
Ты такой же, как был... Но другие они
Небеса-берега, города-времена,
И весы, и часы, и больная вода,
Океаны мелеют... Лужа высохла вся...
Не учили летать нас, крест незримый неся.
Умирать не учили. Да и как научить
Смерть отчаянно бояться
И... её же – любить?!

16 января 2009

ДУША

1.

Отпущена. Открещена.

Дыхание, лети.

Не девочка, не женщина –

Без выбора – свети.

Мужчины – нет. Нет – мальчика.

Душа и есмь Душа.

Коль выпорхнет из ларчика,

Ликуя и дрожа,

Свободная, не вольная,

Но! Верная – себе.

Лети. Свети. Довольна? – Я...

Посланица небес...

2.

Твой дом – убежище от снов

Земных и горьких.

В нём свет горит из всех веков

Слепых и зорких.

В нём воздух лечит всяк недуг,

В нём сказкам – вольно.

В нём колокольчик вздрогнет вдруг,

И память больно

Аукнется из прошлых бед:

Дели и властвуй...

Я шла в твой дом сто тысяч лет,

Чтоб крикнуть: – Здравствуй!

15 июля 1997

Люблю сентябрь. Бархатный сезон
В разгаре, но на сердце неспокойно –
Мой сон – как жизнь. А жизнь моя – как сон,
Который не кончается. И больно

В глаза слепых глядеться и глухих,
Не отрешиться мне от муки сонной,
Но грешный мир любить, презрев уроны,
Удел людей счастливых и живых.

Сентябрь пьяный. Море. Горы. Сон.
Со мною всюду божеская милость,
Я это точно знаю, не приснилось –
Весёлый плач своих же похорон.

23 сентября 1998

ПОЭТУ

Опять свечи встревоженные слёзы,
знакомые портреты на стене...
Ожившее дыхание мимозы,
всё наяву опять, а не во сне.

Любимые, в чьи смерти я не верю,
и жалкое участие слепых.
Какую завтра выдержу потерю?
К утратам ум разбуженный привык.

Какую завтра выдержу удачу?
К победам не привыкнуть никогда.

Мгновение, себя я так же трачу,
как ты, не вспоминая о годах.

К началу близясь, становлюсь добрее,
терпимее и тише становлюсь,
ни перед кем не закрываю двери,
ни на кого, как прежде не молюсь.

И даже если друг задует пламя,
не осужу – скорей наоборот,
простив убийцу, выроню не зная,
не дорожа твоим судом, народ...

Твоим признаньем иль твоим презреньем,
мне всё одно, чем тешится толпа!
И лишь свечи родной сердцебиенье
заставит вздрогнуть, радостно запла...

Заплакать, да! И, улыбнувшись страху,
ладони протянуть тому, чей Стих
достоин восхождения на плаху –
в бессчётный раз благословенный миг.

11 марта 1980

ПОЭТАМ

*«Поэт – издалека заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.»*

Марина Цветаева

Шелестят листы – разговор ведут...
Знать могут мосты, что под ними пруд

Твой и мой – речей? О, дрожащие!
Вы о чём? О чём, слух манящие?..

Век из века стон, век из века плач,
Ты – листа иль он – твой и мой палач?

Огнедышит зов, ше-по-тит сквозь крик:
– Я готов, готов! Открывай тайник!

Дальше – больше... Речь! Карандаш поёт,
По бумаге течь мысль не уста-ёт,

Рúчкой ли, пером – слово во-плоти!
То-потом – в твой дом... Топором – плати!

Вырубить – никак. Плаха ждёт, любя.
Каждый Стих – твой флаг. Шелестят, губя,

Женихи – невест. И – невесты в ряд
Под фатой дрожат: – Ты готов? – Ты рад?

Куда путь, вожак? Шур-шуршат листы...
Огнедышит речь. И – дрожат кресты.

23 ноября 2009

– Через Пятый Воздух
рук – мне не протянуть...
Слышишь крови мёртвой стук?
– Нет! С живою – перестук,
болью поклянусь.

– Сердце бешено орёт
день и ночь о том...
Рвётся не куда-нибудь –
нет разлук – летит мой путь
в твой просторный дом.

А небесный – твой – в земной
в дом остывший мой...
На, лови! Любой ценой
куст сирени молодой
в неземной покой...

Бог мой, слов не разомкнуть:
пятый воздух – Звук?

– Пятый Воздух – Дух!
В нём суть всех путей,
Его вдохнуть
ты смогла, мой друг.

26 мая 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Я ИСПОЛНЮ ВОЛЮ ТВОЮ, АНДРЕЙ	
Нить Ариадны	7
Елабуга	10
Мы с Вами оба из княжеского рода	13
Она любит Марину	14
«Оторваться от Родины – вещь необычная...»	16
Огромная рябина и семь тополей	20
Три машины мусора и сорок бутылок водки	26
Успокойтесь, Биктимир	27
«Я буду идти до конца»	29
Татарстан. Министерство культуры	31
А у нас приятные новости	36
«Вошли в калитку, а вышли... через окно!»	38
...Пророчу, верьте мне	40
Почему! Почему! Почему!	42
Литературные штатские	49
Политика любви к человеку	52
Французская безделушка	55
Анонимное письмо	56
Иди с Богом...	58
«Досье» – приложение к «Литературной газете»	60
Праведный гнев Духа	66
Гражданам моей страны	67
Такая вот история	71

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Копия письма М.И.Цветаевой – Имамординову	74
Копия Акта о смерти М.И.Цветаевой	76
Письмо А.И. Цветаевой в горисполком г. Елабуга	77
Доверенность Т.С. Пивоваровой-Костандогло	78
Протокол разговора с В.Н. Дунаевым	79
Заявление Ю.В.Дунаева	80
Протокол разговора с М.И.Чурбановой	82
Акт опроса Р.Г. Гаязовой	85
Протокол разговора с Е.И. Ларионовой	87
Акт опроса Л.И. Волковой	88
Акт опроса А.Н. Фахрутдиновой	89
Акт приёмки-сдачи	91
Перечень документов	92
Протокол опроса М.И. Чурбановой	93
Заявление М.И. Чурбановой	95
Заявление Г.Н. Мясниковой	96
Пояснительная записка А.Б. Трухачёва	98
Распоряжение горисполкома г. Елабуга	103
Координальная схема захоронения	104
Письмо А.И.Цветаевой	105
Письмо Ю. Кацмана	111

Письма А. Б. Цветаева-Трухачёва:

В Академию Наук Татарстана	112
В Союз писателей Татарстана	113
В Министерство культуры РСФСР	114
В Союз писателей СССР	116
Заявление в КГБ СССР	118
Статья из газеты «Правда Украины»	122

ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА «БЕЗ СЛОВАРЯ»

Встреча первая	141
Встреча вторая	142

Встреча третья	143
«Мысли – птицы!»	145
«В тарелочке, да в меленькой...»	146
«Вот она – Елабуга...»	147
«Деньги-товар-деньги...»	149
«И... охнул взор...»	150
«Как долго спали мы!...»	151
«О, храм, умеющий хранить...»	152
«Мне хан милей земли родной князей...»	153
«Владелица нищих поместий...»	154
«Голова – в огне...»	155
Потомственным палачам	157
Разговор с Мариной об Анастасии	158
«Стихов татарских славлю хор...»	160
«Стихи, остановитесь...»	161
«Кто я – тебе, Марина, кроме – как...»	162
«Не утро. Дождь.»	163
«Люди – звери»	163
Изилю	165
Поэтические фантазии	166
Ответ анониму 13-19-04	168
«В постылый век...»	168
«Успех – событием взмахнуть...»	169
«Что делать? Нерождённые сидят...»	170
«Моя родная, кланяюсь тебе...»	171
Маленькая баллада о русском народе	172
«Ушёл не ты – ушла эпоха...»	173
Андрею Трухачёву	173
Поэма «Сказ о Разине»	174
«Не живи рассудком бrenным...»	183
Кольцо	184
«Я знала, когда прокричит петух...»	185
«Дело к расставанию»	186
«И не гордая, и не робкая...»	187

«Вы не меня обидели...»	188
«Любила ль я? Любила, как всегда...»	189
Последняя любовница огня	190
«Волшебный шелест белого листа...»	191
«Голос крови, дорогая...»	192
Эпоха откровений	193
«Кто-то в комнате моей...»	194
Диалог окон	195
«Ещё зима, но март уже спешит»	198
«Уходят один за другим»	199
Устроителю поэтических конкурсов	200
«Мне лень писать, на улице жара»	200
«Постум, Клавдий, Александры, Константины...»	202
«Не говорите – умерла...»	202
Посвящение Алексею Меркулову	203
Вечные роды	204
Неисцелимому	205
Душа	206
«Люблю сентябрь...»	207
Поэту	207
Поэтам	208
«Через Пятый Воздух...»	209

КОСТАНДОГЛО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

«ПЯТЫЙ ВОЗДУХ.
ВЕРСИЯ УБИЙСТВА
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ»

Художник: *А. В. Кинсбургский*

Корректор: *А. А. Степанова*

Верстка: *А. В. Кинсбургский*

**По вопросу приобретения книг
обращайтесь на e-mail: sonet12@mail.ru
или по тел. 8 906 7978370
Секретарь – Анна**

Подписано в печать 10.07.10. Формат 60x84¹/₁₆.
Объем 13,5 печ. л. Тираж 600 экз. Заказ № 787.

Отпечатано в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.

ISBN 978-5-88898-429-1

9 785888 984291

что можно эвакуировать из
посетителей возмущались — как
она среди них оказалась? Судя
ли её уже очень строго. Вроде как
спозорил она их, руки на себе
наложил.

И тех, кто принимал участие
в похоронах вы узнали? Вам да-
статочно ли кого?

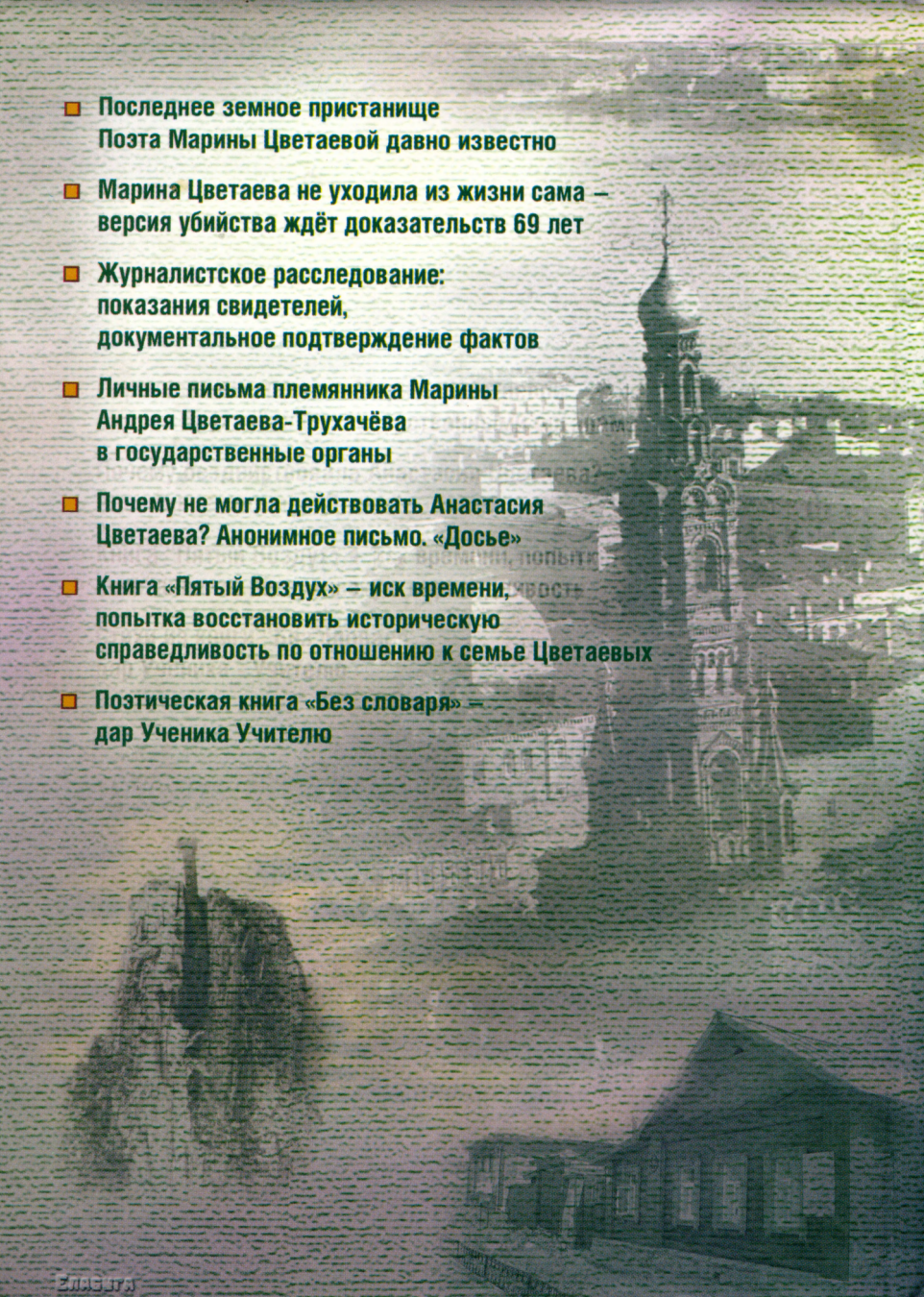
Может нет а позже узнала.
У меня отец с матерью и дед
близко от неё лежал.

— Откуда же вы узнали, что до
могилы именно Маринь, Цво-
новны Цветаевой?

— Столбик там стоял, на нём
имя и написано было —
Цветаева.

— И больше ничего? —
Ничего. Одно слово — Цветаева
и всё.

— Кто же столбик? Расскажи,
поислабство, подробнее —
какой на вид и откуда
он взялся?

-
- **Последнее земное пристанище Поэта Марины Цветаевой давно известно**
 - **Марина Цветаева не уходила из жизни сама — версия убийства ждёт доказательств 69 лет**
 - **Журналистское расследование: показания свидетелей, документальное подтверждение фактов**
 - **Личные письма племянника Марины Андрея Цветаева-Трухачёва в государственные органы**
 - **Почему не могла действовать Анастасия Цветаева? Анонимное письмо. «Досье»**
 - **Книга «Пятый Воздух» — иск времени, попытка восстановить историческую справедливость по отношению к семье Цветаевых**
 - **Поэтическая книга «Без словаря» — дар Ученика Учителю**